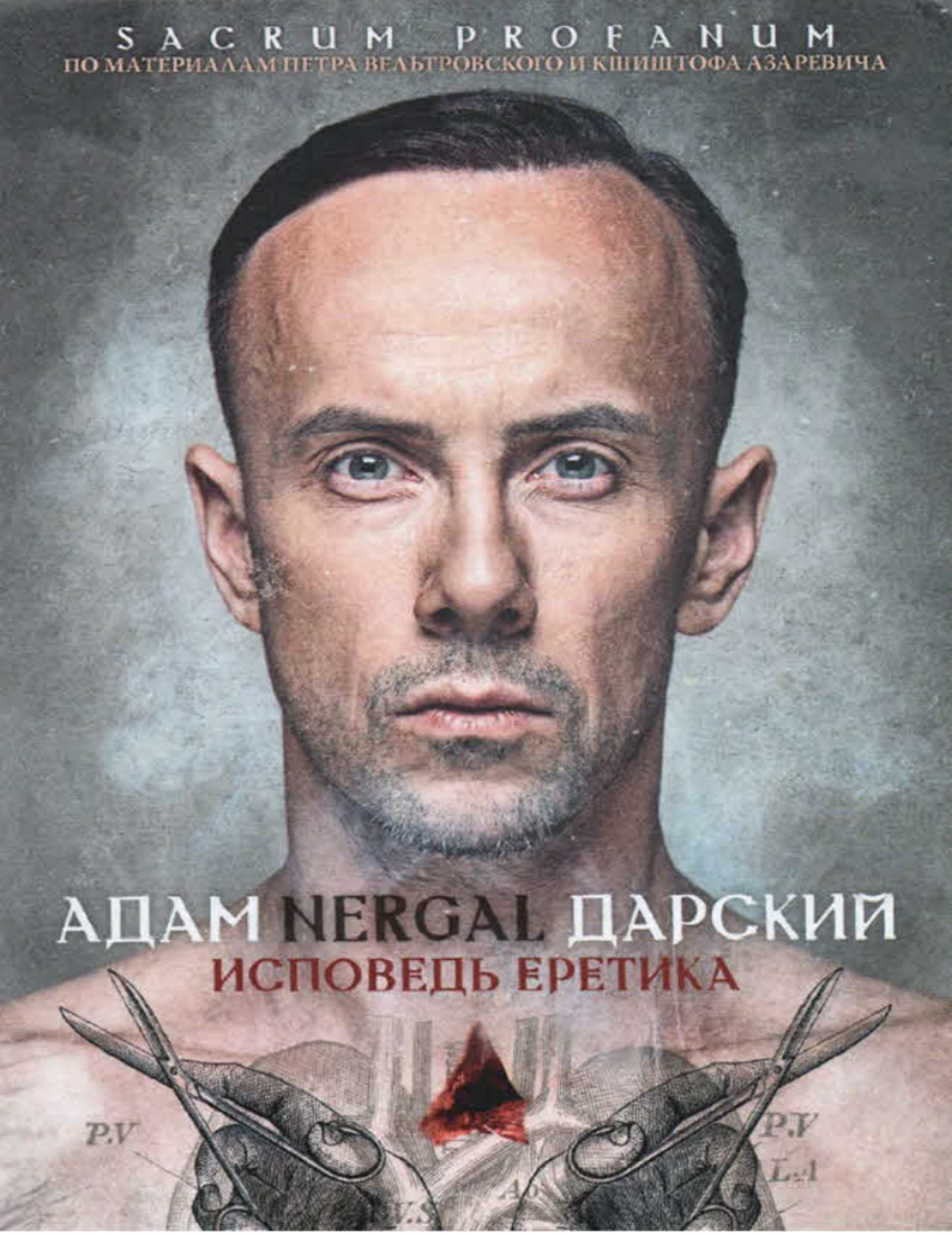
SACRUM PROFANUM

ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕТРА ВЕЛЬГРОВСКОГО И КШИШТОФА АЗАРЕВИЧА



АДАМ NERGAL ДАРСКИЙ

ИСПОВЕДЬ ЕРЕТИКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Интервью с одним из выдающихся, наиболее противоречивых польских музыкантов, и вместе с тем вдохновляющих фигур шоу-бизнеса. Лидер группы Behemoth раскрывает все карты. Искренне и бескомпромиссно он рассказывает о своём детстве, взрослении, первой любви и музыкальных вдохновениях. Он вспоминает, как зарождались Behemoth, но также рассказывает о бурных романах или серьёзных отношениях. Собеседники Дарского много времени посвящают взглядам музыканта на вопросы, связанные с религией, церковью, историей, местом человека в обществе и семье. И, конечно, размышлениям об успешно выдержанной борьбе с лейкемией. Эта книга расскажет о том, что Nergal не просто скандалист и сценический демон, но, прежде всего, человек разносторонних взглядов, чрезвычайно начитанный, осознающий свою силу и силу своих убеждений. Человек независимый, ценящий свободу превыше всего. Порою чувствительный и романтичный.

- Адам Nergal Дарский
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ Глава I
  - ○ Глава II
  - ○ Глава III
  - ○ Глава IV
  - ○ Глава V
  - ○ Глава VI
  - ○ Глава VII
  - ○ Глава VIII
  - ○ Глава IX
  - ○ Глава X
  - ○ Глава XI
  - ○ Глава XII
  - ○ Глава XIII
  - ○
  - ○ Об авторах
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

Адам Nergal Дарский

ИСПОВЕДЬ ЕРЕТИКА

*

Copyright fot the Polish edition
© 2012 G+J Gruner + Jahr Polska Sp. z o.o. & Co. Spółka Komandytowa.

Copyright © 2012 for the text by Adam Nergal Darski
G+J Gruner + Jahr Polska Sp. z o.o. & Co. Spółka Komandytowa.
02-674 Warszawa, ul. Marynarska 15, Poland

Разговаривали
Пётр Вельтровский и Кшиштоф Азаревич

© Metal Star, Беларусь
© Перевод. Полина Кушнер

«Что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной

шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп».

Михаил Булгаков, «Мастер и Маргарита»

«Лично я не встречал еще человека, который не был бы Богом».

Остин Осман Спейр, «Книга удовольствий»

Данная книга — результат многолетней дружбы между авторами и Героем. Ее написание заняло около полугода. В интервью, которое вы прочтете, мы старались представить Нергала таким, каким его знаем. Многочасовые расспросы проходили в разных местах и при различных обстоятельствах. Иногда беседа могла лениво течь часами, становясь разговором по душам за чашкой кофе. Иногда шла тяжело и напряженно. Иногда диктофон включался лишь затем, чтобы точно зафиксировать одну-две мысли. А иногда Нергал даже не догадывался, что ведется запись.

Авторы старались, чтобы мысли Героя не затерялись за их взглядами. Множество раз мы высказывались наперекор ему, лишь для того чтобы спровоцировать, заставить высказать свое мнение. Порой работа над книгой становилась настоящим испытанием для многолетней дружбы. Но какими бы искренними и бескомпромиссными ни были беседы, сопровождаемые шутками и музыкой, они продолжались. С тяжестью, а иногда и злостью во взгляде, но продолжались.

Мы надеемся, что ты не останешься равнодушным.

Также авторы выражают глубокую благодарность за помощь, часто бескорыстную, всем тем людям, которые приложили руку к созданию книги, мирясь с нашей глубокой увлеченностью и терпя все капризы. И, конечно, издателям, которые целиком и полностью доверили нам подготовку материала. Это редкость.

Кшиштоф Азаревич, Пётр Вельтровский

Глава I

СЛЕПАЯ СУДЬБА
ВЫВЕЛА ИЗ БЕТОННЫХ ДЖУНГЛЕЙ

Как любого ребенка, Нергала интересовали игры, а не заутреня в церкви

И возможно, он не отказывал себе в рюмочке.

Когда ты в последний раз был на исповеди?
Не знаю. Не помню. Сто лет назад.

Ведь каждый польский ребенок был на исповеди!

Мне было тогда лет четырнадцать. Я готовился к таинству миропомазания, которого так и не получил. Сбежал. По собственной воле сбежал из этого вертепа. Религия меня словно тормозила. Там дурно пахло. Ощущение смрадности возникло еще тогда, когда я считал себя католиком. Был такой период. Правда. Эго был скорее импульс, чем вера. И его не сопровождало ничего глубокого. Я был ребенком, меня интересовали игры, а не заутреня в церкви.

Сосредоточься, может, вспомнишь, как в последний раз исповедовался в грехах?

Нет. Помню только, что чувствовал, приближаясь к исповедальне. Стоишь, ждешь своей очереди, а вокруг холод и грусть. Я это ненавидел. До сих пор помню. Снаружи костелы могут быть красивыми, но все равно внутри — тоска и холод.

Дарский убежал перед намазом, а небо даже не заплакало…

Наверное, твое рождение было каким-то особенным.

Ничего особенного, кроме того, что я родился в больнице Гдыни, хотя моя семья жила в Гданьске. Все было обычно. Не явились трое волхвов, ни одна звезда не засияла. Это было обыкновенное, неприметное рождение. Таким же было и мое детство. В типичной польской семье.

Адам — это такое хорошее библейское имя…

Нехорошее.

В семье важны были традиции?

Как декорации. Крест на стене висел, праздничные гимны пелись, но я чувствовал, что это только украшательства. Был какой-то диссонанс между тем, что на стенах, и тем, что происходило на самом деле. Мой отец был партийным [ПОРП[1]]. Я видел, как он пытается найти компромисс между своим мировоззрением и традициями. Он сохранял видимость религиозного человека, на все праздники ходил в костел, но коленей никогда не преклонял.

А мама?

Мама придавала большое значение религии, но я не думаю, что она была глубоко верующей. Может, это и обидно, но я видел это… Хотя был у нее в жизни такой период, когда она искала помощи у бога. Мне было восемь лет, моему брату Павлу —

шестнадцать. Как-то раз он принес домой неразорвавшуюся гранату. У нас не было компьютеров, в телевизоре два канала, вот дети и искали себе развлечение. Брат заинтересовался старым оружием. Его было легко найти — достаточно просто пойти в лес. Павел заигрался. Граната взорвалась, он надолго потерял зрение, на несколько месяцев попал в больницу. Не было известно, восстановится зрение или нет. Именно тогда мама начала молиться. Ходила в костел, просила помощи. Когда брат выздоровел, успокоилась. Не ударилась в религию. К моей и своей удаче.

Ты вспомнил о Павле. Между вами довольно большая разница — восемь лет. Какие у вас были отношения?

У нас одна мама, но не знаю, один ли у нас отец… Я шучу, конечно. Мы были полными противоположностями. Отличались друг от друга всем, начиная характером и заканчивая образом жизни. Павлу сложно было адаптироваться в обществе; он примкнул к расистской группировке и с трудом закончил восемь классов. Дальше учиться не захотел. Пошел в ремесленное училище, а потом начал работать. Его амбиции были далеки от учебы. Павла интересовали главным образом вечеринки, девушки и спорт. На чердаке он сделал тренажерный зал. Как-то раз я нашел на шкафу набор шприцов и какие-то странные ампулки. Я понятия не имел, что это такое. И только когда Павел за очень короткий срок развил впечатляющую мускулатуру, понял, для чего они. Меня же это совсем не интересовало. Жили мы в одной комнате, рядом, но не вместе. Хотя именно благодаря ему я открыл для себя музыку, изменившую всю мою жизнь…

Павел был непослушный, а маленький Адам?

Адам — наоборот. Я хорошо учился; ни дома, ни в школе со мной не было больших проблем…

…И на Пасху бегал в костел освятить куличи.

Никогда! Даже когда я считал себя католиком, костелов не терпел. Инстинктивно. Я лгал родителям. Говорил маме, что был на мессе, хотя на самом деле там не был. Приходило воскресенье, брат, конечно, исчезал куда-то с самого утра, отец уезжал на дачу, а я оставался с мамой. Когда приближалось одиннадцать, время мессы для детей, я добропорядочно выходил из дома.

И куда же ты шел?

Целая компания со двора избегала костела. В основном мы шли что-нибудь покушать. Тогда в кафетериях пекли пирожки с

грибами. Вот и шли мы за пирожками и морковным соком. Еще очень часто ходили на пляж. Было близко, и мы шли пешком, валяли дурака, кидались камнями в птиц. У нас был только один час. Точь-в-точь к полудню я должен был быть дома.

И мама стояла в дверях и проверяла проповедь?

Никогда не устраивала гестапо. А вот многим моим товарищам приходилось ждать, когда с проповеди вернется кто-то из знакомых и расскажет им содержание. Меня это не беспокоило. Я не чувствовал над собой кнута, только легкое давление. Я даже не помню, как закончились эти мои воскресные вылазки. Просто в один прекрасный день я не пошел на мессу. И все. Не было никаких наказаний, карманных денег меня не лишали.

Семья почти в сборе На первом плане дядя Клеменс.

Это он показал Нергалу его первые гитарные финты.

ТРАКТОРИСТ

Как родители зарабатывали на жизнь?

Отец работал технологом кораблестроения на судоверфи имени Ленина. У него было место в конторе. Несколько раз он брал меня на работу, и там было скучно до смерти. Мама же всю

жизнь проработала на подшипниковом заводе. Тоже в конторе. В молодости она хотела стать медсестрой, но когда на одном из занятий увидела кровь и потеряла сознание, отказалась от этой идеи. Богатыми мы не были, но ни в чем и не нуждались. Всегда было что поесть и что надеть. А если чего-то не хватало, то родители старались, чтобы этого не чувствовалось.

Тебя баловали?

Мне до сих пор стыдно из-за одного случая. В восьмидесятых годах на полках магазинов было пусто. Но на рынке можно было найти много интересных вещей. В Гданьске он размещался в районе Вжещ. Я любил там гулять. С родителями, а потом и со знакомыми. Как-то раз я увидел на прилавке компьютер. ZX-81, самый примитивный. Скорее калькулятор, но в игры играть можно было. После него в продажу вышли ZX-Spectrum, Atari, Commodore. Иметь такую штуку — заветная мечта каждого мальчишки. Цена меня не заботила. Родители сначала отказались его купить, потому что это была на самом деле дорогая вещь. Но они видели блеск в моих глазах. Мы попросили продавца, чтобы он пришел к нам и объяснил, как компьютер работает. Я его получил. И никогда не включал. Он просто стоял и покрывался пылью. Это были сложные времена, и деньги можно было потратить лучшим образом. Вот такими были и остаются мои родители. Исполняли все мои капризы. Им не хватало характера.

А тебе — дисциплины?

Это палка о двух концах.

В смысле?

Я очень благодарен родителям за то, как они меня воспитали. С детства у меня было право самому управлять своей жизнью. Я научился ответственности и самостоятельности. Меня не заставляли играть на пианино или ходить на балет. Языки я учил, потому что хотел, а не потому что кто-то меня заставил. Я мог заниматься боевыми искусствами, играть на гитаре. Никто ничего мне не запрещал. Наоборот, родители всегда меня поддерживали.

Родители гордятся своим сыном.

Фото сделано после концерта в Гданьске.

Тебя когда-нибудь били?

Нет. В отличие от моего брата. Он часто получал нагоняи. Во многом именно поэтому моя кожа так и осталась не выдубленной. Родители видели, что толку все равно нет. Меня они воспитывали по-другому.

Неужели ни разу не получил нагоняя?

Ну, может, раза два в жизни.

Заслуженно?

Один раз точно. Мне было шесть лет, я проводил каникулы в деревне. Дом наш стоял на пригорке, дорога от него круто шла под откос и спускалась к речке. А на самом краю стоял трактор. Я забрался на сиденье водителя, нажал сцепление и трактор поехал. Прямо к воде. Я пробовал рулить, но шансов, что маленький мальчик сможет справиться с управлением, не было. К счастью, по близости стояли мой дядя и папа. Они остановили трактор в нескольких метрах от воды. Мне тогда сильно влетело по заднице. Я два дня не вставал с кровати, так было больно.

Обижаешься на отца?

Нет. Я заслужил. Возле дороги часто играли дети. Чудом поблизости не оказалось ни одного из них. Даже сейчас я

содрогаюсь при мысли о том, что могло произойти. Когда я был маленьким, я делал много глупых вещей.

Трактористом ты не стал, а как обстояло дело с боевыми искусствами?

Отец отдал меня в секцию дзюдо. Я втянулся по уши. Это стало частью моей жизни, почти такой же важной, как музыка. Была у меня еще одна страсть. Рисование. Я проводил часы, разрисовывал целые альбомы. Делал собственные комиксы. В основном рисовал сцены сражений. Всем мальчикам нравится война.

Ты играл в солдатики?

Ко мне приходил сосед с седьмого этажа, Пётрек. Мы разыгрывали масштабные сражения, бросая мячик в «войска» противника. Пётреку это удавалось лучше, чем мне. Я в основном проигрывал. Это доводило меня до белого каления.

Ты топал ногой и сметал солдатиков со стола?

Нет, но проигрыш сильно меня огорчал. Я вообще не умел проигрывать, даже быть вторым. Когда другие дети играли в футбол, я не участвовал, чтобы не проиграть, — пинать мячик у меня не получалось. Зато у меня были большие успехи в дзюдо. Я был добросовестным учеником — не пропустил ни одной тренировки. Лучший ученик в награду за успехи получал одноразовый абонемент в бассейн. И это было по-настоящему эксклюзивное развлечение. Сейчас любой человек идет, платит и плавает. А тогда на все Труймясто[2] приходилось несколько бассейнов, куда нелегко было записаться. Я плавал каждую субботу.

БОЖЕНКА

Интересовали тебя тогда девочки?

Я быстро открыл для себя прелесть секса. Уже в детском саду. И успел сменить аж целых три.

Тебя исключили из какого-то?

Нет. Хотя мой первый детсадовский опыт довольно драматичен. Я был очень привязан к родителям и не понимал, почему мама оставляет меня в каком-то чужом месте. Я, заплаканный, стоял у окна и смотрел, как она выходит из здания. Потом закрывался в туалете и ревел дальше.

Так ты был маменькиным сынком?

Немножко. Другие дети так не реагировали. Но я в принципе ненавидел детсад. Самым ужасным были так называемые свиные котлеты. Я говорю «так называемые», потому что на самом деле они не имели ничего общего со свининой. Связки, хрящи, сухожилия, соединенные между собой кусками мяса, — и все это держалось только благодаря панировке. Такими были детсадовские котлеты. Есть это было невозможно. Проблема в том, что нам не позволяли встать из-за стола, пока что-то оставалось в тарелке…

И ты стискивал кулачки и ел?

Я пытался. Однажды я не справился. Это, наверное, самая большая травма детства. Жую я эту котлету, откусывая то с одной стороны, то с другой, а куски мяса прячу за щеками, как хомяк. В этот момент я осознаю, что у моего кишечника есть для меня важная информация. Появилась проблема. Но выйти из-за стола мне нельзя, поскольку тарелка все еще полная. Как могу, борюсь с природой, верчусь на стуле в надежде, что кто-то заметит и позволит выйти. Однако никто ничего не делает. Когда подходит на самом деле критический момент, я срываюсь с места и выбегаю в туалет. Слышу, как кто-то на меня кричит, но совершенно не обращаю на это внимания… Тебе надо узнать еще одну вещь. В этот же детский сад, в параллельную группу, ходила тогда одна блондинка. Боженка.

Первая любовь?

Все мальчики были в нее влюблены, я тоже. Чисто платонически, у меня не было с ней близкого контакта. Это была очень хорошая девочка. Спокойная, тихая и красивая. Короче, идеал. Мне нравилось на нее смотреть, этим все и ограничивалось.

И какова ее роль в истории с котлетой?

…Я выбегаю из комнаты. Бегу со всех ног. Но было уже поздно. Я даже не успел закрыть кабинку и снять штаны. Все произошло очень быстро. И вот я уже стою весь обосранный и пытаюсь вытираться бумагой. В этот момент открываются двери, я оборачиваюсь и вижу на пороге Боженку. Она смотрит на меня, я смотрю на нее. И я весь в говне. Я глупо улыбаюсь, открываю рот и прошу ее, чтобы только не рассказывала воспитательнице… Естественно, новость моментально разлетелась по всему садику. Закончилось все страшным позором и купанием в детсадовской

ванне. Воспитательница держала меня за руки, как тряпку, и мыла из шланга. Я получил выговор и дополнительный тихий час в качестве бонуса. Ну, и чувство, что это моя большая неразделенная любовь настучала, что я наделал в штаны.

Так вот как ты узнал об отношениях мужчины и женщины?

Нет. Это случилось еще раньше и было гораздо приятней. Я за что-то провинился, уже не помню за что, и получил наказание. Я должен был переодеться в пижаму лежать в кровати, вместо того чтобы играть с другими детьми. Когда время моего наказания истекло, ко мне подошла учительница и сказала, что я могу встать. В этот момент я почувствовал, что встало что-то другое. Это была первая эрекция, которую я помню.

Ну а девочка, реальная, была у тебя в садике?

Я даже получил первый минет! Хорошо это помню. Девочку звали Магда, и она была не в моем вкусе. У нее был крючковатый нос и коротко стриженные торчащие волосы. Как-то раз во время тихого часа ее положили рядом со мной. Мы стали потихоньку перешептываться. И тут она сделала мне предложение, от которого нельзя было отказаться. Сказала, что полижет у меня там внизу, если и я сделаю то же самое. Мне было интересно, и я согласился. Когда она забралась ко мне под одеяло, я ничего такого особенного не ощутил…

А вторая часть сделки?

Я дезертировал. Сунул голову под одеяло, но на полпути понял, что совсем этого не хочу. Вылез обратно и с серьезным лицом сообщил, что она ничего не получит. Отвернувшись, лег спать.

Разбил девочке сердце. Когда ты вообще осознал, что это у тебя там внизу болтается?

Трудно сказать. Довольно рано. Свой первый урок сексуального воспитания я получил в восемь лет. Учителем стал друг моего брата Цезарь. Это был завсегдатай вечеринок, местный хулиган. Но со мной всегда хорошо обращался. Родителей не было дома, и мой брат устроил вечеринку. Я должен был сидеть тихо в своей комнате. Я лежал на кровати и читал, а за стеной веселье набирало обороты: сигареты, алкоголь, громкая музыка. Тут ко мне в комнату заваливается Цезарь. Садится рядом с моей кроватью и начинает пьяный монолог. Спустя некоторое время вытаскивает откуда-то кассету VHS. Он

сказал, что одолжит ее и можно не спешить с возвратом, но только я должен смотреть ее, когда буду дома один. Я посмотрел на следующий день.

Это были не диснеевские мультфильмы?

Мультики там тоже были, но неприличные. Три часа жесткого порно. Я несколько месяцев не отдавал кассету. Она была очень вдохновляющей. Если бы не Цезарь, то я бы наткнулся на подобный фильм несколькими годами позднее.

Вернемся лучше в детский сад. Ты был хулиганом?

Скорее бунтарем. Строил разные планы и воплощал их в жизнь. Один раз мне даже удалось сбежать. Причина была прозаичной. Я не мог понять, почему я должен находиться в каком-то чужом месте, если дома никого нет. И я придумал план. Ничего сложного. В то время, когда мы выйдем играть на улицу, я собирался направиться прямо к калитке, обойти все препятствия и там дальше как пойдет… Так я и сделал. Воспитательница пыталась догнать меня. Она была неповоротливой и бегала неуклюже. Я без проблем добежал до калитки раньше нее.

Вот и первый прогул…

Прогуливал как раз и мой брат. Я встретил его по дороге домой. Он заметил меня, очень удивился и спросил: «Что ты тут делаешь?» Я ответил, что сбежал. Брат проводил меня домой. В тот день я уже не вернулся в садик, так что можно сказать, что план удался.

ХОТИМ БИТЬ ОМОН

За детсадом началась школа.

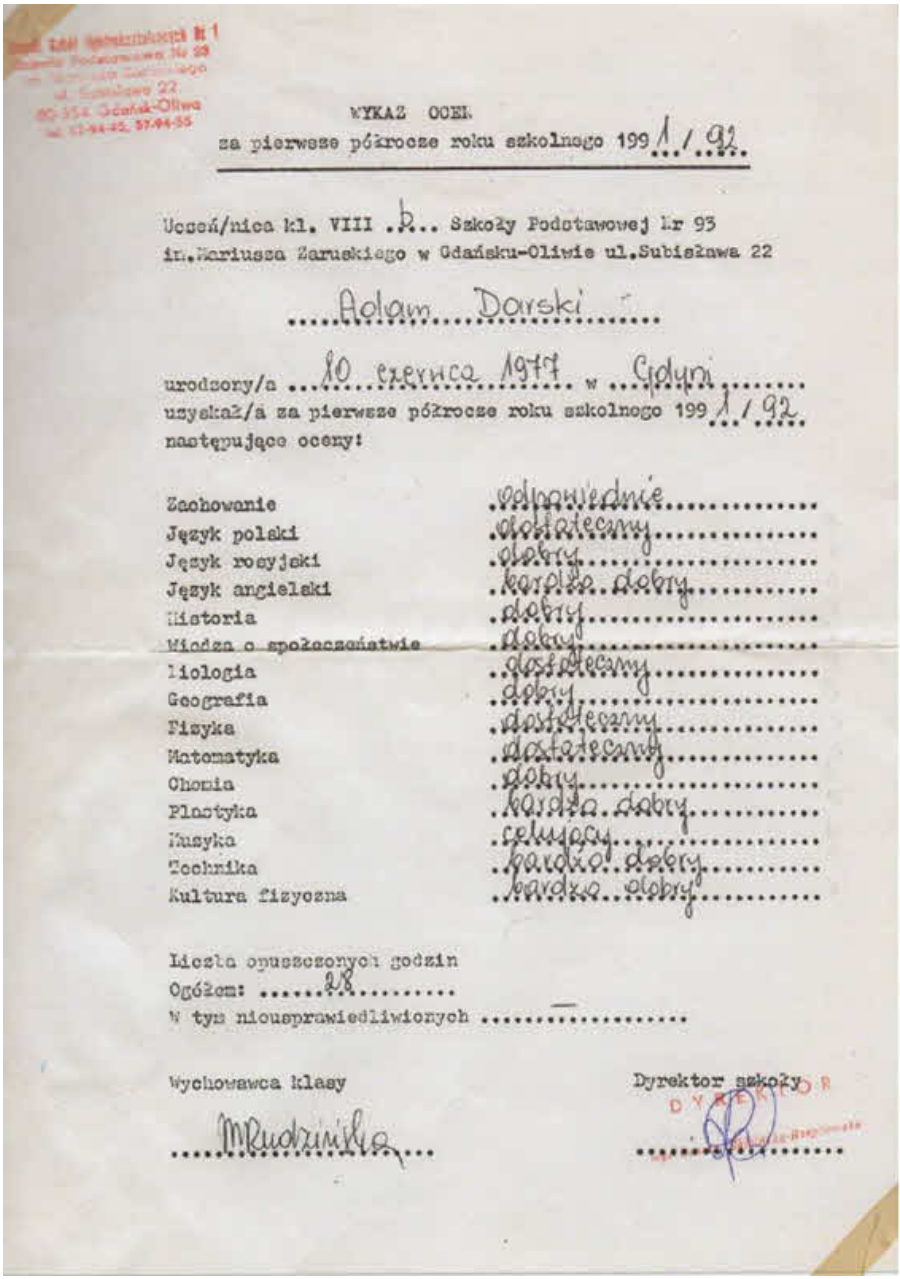
Я ходил в школу № 93 города Гданьска. Она находилась рядом с моим домом, метрах в трехстах. Это было очень удобно, потому что я всегда терпеть не мог рано вставать.

Ты чувствовал себя тогда не таким, как твои друзья?

Не очень. Наверное, не в то время. Я отличался только тем, что хорошо рисовал. И это имело последствия — я должен был рисовать для школьной стенгазеты.

Аттестат получил с «пояском»[3]?

Я учился лучше брата, но не настолько хорошо.



WYKAZ OCEN
za pierwsze półrocze roku szkolnego 1991/92

Uczeń/nica kl. VIII b Szkoły Podstawowej Nr 93
im. Mariusza Zaruskiego w Gdańsku-Oliwie ul. Subisława 22

Adam Darski

urodzony/a 10 czerwca 1977 w Gdyni
uzyskał/a za pierwsze półrocze roku szkolnego 1991/92
następujące oceny:

Zachowanie	odpowiednie
Język polski	dostateczny
Język rosyjski	dobry
Język angielski	bardzo dobry
Historia	dobry
Wiedza o społeczeństwie	dobry
Biologia	dostateczny
Geografia	dobry
Fizyka	dostateczny
Matematyka	dostateczny
Chemia	dobry
Plastyka	bardzo dobry
Muzyka	celujący
Technika	bardzo dobry
Kultura fizyczna	bardzo dobry

Liczba opuszczonych godzin
Ogółem: 28
W tym nieusprawiedliwionych —

Wychowawca klasy — Rudzińska

Dyrektor szkoły — DYREKTOR

В чем ты был лучшим?

Физкультура. Мне всегда очень нравилась физическая активность. Была для меня противоядием от тех предметов, которые я плохо переваривал. На некоторые у меня была аллергия, а врагом номер один стала математика. До сих пор им

и остается. Я без калькулятора никуда.

Художник, музыкант, гуманитарий.

Такие способности появились у меня позже, в лицее. В начальной школе книги не сильно меня привлекали. Их нужно было читать, а когда что-то нужно, то это редко бывает приятно. Прошло некоторое время, прежде чем я понял, что есть такие вещи, которые можно читать по собственной воле и получать от этого удовольствие.

Тогда, может, ты хотя бы смотрел кино?

Дома имелся видеопроигрыватель. И я им пользовался. Был без ума от фильмов про боевые искусства, особенно про карате. Каждую субботу я ходил на рынок и приносил по два фильма. Они были записаны на одной кассете. Первую я купил, а потом за небольшую плату обменивал кассеты на другие. Конечно, это было кино класса Z. Дурацкий сюжет, ужасный дубляж. Но главным в нем было действие — все, что было мне необходимо для счастья.

Русский учил с удовольствием?

У меня хорошо получалось. Хотя сейчас я уже помню не много. А жаль.

Отец состоял в партии, ты жалеешь, что не выучил русский. Так, может, ты из большевиков? Не выступал против коммунизма?

Брат выступал. Меня интересовали мои друзья и игры во дворе. Я сталкивался с политикой, только когда убирался на полках Павла. Там лежали листовки и брошюры «Солидарности»[4]. Я рассматривал их — не путать с «читал». В квартире было две комнаты. В одной жили мои родители, в другой — я с братом. Иногда отец смотрел у себя телевизор, а там говорящие головы зачитывали протоколы заседаний ЦК ПОРП. В нашей комнате брат включал Perfect и объяснял мне, что *chcemy być sobą*[5] — «хотим быть собой» на самом деле означает *chcemy bić ZOMO* — «хотим бить ОМОН».

Брат и отец не ссорились из-за разных убеждений?

Нет. Отец не приносил политику домой. В партию вступил, но в деятельность ее не ввязывался. У него просто лежал партийный билет в кармане, и только. Павлу ничего не говорил про его взгляды. Сейчас я, конечно, понимаю, что коммунизм — это рабство, но тогда все это было мне до одного…

Рассказы брата тебя не заинтересовали?

Он был очень увлечен деятельностью «Солидарности», однако меня в этом всем больше трогали не его слова, а музыка Perfect. Звуки, которые для него были лишь носителем определенного смысла.

Так что же это была за музыка? С чего все началось?

Поначалу меня привлек просто вид парня с гитарой. Это поразило мое воображение. Меньшее значение имело то, что я слушал. Меня радовала любая музыка.

Кто-то должен был стать первым.

Не исключено, что это была группа Kombi. Тогда их крутили по телевизору очень часто. В целом, забавно то, что с Гжегожем Скавиньским, их гитаристом и вокалистом, я сейчас очень дружен. Как-то раз, выпив несколько бокалов вина, я ему признался, что очень уважаю старые вещи Kombi. Он подумал, что я прикалываюсь. Особенно *Słodkiego miłego życia u Black and White* засели у меня в голове очень прочно. Наверное, это сентиментально.

Сентиментальность сентиментальностью, но если бы кто-то сказал, что спустя годы ты будешь попивать с Гжегожем вино, не как фанат, а как известный музыкант, что бы ты подумал? Появлялись у тебя в голове такие мысли?

Не смеши меня. Я представлял, что играю на гитаре, а на самом деле играл на палке от метлы. Но я даже и подумать не мог, что стану музыкантом. Это были обычные детские фантазии. Хотя музыка притягивала меня невероятно. Звуки были как магнит. Когда я проводил каникулы в деревне, рядом с нами жила очень музыкальная семья — проводили свадьбы. Мне нравилось бывать у них. Только для того, чтобы сесть за барабаны, взять в руки палочки или дотронуться до гитары. Инструмент был дорогой, и его сложно было достать. Для меня он был реликвией.

И как ты получил свой первый инструмент?

Это было в году 1983-м или 1984-м. Я сидел уже в пижаме и ждал, когда отец вернется с работы. Он вошел в квартиру, а в руках — гитара. Акустическое старье. Она была в ужасном состоянии, на корпусе были наклеены черные полосы, которые скрывали царапины. Гитара выглядела так, словно сейчас сломается, но для меня это не имело никакого значения. Как

только ее увидел, я впал в экстаз.

Она не надоела тебе так же быстро, как твой первый компьютер?

Ни за что! Я садился на кровати и бессознательно ударял правой рукой по струнам. Каждый раз получался один и тот же звук. Под этот аккомпанемент я пропевал все песни, которые знал со школы или слышал по телевизору. Так все и началось.

Брат поддерживал твое увлечение музыкой?

Он слушал ее, но по выражению лица было видно, что ему безразлично, что это за музыка. Он любил польский рок, но на стене висели плакаты Сандры и CC Catch.

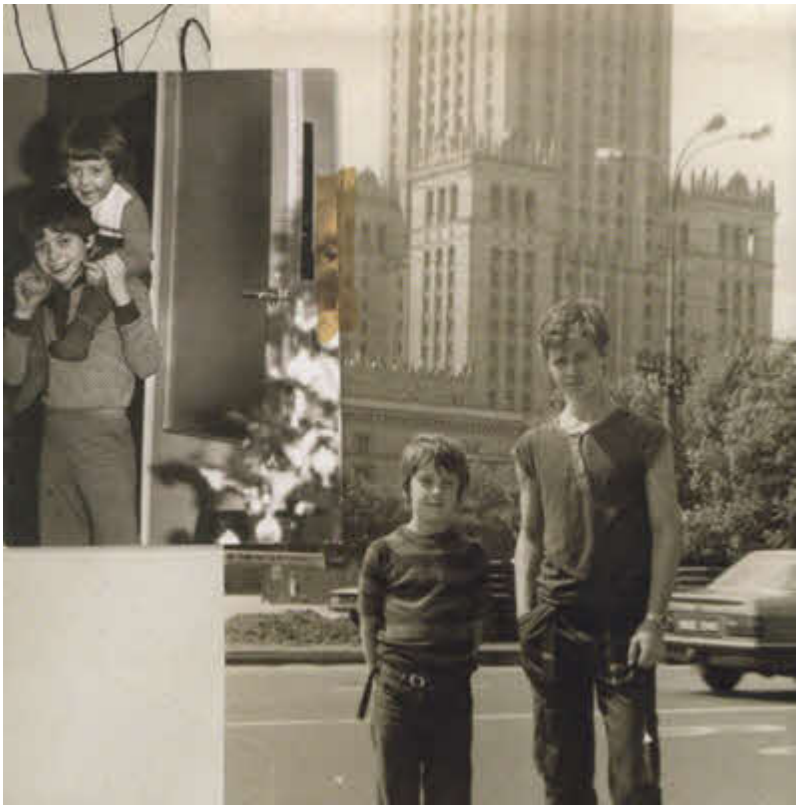
А что украшало стены над твоей кроватью?

Первыми я повесил плакаты ZZ Top и Ex Dance. Они довольно хорошо вписались во внешний облик типичной польской комнаты того времени: две кровати, стол, над ним что-то вроде гирлянды с бахромой. Рядом со столом стояла стенка, которую украшали пивные банки, составленные башенкой.

КАИН И АВЕЛЬ

Вы часто дрались с братом?

У нас не было особенной причины, чтобы прицепиться друг к другу. Свое дело сделала разница в возрасте. В какой-то степени я его боялся. Он был старше, иногда выглядел угрожающе. Как-то раз он вздул меня так, что несколько дней у меня все болело и я ходил в синяках.



КАК КОШКА С СОБАКОЙ НО ВСЕ-ТАКИ ВМЕСТЕ

Тогда враждовали, а сейчас? «Братишка, прости, что я пытался убить тебя дротиком», — признаётся Нергал.

Без повода?

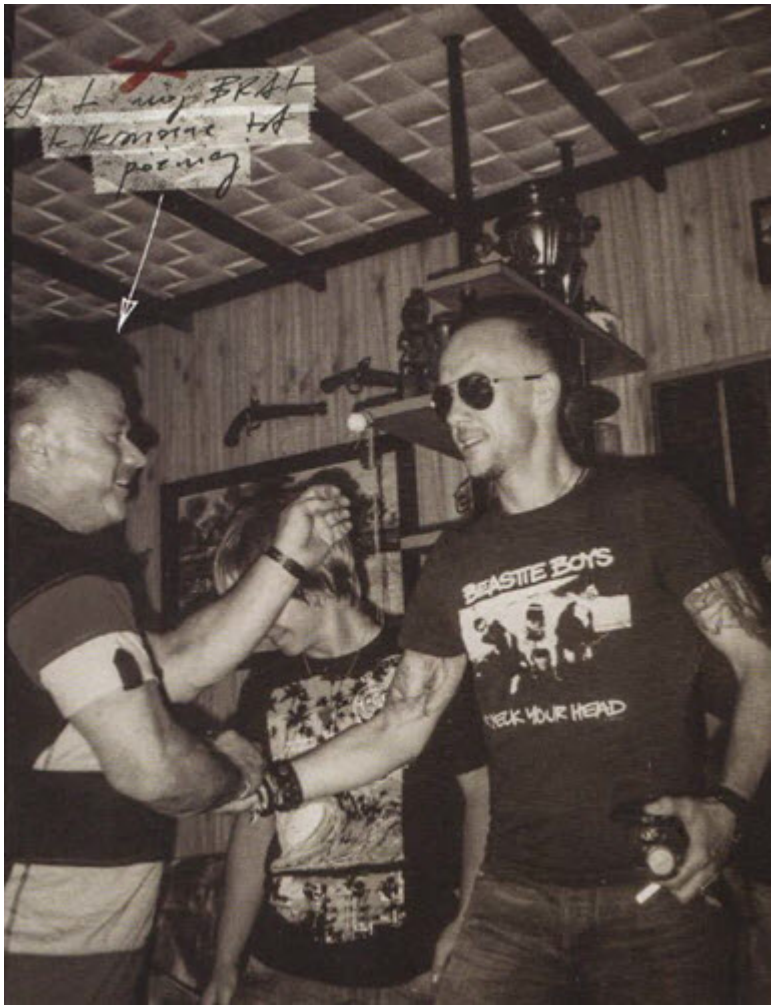
Не совсем. Сейчас я вспоминаю это как игру, довольно трагикомичная ситуация получилась. Был у нас дома набор для дартса: дротики и мишень. Родителей не было дома, а мой брат сидел в кресле в одних трусах и читал телепрограмму. Я подумал, что будет смешно, если бросить дротик рядом с его ногой. Это должна была быть шутка. Я не хотел попасть в него. Мне казалось, что я смогу попасть дротиком в паркет. Конечно же, я промахнулся и попал прямо ему в ногу. Он закричал так, словно с него сдирали кожу. Какое-то время он скакал на одной ноге. А потом хорошенько меня отдубасил.

Он часто ставил тебя на место?

У нас были плохие отношения, даже очень плохие. Он смотрел на меня свысока, мы практически друг с другом не разговаривали. Может, потому что родители воспитывали меня иначе. К Адаму относились нежнее. Павел мог переживать из-за этого. Его отношения с родителями тоже были напряженными. И он сломался очень быстро.

Съехал?

Никому не сказав.



Встреча спустя годы: Нергал и его брат Павел.

На втором плане племянник Адама — Кароль. Он играет на гитаре и хочет стать таким, как его дядя.

Сбежал?

Павел развозил фрукты. В один прекрасный день мама, как всегда, приготовила ему бутерброды с собой. Он взял пакетик и вышел из дома. И не вернулся. Его друзья рассказали нам, что он уехал за границу. Увиделись мы только через несколько лет.

Ты переживал?

В конце концов, я получил отдельную комнату. И почувствовал облегчение. Все почувствовали. И родители тоже. Ситуация была на самом деле напряженная. Что-то витало в воздухе, и кто-то должен был сделать решительный шаг. С высоты лет я вижу, что Павел сделал то, что должен был. Он сделал этот шаг. Но сейчас у него очень хорошие отношения с родителями.

Вы знаете, что с ним произошло?

Через год он прислал нам весточку из Испании. Хотя сначала поехал во Францию. Там у него был какой-то знакомый. Даже выслал Павлу открытку, на которой отметил дом, где жил. Брат нашел тот дом и стал звать его. Никакого эффекта. Он там больше не проживал. Брат решил двигать дальше и попал на Пиренейский полуостров.

И как он там устроился?

Какое-то время он жил в очень тяжелых условиях, в заброшенных зданиях. Трудился на стройке, брался за любую тяжелую работу. Но головы не терял, заработанные деньги откладывал. Со временем он пробил себе дорогу в нормальную жизнь. Снял собственное жилье, встретил девушку, женился, открыл свой магазин. Он хорошо сложенный, красивый, люди его уважали, называли «варвар с севера». В какой-то мере я им восхищаюсь. Он показал мне, что такое настоящая решительность. Быть может, на мою жизнь он имел большее влияние, чем я хотел бы признать. Привил мне не только любовь к музыке.

ТОЛСТАЯ СТРУНА,

ТОЛСТЫЙ ПАЛЕЦ

Возвратимся к музыке. Долго тебе пришлось играть на «акустическом старье»?

Я замучил родителей своей игрой. Я ходил по квартире с гитарой в руках, ударял по струнам и пел. Наверное, они все-таки слышали в этих звуках какой-то потенциал. Я попросил их, чтобы записали меня в музыкальную школу. Они согласились. Но уже тогда я хотел играть тяжелую музыку. Хотел играть рок. То, что слышал по радио. В школе я разучивал *Pojedziemy na tó*w[6], а дома упрашивал брата, чтобы он показал мне, как играть *Lokomotyw* группы Perfect. Старья теперь для меня было недостаточно. К счастью, приближалось первое причастие.

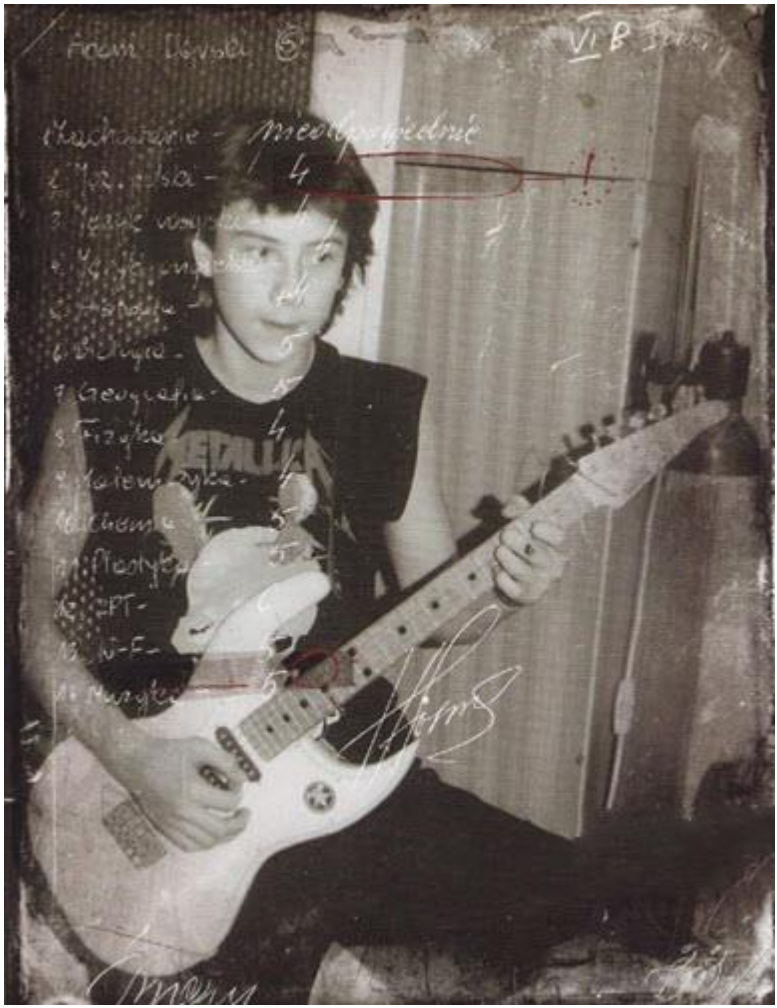
Первая «ЭЛЕКТРУХА» АДАМА

Гитара была в далеко не идеальном состоянии, но тех шести струн хватило, чтобы наполнить без остатка жизнь мальчика.

И ты получил электрогитару?

Деньги. Двадцать две тысячи старых злотых. Гитару я подарил себе сам. За тринадцать тысяч. Как сейчас помню. До сих пор ее храню. Была она кустарного производства, но походила на Fender. Я выкупил ее у Якова Дониевского, моего первого музыкального наставника. Он был самоучкой, но у него была «электрика». Он просил моего отца сделать корпус и гриф для нес (отец работал на верфи, и это было нетрудно), а все остальное закончил сам. Он же научил меня первому риффу — из песни *Bez podtekstów* группы TSA.

Это он показал Нергалу, как сыграть bez podtekstów группы TSA.



ФУТБОЛКА METALLICA и наклейка Venom на гитаре говорят о первых вдохновителях Адама

Кто еще повлиял на твое музыкальное воспитание?

Дядя, Клеменс Ивицкий. Родня со стороны мамы была очень музыкальной. Дядя много на чем умел играть. На аккордеоне, скрипке, гитаре… Дядя показал мне, как играть вальс. Я тогда басовую струну дергал большим пальцем.

Толстая струна — толстый палец.

Вот именно. Но прежде чем ударить по струнам, гитару надо было настроить. Сам я этого сделать не мог, поэтому брал гитару

с собой на уроки музыки. Вместе со мной ходила туда Селина, моя первая настоящая девушка. Тогда, конечно, еще ею не была. Однако она мне помогала. Наука ей давалась легче, чем мне. У нее были тонкие длинные пальцы…

Настраивала тебе гитару?

Я никогда не забуду ее реакцию, когда об этом попросил. В классе не было ни усилителя, ни радиоприемника. Она посмотрела на мою гитару и сказала: «Может, включим ее в розетку?»

И что ты хотел играть?

У меня мурашки бежали по спине от *Perfect Stranger* Deep Purple. Они вне времени. Такую музыку крутили тогда по телевизору. А я смотрел эти телепередачи в черно-белом цвете. Показывали Deep Purple, Iron Maiden. Даже в такой программе, как Wideoteka крутили только тяжеляк. Так я познакомился с WASP, Kiss, Marillion, ZZ Top. К динамику телевизора мы с братом приставляли магнитофон и записывали. Вся семья должна была сидеть тихо. Кабеля с разъемом, чтобы подключиться к телевизору, не было. Мы раздобыли его позже. О стереосистеме даже не мечтали. Такие вещи можно было видеть только в квартирах моряков и тех, кто имел доступ в Pewex[7]. Но это не имело значения. Важно было только одно: я нашел что-то свое.

Что притягивало тебя в этой музыке?

Энергия и адреналин. Это просто. Один ребенок станет футболистом, другой — лыжником. Ну а мне нравилось тяжелое звучание. Остальное — результат совершенствования. Словно входишь в лес и с каждым новым шагом видишь, сколь много в нем разных деревьев.

Информацию из лесу не сложно было получать?

Было радио. Благодаря другу из класса, я открыл для себя программу Muzyka młodych. Эта программа была для меня откровением. Раз в неделю они пускали в эфир целые альбомы. Я сходил с ума! Каждый понедельник в 15:15, а в воскресенье в 19:10 я садился перед радиоприемником и записывал все подряд. Названия групп записывал на слух. Кшиштоф Бранковский вместе с ведущим программы Metalowe tortury, Романом Роговецким, переводили названия песен: «Группа Metalika, *Kill'em All*, или «Убить их всех». Это было просвещение. Я ждал этого целую неделю. Как-то раз они пустили в программу альбом группы Kat — *38 Minutes of Life*[8]. Я сильно расстроился, потому что у меня

уже был винил. Это был день насмарку! Именно по радио я услышал первый трэш-метал. Изначально он мне не понравился, был слишком экстремальным, и я должен был к нему привыкнуть. Я проходил классическую эволюцию. От хард-рока до экстрим-метала. Я жил музыкой.

Как на это реагировали старшие?

Они меня понимали. Я приходил со школы, забрасывал портфель в угол, надевал куртку… Отец — по моей просьбе, конечно, — нарисовал на ней череп и вывел надпись «Heavy Metal». Был костюм, была гитара. Я играл на ней часами. Домашнее задание меня не интересовало. Зато я писал первые песни и сочинял тексты. Одна из них носила название *Kanalia.* Я даже слова помню, но умер бы от стыда, если бы должен был их сейчас прочитать. Радиоприемник, который я использовал вместо усилителя, находился в большей комнате, где жили родители. Это была модель «Amator 2». Родители спокойно сидели на кухне, чтобы я мог бренчать. Сын должен был играть, необходимо было пространство. Только когда я заканчивал, они возвращались в комнату. Садились на диван и смотрели телевизор.

Ты не хотел собрать группу?

А я собрал. Из друзей. Барабанщик играл на пуфах, а единственным более-менее нормальным инструментом была моя гитара. Чужих песен мы не играли. Уже тогда хотели писать свои.

И кто был в твоей группе?

Друзья из класса. Я раздавал роли. Говорил: «Вы в моей группе. Ты будешь играть на этом, а ты — на том». Как-то раз барабанщик отстучал что-то неправильно. Я посчитал это нарушением субординации и ударил его. Он покраснел и расплакался.

Ты и в школе тоже такой был?

Я входил в компанию, которая терроризировала остальных одноклассников. Альфа-самцом был с детства. Но никогда никого не оскорблял, проблем с учебой тоже не было. Родители не возвращались злыми с родительских собраний, смысла держать меня на коротком поводке не было.

Друзья питали такую же любовь к музыке, как и ты?

В школе скорее нет. Некоторые ребята со двора любили тяжелую музыку, но никто не впитывал ее атмосферу так же сильно. Я был сам по себе. Ну, может, еще компания местных

панков. Был момент, когда я довольно близко с ними сошелся. Проникся панк-роком к концу школы. Даже выглядел в соответствии с канонами. У меня были короткие волосы, а на куртке — нашивка «The Exploited». Боты себе тоже купил. Они были охрененные. Я даже кричалку помню: «Punki z Żabianki nie pija maślanki» — «Панки с Забянки не пьют ряженки».

Однако ты не стал одним из них.

Это было короткое, но увлекательное знакомство. Меня притягивала музыка, ну и, честно говоря, идеология тоже, любовь к анархии. Мы чувствовали свободу. Мы хотели свободы. Выходили за грани. Кто-то пошел дальше; Jabole[9]для некоторых было недостаточно, и они нюхали клей. Некоторые шли по программе: школа, съемная квартира, семья, дети, развод, вторая жена. А мы хотели сломать эту схему. Но на первом месте был метал.

Когда ты начал слушать по-настоящему экстремальные вещи?

Меня очень сильно вдохновлял приятель со двора, Даниэль Гешанов. Мы друг друга вдохновляли. Как-то летом, после каникул, он вернулся совершенно изменившимся. До этого мы боялись Slayer, их сатанинского имиджа. Я думал, что их музыку играть невозможно, считал ее обычным шумом. Однако, возвратившись, Даниэль рассказал: «Знаешь что? Slayer на самом деле не такие злые». И я быстро признал, что он прав. Я снова и снова слушал *Reign in Blood.* Он был записан у меня на старой желтой кассете. И я подцепил бациллу тяжелой музыки. Она мне привилась! После Slayer пришло время Death. Даниэлю нравился *Leprosy,* а мне — *Scream Bloody Gore. Я* и сейчас часто возвращаюсь к этому альбому. Это классика жанра! Я знаю все тексты наизусть. Потом произошел эффект домино. На приморском рынке появились люди, которые на свои прилавки выкладывали кассеты. Я покупал их килограммами. Тратил все свои карманные деньги. Ты, Крис, тоже там торговал. Наверное, так мы с тобой и познакомились… У тебя я купил кассеты Hellhamer и Sepultura. Вернулся домой и включил Hellhamer. Но на двадцатой минуте музыка закончилась. Я рассмотрел кассету — это была «BASF 90». «Он обманул меня!», — подумал я тогда. Конечно же, это был мини-альбом. Но я не имел об этом ни малейшего понятия и очень расстроился. Только позже я понял, что ты не обманщик и, наоборот, записываешь эти альбомы на самых лучших кассетах.

Даже слезы наворачиваются на глаза.

Да, ты знаешь, как это было. Друзья обменивались кассетами между собой. Чтобы сэкономить, все покупали разные альбомы. Таким образом, получалось больше музыки. Так поступали и мы с Даниэлем. Еще пробовали играть вместе. Однако со временем наша дружба стала угасать. Тогда на горизонте появился Баал, Адам Мурашко.

БОГ ЗЛА

Как вы познакомились?

Вообще, знакомы мы были с детства. Были соседями. Играли вместе в чародеев. Во дворе стояла деревянная башня, там мы основали свою лабораторию. Адам всегда был сумасшедшим. Ему нравилось нарушать запреты. На глазах у друзей он съедал сырых улиток. Это впечатляло.

И у тебя есть подобный опыт?

Я целиком ел кузнечиков. Такой вот детский эмпиризм. Хочется узнать, выживет ли насекомое. Какое-то время во мне жил юный естествоиспытатель, но я экспериментировал только на червяках. Никогда не обижал животных.

Сблизила, однако, вас музыка, а не эксперименты.

В какой-то момент оказалось, что притягивают нас одинаковые звуки. Я сидел на балконе и играл на гитаре. Он окрикнул меня и похвастался, что у его отца есть настоящий Gibson. Мне стало завидно и интересно. Интриговало то, что у кого-то из соседей был интерес к музыке и имелась дома гитара. Потом я узнал, что еще у него был синтезатор марки Casio. На синтезаторе были программы ударных. «Ура! У нас есть ритм-секция!», — подумали мы. Начали собираться и играть.

Ты помнишь вашу первую песню?

Одна из них называлась *Wielki Thak* — «Большой Тхак». Взяли мы его из книги о Конане из Киммерии Р. И. Говарда. Очень вдохновляла меня в то время вот такая вот воинственная фантастика. Эта песня стала дворовым хитом. Каким-то образом услышали ее местные панки. Плохо поняли слова, подумали, что мы поем ««wielki tank» — «большой бак». Может, у них это ассоциировалось с пивом. Когда мы репетировали, панки становились под окном, пили и слушали нашу музыку. А мы гордились.

Где вы играли?

У меня дома. Мы проводили друг с другом много времени. Писали тексты, рисовали обложки. Только фотографий не делали, с этим было много хлопот. Баал был более экстремальным, смелым. Музыку любил такую же. Я помню его сумасшествие, когда он услышал первый альбом Deicide. Мне требовалось больше времени, чтобы освоиться.

Связывало вас что-то, кроме музыки?

Мы страшно увлекались боевыми искусствами. Хотели себя усовершенствовать.

Тренировались вместе?

У меня уже был желтый пояс по дзюдо, позже я записался в секцию вовинам вьет во дао. Это вьетнамское военное боевое искусство. Довольно опасное. Меня привлекла черная форма. Практиковались мы и с оружием. Баал занимался более медитативным тай чи. Мы объединяли свои знания и пробовали разработать собственную школу боевых искусств с названием бо да чи до. Шли в лес или к реке и придумывали новые техники. Все записывали в тетрадях. Рисовали в них позиции, добавляли подробные описания форм и ударов. Я до сих пор храню эти великолепные тома.

Нергала и Баала связала не только любовь к музыке, но и боевые искусства. Они сами выдумывали новые техники и тщательно их описывали.

Каверов не играли, разрабатывали собственные боевые искусства…

Я всегда хотел быть творцом.

А играть вживую?

Как-то раз мы играли.

Уже как Behemoth?

Да. Сначала мы назвались Baphomet, но потом узнали, что

уже есть группа с таким названием, и не одна. Стали искать новое. У Баала дома мы нашли книжку «Бог зла». Это была короткая, в несколько десятков страниц, научная работа о гностицизме. Ничего в ней не поняли, но был там фрагмент о Левиафане и Бегемоте, двух чудовищах, упомянутых в Библии в Книге Иова. Олицетворяли зло; то, что нам было нужно. Behemoth звучало почти как Baphomet… Мы хотели название на «Б», хотели быть, как язычники из Beherit и Blasphemy. Долго мы этим вопросом не задавались.

Все думают, что название взято из книги «Мастер и Маргарита».

Роман Булгакова я прочитал несколькими годами позднее. Эта книжка, конечно, гораздо лучше, чем «Бог зла», и одна из моих любимых. Но я не стал бы утверждать, что именно из нее мы взяли название.

Где вы сыграли первый концерт?

В нашей школе. Это был страшный опыт, первый рывок, преувеличенные амбиции. Слушать было нечего. Собрались все местные панки. Начали поговать[10], потом драться. Перед нами играла группа Herbapol. Я спел с ними две песни Black Sabbath: *Iron Man* и *Paranoid.* За день до выступления, развернувшись на крыше нашего дома, мы нарисовали логотип Behemoth на большом белом полотне. Перед самым выступлением Баал расправил его и промаршировал перед публикой. Как девушки перед боем на ринге. Уже тогда он был чуть ли не под два метра ростом, производил впечатление. Потом он положил плакат на барабаны, и мы начали молотить. Иначе этого назвать нельзя. Мы были абсолютными мастерами хаоса и какофонии. На нас были надеты майки Blasphemy, черные джинсы и белые кроссовки. В то время мы только начали отращивать волосы. Примерно также выглядели и на нашей первой фотосессии, еще в корпспэйнте.

Фотосессия к первому альбому Behemoth.

Фотосессия к первому альбому Behemoth.

Так в начале 90-х зародился культ Балтийского Поморья.

Для чего его использовали?

Такая была традиция. Меня восхищала финская блэк-метал сцена во главе с Beherit, а так же греческие группы. Корпспэйнт был нашей боевой раскраской. А ведь мы и были на войне. С богом.

Но это был еще не сатанинский имидж?

К этому и пришли. Я долго склонялся в сторону

экстремальной музыки, но если уж подхватил этот вирус, то уже не излечишься.

Откуда вы брали краски?

Сначала мы использовали черную гуашь.

А белый цвет?

Пользовались белой пудрой, которая очень плохо держалась на лицах. Позже мы перешли на профессиональный грим.

Кто устраивал вам фотосессии?

Один знакомый. Фотосессии были любительские. Фотоаппараты — ужасные. Фотографировались ночью в лесу, используя лампу, которая заливала светом весь передний план.

Корпспэйнт наносили в потемках среди деревьев?

Иногда да, иногда дома, а потом шли два, три километра до леса, прямо среди зимы. Не раз готовились в близлежащем бараке. Держали фонарик по очереди.

Случалось вам встретить и испугать кого-нибудь?

Нет. Но на одной из фотосессий мы использовали огонь, и я сам себя поджег. Огонь тоже был среди обычаев блэк-метала. Брали факел, плевались огнем и увековечивали это на фотографиях. Мы не использовали специального лампового масла, только очищенный и легковоспламеняющийся бензин. Я набрал его слишком много, и огненное облако было раза в два жарче, чем я ожидал. Обожгло мне все лицо. Кто-то из друзей набросил на меня куртку, чтобы погасить огонь. Ожог был не очень сильным, через несколько месяцев не осталось ни следа. Но волосы выгорели аж до макушки. И вообще, выглядел я как Джимми Хендрикс.

БАРАБАНЫ

Ваши ранние записи были простыми, если не сказать примитивными…

Инструментарий наш был жалок, но нас это не ограничивало. Это было быстрое течение, в которое мы окунулись с головой. Играли в нечеловеческом темпе. Пускали свинговый ритм, только раз в тридцать быстрее, и под него сочиняли музыку. Видимо, тогда никто гак нс играл. Как дети, бессознательно, спонтанно,

мы достигали границ экстремального жанра. Наша музыка была нага. Как нагим рождается ребенок. Потом, со временем, получает опыт. Каждая вещь, которой учится, это одежда, которую он надевает. Таким образом он шлифует свой характер.

BEHEMOTH

Pure Pagan Black Metal Art

Прежде чем behemoth попали в известные издания, их интервью печатали в фанатских журналах, растиражированных на ксероксе.

Как ты шлифовал свой?

Например, копил деньги на группу. Я видел, что если я не

куплю барабаны, никто не купит. У Баала были другие приоритеты, другие расходы. А у меня была определенная цель. В конце концов я их купил.

С барабанами, наверное, сложно было играть дома?

Мы переместились в школу. Расположились в холле. Шансов на более-менее сносную акустику никаких не было. Условия были плохие, но мы играли. В школе сделали нашу первую запись, *Endless Damnation.* Принесли магнитофон — тот самый, который мы с братом приставляли к динамику телевизора. Перед каждой песней мы в полной тишине ждали четырех ударов палочек Баала и начинали запись. А перед записью очень много репетировали. Все должно было быть просто идеально, у меня был на этом пунктик. Каждая ошибка сопровождалась вспышками ярости.

В какой момент ты осознал, что Behemoth стал настоящей группой?

Когда мы отправились в студию. Сэкономили деньги на запись *The Return of the Northern Moon.* Однако мы не были к этому готовы. Баал считал, что это фальстарт и мы должны лучше сыграться. А я горячился. Хотел скорее услышать нормально записанные плоды многомесячной работы на репетициях.

Кто был прав?

Баал. Это был огромный стресс. Мы были еще зеленые. Нам было по шестнадцать лет. Баал играл на электронных ударных. Видел их в первый раз в жизни. У него возникли проблемы с удержанием нужного темпа. Пэды отбивали совершенно не так, как мембраны. И мы не совсем понимали, как быстро под это подстроиться. Но чувствовали, что это наше назначение, что мы рождены, чтобы играть. Кто-то мудрый однажды сказал, что детский рисунок намного ценнее любой самой достоверной копии Пикассо. Важна его подлинность. Поэтому у. меня такое трепетное отношение ко всему, что я сделал. Как и к первым записям Behemoth.

Какую же вы получили отдачу от своих записей?

Прослушивание их стало праздником. Сопровождалось сильными эмоциями. Мы слышали ошибки, но впитывали музыку в ее совокупности. Недоработки не имели значения. Чтобы записать кавер Hellhammer, нам нужен был текст. Но откуда мы могли его взять? У нас не было оригинального альбома. Это сейчас есть Интернет, откуда за минуту можно все скачать. Та же ситуация была и с кавером Mayhem. На самом деле, в тех песнях

нет слов. Хрен его знает, что я там пою.

Запись делал Томаш Краевский из Pagan Records.

Первый профессионал на нашем пути. Издавал отличный англоязычный журнал, Holocaust. Я выслал ему *Endless Damnation*. Ему понравилось. Однако он знал, что мы только зародились, и не захотел подписывать контракт. Но я, отчаянный, выслал ему и следующий материал.

Отчаянный?

Да. Кассету должна была записать гданьская фирма Bestial Records. Чувак, который ее вел, долго нас обманывал. Мы ездили к нему домой каждый день и каждый раз целовали дверь. У нас не было телефонов, тем более мобильных. Нужно было сесть в поезд и ехать. От этих двухчасовых неудачных путешествий меня тошнило. Мы оставляли ему записки в дверях. Проходили недели, месяцы… Я взял дело в свои руки и выслал материал Тому. Он был в восторге. Заметил, какой огромный шаг мы совершили, и сделал нам первую профессиональную запись.

Как человек ты тоже сделал огромный шаг? Быстро вырос?

Я изменился. Музыка стала для меня самым главным. Она определяла мою жизнь. Я отпустил волосы, одевался в кожу и футболки любимых групп. Стал членом субкультуры. Вошел в мир андеграунда.

КРЕСТНЫЕ РОДИТЕЛИ

ВЕНЕМОТН во время работы над своим вторым альбомом.

Репетиция в здании школы № 6 в Сопоте.

Были у тебя проводники в этот мир?

Мира и Яцек. Эта пара пережила все возможные бури и штормы. В прямом и переносном смысле. В течение многих лет Мира плавала на паромах в Швецию, а Яцек был морским офицером. Сейчас они женаты. Они были уже вместе, когда я,

пятнадцатилетний, постучался в их дверь. Издавали англоязычный журнал Esoteric. Именно в их доме я открыл мир наичернейшего метала. У них были сотни, может, тысячи кассет. У них я раздобыл демо Beherit, Blasphemy, Mortuary Drape. Они обучали меня. Записав *Endless Damnation,* я побежал к ним и с гордостью вручил свою запись.

Она им понравилась?

Мира ушла от ответа, сказав, что демо занимается Яцек, которого как раз нет дома… Это были мои крестные родители в метале. Благодаря им я познавал музыку. И жизнь. Именно в их доме прошли мои первые большие вечеринки.

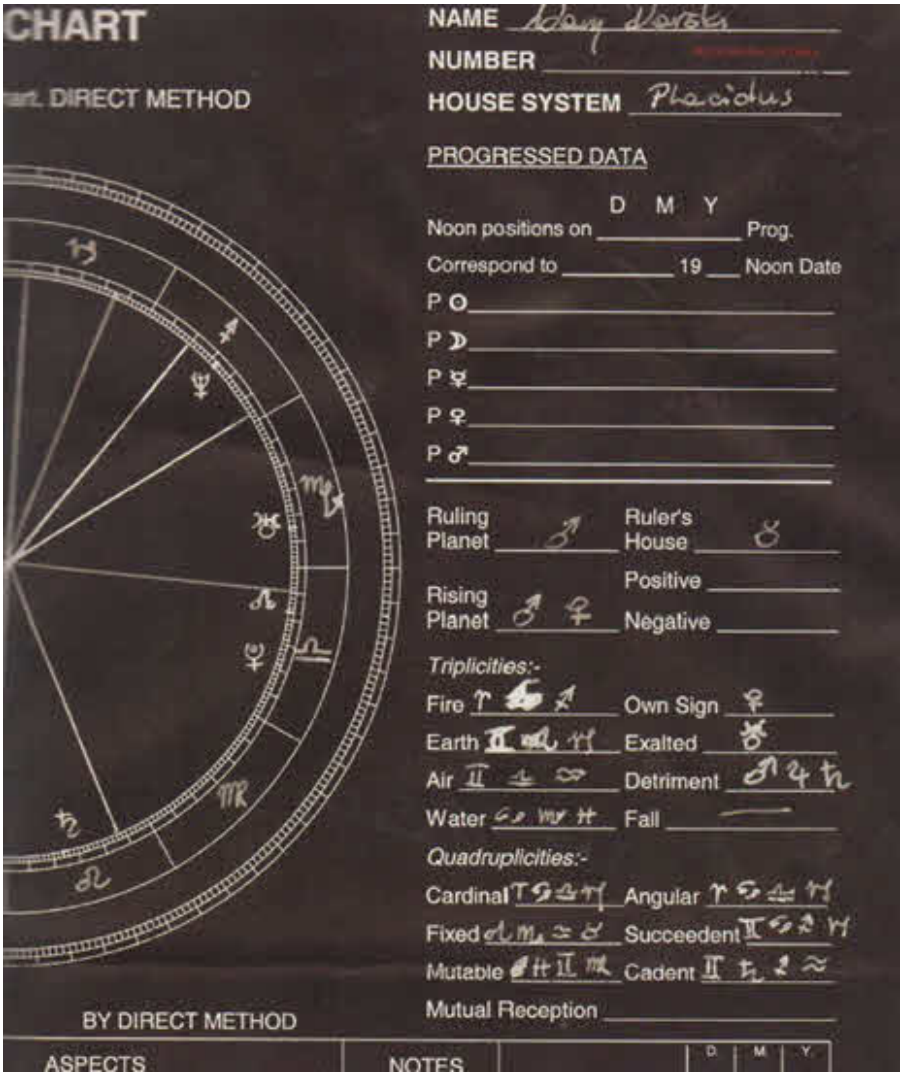
Слева направо: Селина, Нергал Мира и Яцек.

После концерта Paradise Lost в Сопоте в 1996 году.

Мало того, что они пичкали тебя дьявольщиной, так еще и алкоголь под нос подсунули.

У Миры был день рождения. Я решил пойти. В одной комнате она праздновала со своей семьей, а в другой сидели мы с Яцеком

и слушали музыку. Мне давали всякие непривычные вкусные напитки. В конце концов, я собрался домой. Дверь открыл отец. Это все, что я помню. Очнулся утром. Под головой полотенце, тазик рядом с кроватью. Каждый день отец оставлял мне записки с домашними заданиями, которые я должен был сделать: «Вынеси мусор, помой посуду», — в таком духе. На этот раз добавил пункт: «Вымой подоконник соседки снизу». Я спустился к ней, улыбнулся и поздоровался. Она, тоже с улыбкой, поздоровалась в ответ. Увидев тряпку у меня в руке, впустила войти. Я вытер блевотину. В первый раз… и не в последний. С Мирой и Яцеком мы до сих пор друзья. Весной 2012 года мы играли с Vader на концерте в честь шестьсот шестьдесят шестой годовщины присвоения Быдгощу статуса города. Они приехали на концерт. Их присутствие для меня было очень важно.



Сегодня он сам творец своего будущего. На снимке фрагмент натального гороскопа, короткую интерпретацию-которого сделал когда-то соавтор книги — Кшиштоф Азаревич.

Поделились впечатлениями?

На этот раз Мира не собиралась убегать от ответа. «Бля, было охренительно!» Коротко, но искренне. Я почувствовал себя как ученик, оцененный своим учителем. Мне очень повезло с людьми, которые указывали мне путь. Я впитывал их знания. Сейчас они стоят у сцены и подбадривают меня. Невероятно, куда завела

меня судьба. Подростком я знал, что хочу играть музыку. Но даже не мечтал об успехе, к которому привела эта дорога. Я ценю людей, которые смотрели на меня с плакатов на стенах моей комнаты. В Быдгоще мы играли с Vader. Их лидер, Петер, вышел из поколения перед моим. Он торил тропу. Сейчас мы выступаем вместе. Я рад, что он в хорошей форме и не забывает о том, кто он есть. Недавно я встретил Роба Каджано. Он подошел ко мне и сказал: «Видел ваше выступление на Бемово. Охренительно!» Он легенда, он может никому не говорить таких слов. Это все показывает мне, что мы не группа для одного поколения, одной конъюнктуры и моды. Мы нечто большее. Таких историй много. Взять хотя бы Кинга Даймонда…

Ты с ним знаком?

Да, хотя больше я подружился с музыкантами его группы. Сам он держался в стороне. Мы открывали концерт в одном из его американских туров. Перед самым входом в клуб остановился лимузин… Я помню, как я познакомился с его музыкой. Это было еще до того, как я окунулся в метал. К брату пришел приятель, Яцек Дониевский. Посмотрел на меня лукаво и вытащил из-за пазухи ужасно раздолбанную кассету. И сказал: «Адам, это музыка сатанистов». Я вытаращил глаза. Послушно сел и замер… Из динамиков послышались звуки колоколов, дождя, костельного органа. Зазвучала молитва на иностранном языке. Потом гитары, ударные и этот незаурядный фальцет. Я был загипнотизирован. И немного испуган. Яцек забрал кассету с собой, но впечатление осталось на многие месяцы. Через несколько лет я наткнулся на альбом *Don't Break the Oath* культовой датской группы Mercyful Fate. И нашел ту песню. А через двадцать лет я сыграл на одной сцене с обладателем того бесовского голоса.

Живая легенда метала и один из вдохновителей Адама КИНГ ДАЙМОНД. В 2005 году Behemoth были с ним в туре по США. Фото сделано после концерта в клубе The Masquerade во Флориде.

Твои родители тоже бывали на концертах?

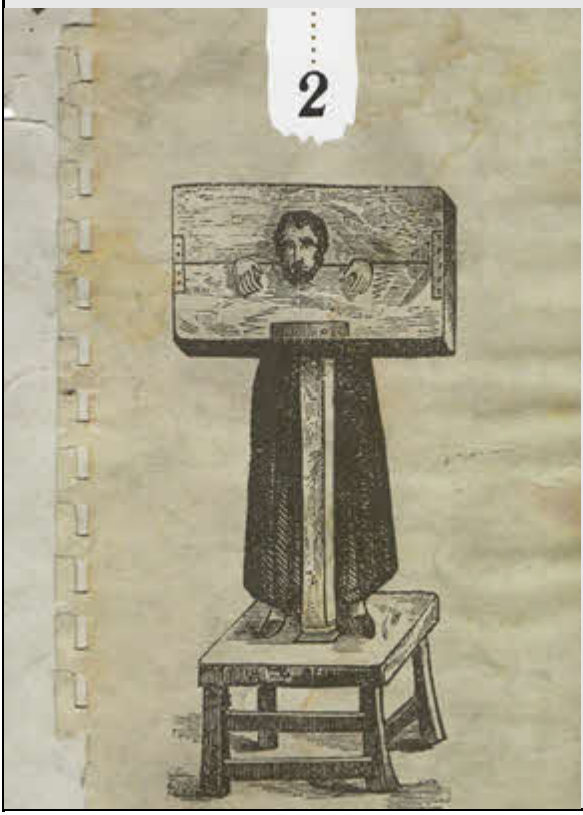
Конечно. После одного из них мама подошла ко мне и возбужденно сказала: «Адам, там даже мелодия была». Она не понимает моей музыки, но искренне поддерживает. Как-то раз я забежал к ним на минутку. По телевизору шел музыкальный блок. Начался клип группы Nirvana. Мама даже подскочила и закричала: «Адам, это ты? Это ты?»

В детстве ты их сильно терроризировал, видимо, все-таки не зря?

Мне всегда было сложно сказать родителям, как много они для меня значат. Я не мог подойти к маме, поцеловать и сказать: «Я люблю тебя». Для меня по-прежнему это трудно. Легче рассказать о чувствах, которые испытываю к ним. Надеюсь, родители прочтут это. Без них не было бы Нергала.

Глава II

НЕТ ДЫМА БЕЗ ОГНЯ



Ты когда-нибудь хотел сжечь костел?
Да.

Звучит серьезно.
Подростки ко многим вещам относятся серьезно. Блэк-метал меня поглотил. Особенно его наиболее радикальные течения и группы из Скандинавии. Больше всего вдохновляли меня те, которые подкрепляли свои слова делом.

В Норвегии в 1992–1996 годах музыканты и фанаты подожгли более 50 церквей. Ты хотел быть таким, как они?
Блэк-метал появился в определенный момент, вместе с

подростковым бунтом. Я начал видеть ту фальшь, которая повсюду сопровождала христианскую мораль. У меня не было большого багажа знаний за плечами, но я стал понимать, как лицемерны эти люди: проповедуют одно, а делают другое. В этот момент и пришла музыка. Пришла с севера. Это придало ей суровости и аутентичности. Она зазвучала у меня в душе и принесла с собой что-то первобытное, истинное. Большого позитива в ней не чувствовалось. Эта музыка была радикальной, называла вещи своими именами.

Она дала тебе что-то, чего не дали другие направления?

Покупая кассеты, читая тексты песен, ты осознавал, что где-то в мире есть люди, такие же, как ты. Не существовало дистанции между тобой и парнем из Норвегии, музыку которого ты слушаешь. Он был словно на расстоянии вытянутой руки. Ты писал письмо, и он тебе отвечал. Такой была жизнь металлического андеграунда. Мы все были из одного поколения. Это нас связывало. И музыка эта была наша и ничья больше.

Но блэк-метал существовал и раньше.

Но в другой, менее острой форме. Сначала я наткнулся на Venom, праотцов жанра. Они записали альбом Black Metal. Со временем я понял, что это как Motórhead, только с сатанинским антуражем. Никогда не были по-настоящему серьезны, что, однако, не ослабило моего фанатичного увлечения ими. А группы из Норвегии воплощали в жизнь то, о чем Venom, Hellahammer и Bathory только пели. Норвежцы жили экстремально. Иногда и умирали так же. Не знаю, как в свое время чувствовали себя Sex Pistols, будучи первой панк-рок группой на улицах Лондона, но это состояние непокорности и мятежность перед лицом строгих правил, должно быть, было похожими на блэк-метал сцену начала девяностых.

В Польше были люди, у которых в душе звучало то же самое?

Это была немногочисленная и закрытая группа. Мы подстрекали друг друга. Когда в Норвегии начали гореть церкви, нам захотелось сделать то же самое в нашей стране.

Не боишься говорить об этом так открыто?

Ничего серьезного не случилось, прошло много лет… Сегодня я другой человек, но мне не стыдно за прошлое. Оно сформировало меня.

Дело кончилось только планами о поджоге?

Зашло немного дальше. Я не помню точно, какое здание стало нашей целью. Либо в Новом Порте, либо в Бжешно. Вместе с парнями из Mastiphal, другой гданьской группы, мы собрались на разведку, а Browar, наш тогдашний басист, который был старшим из всех, привез к костелу на своей машине. Приехав на место назначения, мы начали решать, как все провернуть. Вроде бы остановились на коктейлях Молотова, собирались забросить их через окно. Естественно, план со всеми подробностями существовал только у нас в головах. Важнее было то, что мы становились группой и имели общую цель. Я не стал террористом. Здравый рассудок оказался сильнее. Я понял, что это не тот путь. Моя жизнь подтверждает правильность выбора.

Музыканты из Burzum или Emperor выбрали другой путь. Отсидели свое, но в конце концов — эффект тот же самый. Их музыка стала известной. Сегодня они на том же месте, что и ты.

Я не собираюсь их судить, знал и знаю многих из этих людей. Часть из них имеют за плечами преступления гораздо большие, чем поджог церкви. Были осуждены за убийства. С некоторыми из них я до сих пор в дружеских отношениях. Есть такие, которых нет в живых. Другие ушли в криминальный мир.

Такие истории люди ассоциируют с хип-хопом, а не с металом.

Все, что свежо и ново в культуре, — радикально. В конце семидесятых радикальным считался панк, в начале девяностых — блэк-метал. У хип-хопа, наверное, тоже был такой период. Я так думаю, хотя не слежу за этой сценой. Да и вообще, молодость мятежна. И это небезопасно.

Но сегодня ты говоришь, что это не тот путь…

Вместо меча в руках у меня гитара. И я сотрясаю закостенелый мир, но вместо коктейля Молотова у меня компьютер. Сегодня это более мощное оружие.

Чтобы прославлять сатану? Почему именно его?

На самом деле, я предлагаю людям гораздо больше, но просто есть те, кто воспринимает мир только в двух красках. И видят лишь Сатану. Делают из меня инструмент для политических игр. Перед выборами появилась куча таких комбинаторов. Некоторые проснулись спустя двадцать лет, взяли меня на мушку и обрушили потоки возмущений. Другие называли

себя моими друзьями, хотя я в глаза их никогда не видел. А на фоне всего этого всегда маячил Сатана.

Так почему именно он?

Потому что он производит наибольшее впечатление на поляков. Людям нравятся песни, которые им знакомы. Так же и с метафорами.

Когда-нибудь был для тебя менее метафоричен?

Был менее улыбчивым. Я показывал Дьявола таким, каким видят его христиане. Он служил инструментом, был устрашением. Хотя в Библии в принципе не описывается его внешность…

А разве может дьявол быть милым и приятным?

Если его персонифицировать, то я вижу приличного джентльмена средних лет, хорошо одетого, с безупречными манерами, говорящего на многих языках. Черное не значит некрасивое. Мой Сатана полностью списан с его образа в романе «Мастер и Маргарита» Булгакова. Или взят из фильмов «Сердце Ангела» с Робертом де Ниро или «Адвокат Дьявола», где превосходно сыграл Аль Пачино. Помню его слова: «Я фанатично влюблен в человека. Я гуманист, быть может, последний на земле».

Из тебя тоже своего рода сатанист-гуманист получается?

Некоторые думают, что в моей квартире все черного цвета, а я сплю в гробу и не пью молока, потому что оно белое. Я же, наоборот, люблю солнечное утро и широкую постель. Мой Дьявол разноцветный.

А Бог?

Бог ничего не видит, не слышит и тем более не соответствует тому образу, в котором его представляют. Опять хочется привести пример из «Адвоката Дьявола». Я могу немного спутать — вопреки ожиданиям не помню всех диалогов наизусть. Вроде бы так: «Кто есть Бог? Ему нравится наблюдать. Он дает тебе инстинкт, а потом запрещает. Смотри — но не трогай, трогай — но не пробуй на вкус. Пробуй — но не смей глотать…» Садист какой-то.

Нергал глазами одного из фанатов

А сатана какой-то пресный. Тебе не кажется, что ты просто впал в детство?

Ксендз Бонецкий так про меня сказал. Приятный человек. Для ксендза. Может, поэтому церковь сразу начала затыкать ему рот.

Потому что он хорошо о тебе отозвался?

Потому что поп-культура старается подчинить себе каждого бунтаря, нагнуть его. Меня нагнули? Не чувствую на лице намордника. У людей вечная проблема: классифицировать меня,

повесить ярлык и поставить на полку. Одни делают из меня шута, другие приравнивают к Аль-Каиде. Мне это не мешает. Не важно, что они говорят, важно, кто я есть. Недавно я прочитал книжку «Бог, деньги, рок-н-ролл» Мартина Прокопы и Симона Головни. Немало там написано относительно меня, но складывается такое впечатление, что оба автора не решили пока, с какой стороны кусать лучше. Вочеловечившийся дьявол? Обычный атеист? Шут? Пусть дальше гадают.

Ты поп-культурой обласкан.

Я не собираюсь отмахиваться от этого. Улыбаюсь, шучу. Мое послание миру, однако, осталось неизменным. Моя музыка и тексты — прежними. Я милый, но не иду на компромисс.

Но и на мейнстрим не рычишь. Расширяешь аудиторию?

Я не хочу замыкаться в одной нише. У меня характер захватчика. Почему я должен себя ограничивать? Мне нравится разговаривать с простыми людьми, не с ярыми фанатами метала. Пожилая женщина на почте, продавец в магазине, таксист. Слышу от них: «Пан Адам, вы правы, и на многие вещи я смотрю, так же, как и вы».

Может, они не знают, что ты в юности хотел сжечь костел?

Ну, так теперь они узнают. Может, изменят свое мнение, а может быть, и нет. И я и дальше буду для них хорошим. И по-прежнему буду улыбаться. Я сделал выбор много лет назад: не стал преступником, стал музыкантом. Я хочу изменить мир, но не нужно его сжигать, чтобы достигнуть этой цели.

Но Библию сжег.

Не я. Мои фанаты.

ЯСНАЯ ГОРА ДЛЯ НЕФОРМАЛОВ

Ну да, ты ее всего лишь порвал. Для чего?

Первый раз я сделал это спонтанно. Мы были в туре по Штатам летом 2007 года, колесили с мобильным фестивалем Sounds of the Underground. Один из концертов проходил в Кентукки, в городе Луисвилль. Играли мы в Waverly Hills Sanatorium. Это такая американская Ясная Гора[11] для всех неформалов. Это старая, давно заброшенная психиатрическая лечебница. Во время эпидемии туберкулеза, в начале прошлого века там умерло несколько десятков тысяч пациентов. Такие

места притягивают людей, обрастают легендами. Сейчас оно функционирует как туристическая достопримечательность. У него злая слава, многие люди рассказывают про привидения даже. Именно там я впервые использовал Библию в качестве реквизита. Но это не было запланировано.

Бес попутал?

Скорее, Бог спровоцировал. Состав Sounds of the Underground был достаточно своеобразный, объединивший группы разных стилей и мировоззрений. В тот день перед нами выступали Devil Wears Prada. Их жанр можно назвать христианским металкором, остро христианским. Я не видел их выступления, но мне рассказали, что в какой-то момент вокалист взял Библию, начал ползать по сцене, сотрясаясь от благоговейных рыданий, и зачитывать из нее фрагменты. Потом ко мне подошел Крис, наш тур-менеджер. Он вручил мне святое писание, тот самый экземпляр, который минуту назад выступал с Devil Wears Prada, и бросил: «Держи, это, наверное, тебе».

Христианские рокеры подарили тебе Библию?

Не знаю. Не спрашивал, но я так понял. Хочешь меня обратить? Даешь мне Библию? Окей, но я выражу свое мнение. Если они могли ее использовать, то и я могу. Я взял писание на сцену. Остальное — естественная реакция.

Для них это была святыня.

А для меня элемент поп-культуры. Нравится это кому-то или нет, но религиозные символы, святые, сам текст Библии — ее части. Как Микки Маус. Одни могут ему поклоняться, другие — вертеть носом. На фестивале было много разных посетителей. Одна часть приехала увидеть нас и другие экстремальные группы, другая — Devil Wears Prada. Я разорвал писание и вызвал бурю. Часть зрителей отреагировала экстатично и впала в безумие. Кто-то просто покинул зал. Были такие, которые громко выражали свое оскорбление. Дошло даже до небольших потасовок.

Нравится тебе вот так сталкивать людей?

Я люблю дискуссии. Кто-то спорит вежливо, другие — при помощи кулаков. Провокация оказалась эффективной. Взбудоражила людей. Дала им повод к рассуждениям. В этом смысл искусства.

А наблюдать, как люди бунтуют против норм?

Идея в том, чтобы они умели говорить, что думают. Чтобы у

них было право высказать громкое «нет», как только мир заслуживает такого ответа.

Это не анархия?

Я никого не убиваю, не растлеваю и не мучаю животных. Я просто выражаю свое мнение. Некоторым оно может казаться крайностью, но это меня не огорчает.

После концерта были какие-нибудь проблемы из-за потасовок?

Спустившись со сцены, мы подошли к автобусу. Стояли там, расслаблялись, пили пиво и чувствовали на себе любопытные взгляды. Вдруг появились несколько полицейских, из тех, что обеспечивали безопасность на фестивале. Сначала они остановились в нескольких десятках метров и просто наблюдали. Я не знал, из-за потасовок на концерте или из-за пива в наших руках, но был уверен, что мы попали в передрягу.

Чего хотели господа в мундирах?

«Это вы та группа, что выступала минуту назад?» Я кивнул. Тогда один из полицейских улыбнулся, подал мне руку и сказал: «Я не знаю, что ты кричал, ничего не понял, но выступили вы просто супер!» Гора с плеч свалилась. Я облегченно выдохнул. Через несколько минут начали подходить другие люди, делали нам комплименты. А Брайан из Metal Blade, компании, которая представляла Behemoth в США, сказал: «Вы, наверное, единственная группа, которая ставит меня в трудное положение, но мне все равно нравится, когда вы это делаете». Вот все это и запустило процесс у меня в голове. Плюс в этом туре произошел еще инцидент: перед одним из наших выступлений организовали пикет.

Где это произошло?

В Атланте. Мы играли с Lamb of God. Перед клубом собралась группа парней. Все коротко стриженные, в рубашках, застегнутых под шею, при галстуках и в подтяжках. В руках они держали транспаранты с цитатами из Библии, но больше напоминали фашистский боевой отряд. У одного в руке был мегафон, и он выкрикивал разные фанатичные глупости. Джон Кэмпбелл, басист Lamb of God, пробовал с ними поговорить. Безуспешно. Они не хотели дискутировать. Пришли только для того, чтобы выразить свое возмущение. На концерте я выразил свое. Я знал, что это станет важным пунктом концертной программы на ближайшие недели. Возвратившись из Америки, мы начали тур по Европе в

поддержку альбома *Apostasy,* во время которого все сложилось в целостность, потому что на съемках клипа я тоже использовал Библию.

Откуда ты ее взял?

Купил через Интернет. За несколько сотен злотых. Старое, красивое немецкоязычное издание в твердом переплете. Она была моей, я заплатил за нее и мог делать с ней, что хотел. Книга отправилась с нами в тур.

Сколько экземпляров Святого Писания ты уничтожил?

Около двадцати. Я не должен был их даже покупать. Мир тесен. Люди, побывавшие на нашем концерте, писали о впечатлениях в Интернете. Другие читали это и сами приносили Библию на последующие шоу. Случалось, что я начинал играть, а под ногами у меня уже валялось несколько экземпляров. На любой вкус. Фанаты сами бросали их на сцену.

Как они реагировали?

На концерте в Марселе люди впали в безумие. Я раскидывал листки писания, а они делали факелы, разрывали на куски, ели. Настоящее сумасшествие. Я понял, что попал в точку. Мы разожгли их ненависть. Если кто-то приходит на концерт и взрывается таким гневом, то у него, видимо, есть на то причины. Религию, ее роль и влияние в обществе эти люди воспринимали как притеснение. Наш концерт их освобождал.

Возмущений в зале не было?

Нет, это была наша аудитория, люди, которые знали, чего ждать. Наши фанаты специфичны. Любят богохульствовать. Во время концерта в клубе Stodoła в Варшаве внезапно пропало напряжение. Когда его восстановили, я пошутил со сцены, что, видимо, в столице электричеством заведует бог. Весь зал начал скандировать: «На хуй бога! На хуй бога!» Несколько тысяч глоток. Я только улыбался. Понятно, что для большинства людей такие демонстрации неверья могут казаться вульгарностью или иконоборством, но что я могу сделать? Такова суть вещей. Я никого силой на концерт не тяну. Наши фанаты понимают это. Потому что они уже знали во времена промо-тура *Apostasy,* что произойдет при первых аккордах *Christgrinding Avenue* или *Christians to the Lions.* Они хотели этого.

ХРИСТИАН КО ЛЬВАМ

А вот то, второе название как следует понимать? Ты хочешь скормить христиан львам?

Это метафора и цитата. Рекламный слоган Колизея. Автора надо искать среди римских цезарей. Таким было дело религии. В Риме христиане считались сектой. Их убивали ради восторга толпы. Прошло несколько сотен лет, и уже они убивали язычников. Опять же, к восторгу простолюдинов.

А ты не призываешь таким образом к убийству верующих?

Ни в коем случае. Я борюсь с догмами, не с людьми. Если бы я действительно хотел убивать католиков, начал бы с родственников, а потом принялся за некоторых из друзей. Это абсурд.

А если бы кто-то написал песню «Атеистов на костер»? Это тоже метафора?

Ясное дело. Слова меня нс волнуют, не ранят. Если кто-то хочет, пусть записывает такую песню. Искусство — это не политика, артист имеет право высказаться. Если бы какой-нибудь партийный вдохновитель на митинге кричал, что мы должны сжечь всех неверных или обратное — что время уничтожить католиков, — тогда другое дело. Но в песне?.. В фильме?.. Это позволительно, позволительно быть фанатиком.

Ты один из них?

Не думаю.

В жизни, может, и нет, но в своей сценической деяте…

Образе. Это театр. В пьесах Шекспира кровь льется ручьями назовете его убийцей? Нет.

Если все это только театр, так, может, трюк с разрыванием Библии — ради легких денег?

Если бы я знал, как повернутся дела, я бы серьезно подумал, делать ли этот трюк, по крайней мере в Польше. Хотя нет. Я ни о чем не жалею. Это не в моем стиле. В любом случае проблемы появились многими месяцами позднее. Сначала мое выступление никого не заинтересовало. Не делайте из нас предтечей. Богохульство сопровождает рок-музыку от начала времен. В андеграунде существуют группы, по сравнению с которыми наше выступление выглядит относительно невинным. За его

пределами: Венди О. Уильмс из Plasmatics, GG Allin, а из мейнстримовых Мэрилин Мэнсон или даже Мадонна. Но в нашем случае все происходило в узкой нише, среди горстки фанатов. Мы хотели, чтобы наши концерты запомнили и оценили.

Нергал читает евангелие свободного человека на сцене одного из клубов в Аргентине. Тур в поддержку альбома The Apostasy

Богохульство богохульством, но тебе не жалко было книжек? Не бережешь их?

Берегу. У меня большая библиотека. Я забочусь о ней. Для меня это почти фетиш. В принципе, о собственности надо заботиться.

Но Библию уничтожил. Нестыковка, ты так не считаешь?

Нет.

Покупаешь книжку за несколько сотен злотых и мажешь по ней маркером. Это бережливость?

Если что-то мое, я могу делать с ним, что захочу. Если ты спросишь, бью ли я людей, я отвечу «нет». Если захочешь узнать, ударил ли я кого-нибудь, то получишь другой ответ. Когда вы смотрите фильм и видите, как в нем разбиваются автомобили, вы не обвиняете режиссера в том, что он не бережет их. Он разрушает их перед камерой, потому что того требует его видение. И он жертвует на его потребу вещи. Почему я не имею права уничтожить книжку, если этого требует мое видение?

Но для кого-то эта книжка — предмет культа.

И из-за этого я должен воздержаться от выражения своего мнения? Может, запретим говорить, что святого Николая не существует, потому что дети так сильно его любят? Место монотеизма — в музее. Я так считаю, выражаю это вслух и небеса молнией меня не поразили. Но меня тягают по судам, потому что я смею предположить, что содержание книжки, в которой описана судьба человека, ходящего по воде, усмиряющего бури и оживляющего мертвых, — это литературный вымысел. Христиане обвиняют меня в том, на что у них было исключительное право. Я разбиваю золотого тельца.

СКАМЬЯ ПОДСУДИМЫХ

Ричард Новак думает иначе.

Я уже устал от разговоров о нем. Каждый на плечах несет свой крест — я несу Ричарда Новака. В буквальном смысле, потому что этот человек хочет на моих костях сделать себе имя. Если бы не эти бесконечные процессы, никто бы и не узнал о его детище, Общепольском комитете по борьбе с сектами. Хотя у меня по его поводу кошмаров нет, я нормально сплю и дальше гну свою линию. Наверное, благодаря Новаку у меня даже прибавилось поклонников: мало кто рекламирует нас так успешно, как он. Но просто неприятно, что кто-то таким способом наживает свой капитал. Ненавижу паразитов. Это даже не мой

враг. Своего врага я знаю. Если бы в суде против меня выступал Симон Головня, то столкновения были бы значительно жестче. Есть фанатики, как Новак, а есть образованные и хорошо разбирающиеся в вопросах религии люди. Конечно, я говорю чисто теоретически, потому что такие люди по судам не бегают из-за видео в Интернете.

Но ведь Новак не только о Библии говорил. Он утверждал, что ты сектант. Ты принадлежишь к какому-нибудь религиозному движению?

Нет.

Так, может, фанаты Behemoth становятся сектой?

У нас есть разные фанаты.

А у меня есть для тебя тест. Рекомендации, как распознать секту, которые были скачаны со страницы одной архиепархии. Вот они. Уже первый контакт с творчеством группы заставляет изменить свое мировоззрение. Ты вселяешься в умы поклонников?

Я говорю им, что они должны открыть сердце для Иисуса Христа, ибо только тогда они увидят свет таким, каков он есть…

Иронизируешь?

А что мне еще делать? Конечно, я влияю на умы фанатов. И даю им простую мысль: не верьте в любую истину, не доверяйте даже моим словам, думайте самостоятельно.

Секта предлагает простой образ, объясняющий устройство мира.

Я никому не говорю, что существует только добро и зло, не учу, как появился мир и как он умрет. Объяснений мира столько же, сколько и людей.

В секте верующий находит все, что до этого времени искал.

Я могу предложить только хорошую музыку, шоу, качественный рок-н-ролл и тексты, заставляющие мыслить. Если кто-то ищет пристанища, то ему в Обновление в Святом духе[12], а не на концерт Behemoth.

У секты есть проводник, отец, мастер…

Я похож на Папу Римского?

Секта утверждает, что мир стремится к концу, и только они знают, как спастись.

Я видел по телевизору марш таких. Хотели молитвой спасти нас от конца света. И транспарант несли: «Мы — народ, они — свита Нергала».

Секта отрицает науку. Единственная премудрость — источник истинного знания.

Мир был сотворен на седьмой день, динозавры — это драконы, а спустя три дня после смерти можно встать из гроба… Каждый мой фанат это знает.

Опять эта ирония? Секта отрицает рациональное мышление.

Ну, а как же мне не иронизировать? Ведь не я говорю фанатам, что они должны уверовать, чтобы увидеть.

Критика и отвержение людьми, которые не принадлежат к секте, свидетельствуют о том, что учение истинно.

Снова вспоминаются марширующие с транспарантами. Если кто-то с ними не соглашается, будь то еврей, масон или вочеловечившийся дьявол, то, конечно, они правы… Сейчас ты, наверное, спросишь, не ограничиваю ли я как-нибудь сексуальную жизнь моих фанатов и не выдумываю ли я заповедей, которых они должны придерживаться, если хотят спасения.

Точно.

Я отвечу сразу на всё. Я бы очень хотел, чтобы каждый мой фанат поискал в Сети рекомендации о том, как распознать секту, внимательно прочитал и нашел этому применение. Я не говорю, какое именно. Я верю в образованность людей, которым нравится моя музыка.

Ты все еще считаешь, что церковь — это «самая большая и наиболее преступная секта» в истории?

Я повторяю: я верю в образованность моих фанатов.

Эти слова ты сказал на концерте в Гдыне, когда порвал Библию.

Да, сказал.

Судья не только поблагодарил обвиняемого за присутствие,
но также очень вежливо попросил снять шляпу и пройти на скамью подсудимых
в сопровождении охраны.
Akt oskarżenia
sprawy z oskarżenia prywatnego
Wnoszę o:
1. Akt oskarżenia przeciwko
wi Darskiemu, liderowi muzycznego
zespołu Behemoth oskarżonemu
e 13 września 2007 podczas koncertu w
ędyńskim klubie „Ucho" porw
ucał jej szczątkami w widownię.
Krzyczał do mikrofonu, że
ski to największa organizacja
zbrodnicza" i że Biblia to: „pieprzone gówno".
Uzasadnienie:
13 września 200
w Gdyni podczas koncertu
muzycznego zespoł
Adam Darski w przerwie między
wykonywanymi utw
porwał Biblię,
ucał jej szczątkami w widownię,
która sprowokowa
Darskiego je spaliła. Podczas
niszczenia Biblii
do mikrofonu, że: „Kościół
Katolicki to najwię
organizacja zbrodnicza" i że Biblia, to: „pieprzone
gówno".
Обвиняемый не является артистом, но является узнаваемым человеком,
знаменитостью, или селебрити.
Обвиняемый заявляет публично, что его музыка «черна, как задница сатаны».
/Wikipedia/

«Иногда мне казалось, что я нахожусь в произведении Кафки» — вспоминает Нергал

Как ты отреагировал на первый вызов в суд?

Сначала я не обратил на это внимания. Не задумался о серьезности ситуации. Только потом я понял, что за выражение своих взглядов и за театральную постановку можно быть осужденным. По-прежнему этого не понимаю. На счастье, судья тоже этого не понял. В том деле он вынес два приговора, оба оправдательных. Может, Польша все-таки правовое государство…

Дода за утверждение о том, что Библия писалась под кайфом, была осуждена.

Меня это немного охладило. Оказалось, что суд не одинаково непредвзятый. Видимо, судьи тоже люди. Один руководствуется здравым смыслом, у другого он отсутствует.

Можно порвать Библию, но нельзя сказать, что Библия писалась под кайфом?

Я знаком не с одной исследовательской работой о роли наркотиков в развитии религии. Это серьезные труды, в которых говорится, что любая вера в сверхъестественное — результат употребления наркотиков. Я читал о профессоре Бенеме Шаноне из иерусалимского университета, который подробно изучил Библию и историю ее становления, анализируя растения, произраставшие в пустыне, по которой скитались израильтяне. Там росла степная рута — сильный психоделик. В одном из псалмов упоминается также мандрагора как лекарство для потенции…

И ты рассказывал об этом Дороте?

Нет. Сама где-то вычитала и высказала публично при первой же возможности. В конце концов, она сделала это непосредственно. Такой у нее стиль. Ляпнет что-нибудь и ждет, что будет. Все об этом знают. Самая большая глупость в том, чтобы принимать ее слова всерьез.

Ну, а вообще, религиозные чувства должны охраняться законом?

Нет.

И твои?

Не имеет значения, во что ты веришь. Вера индивидуальна. Если религиозные чувства людей оскорбляет то, что кто-то другой говорит, каков, в таком случае, фундамент их веры? Наверное, хрупкий, раз они боятся слов.

В культуре ислама за богохульство можно лишиться головы.

Я не знаю ислама. Я родился в Польше, католической стране, а не мусульманской.

Уничтожаешь Библию экземпляр за экземпляром, а Корана не трогаешь… У Нергала нет яиц. Так получается.

Я борюсь с тем, что знаю. Используя подобную логику, можно утверждать, что если я говорю по-английски, то должен говорить и по-китайски. А если не смогу, то я слабак.

Но все же, сегодня легче атаковать религию любви, а не воинственный ислам.

Хреновый стереотип про эту религию любви. Точно также можно заявлять, что коммунизм — политика равенства. Для меня он тот же тоталитаризм. Только христианство запрещает дух, а коммунизм — собственность. Что из того, что имеет в основе какую-либо идеологию, имеет хорошие намерения? Слова не считаются, только деяния. Польский католицизм сегодня — это идеология отвращения ко всему, что чуждо, а никакая не религия любви.

Не слишком ли ты утрируешь, приравнивая католицизм к коммунизму?

Подобие между красным тоталитаризмом и христианством очевидно. Одни изменили названия городов: Петроград на Ленинград, Волгоград на Сталинград. Другие переняли систему богов, заменив их святыми. Загребли языческие праздники. Божье рождение вместо рождения Солнца, Пасха. Даже английское слово Easter[13] похоже на имя языческой богини Иштар. Заглянем в историю. Когда христианство приходило на территорию другой культуры, оно делало то же самое, что большевики в 1939 году. Завоевание, подчинение, разрушение. Только речь шла не о боге, а о власти.

Но сейчас уже не слышно о христианском терроре.

Для них пока достаточно плеваться ядом и оскорблять. Но как надолго? Я давно получаю угрозы по Интернету. Не от мусульман, а от католиков. И не уверен, что в один прекрасный день они не заменят слова поступками. Недавно была подобная ситуация на концерте в Жешуве. С утра возле отеля крутилась девушка, хотевшая со мной поговорить. Я думал, что она хочет просто сфотографироваться и получить автограф, но был занят настолько, что не имел возможности пообщаться с фанатами. После концерта, когда шел к машине, я приметил ее краем глаза. Она была очень возбуждена, словно под кайфом. Подошла ко мне, схватила за руку и, со слезами на глазах, сказала: «Адам, какое счастье, что я тебя встретила!» Я спросил, чем могу помочь, но почувствовал что-то неладное. Вдруг она полезла в карман и вытащила бутылку со святой водой. Я выбил это дерьмо у нее из рук.

Но ведь она не хотела сделать ничего плохого.

Содержимое той бутылки — не проблема. Проблема в том, что это была атака против меня. Вторжение в мое личное пространство. Это меня разозлило. Сегодня святая вода, а завтра что? Нож? Соляная кислота? Девушка ничего не соображала. Стояла только и фанатично лепетала какую-то херню про святой дух, не понимая, что мне плевать на все это.

Ты провоцируешь людей. Хотя бы сравнивая христианство с коммунизмом. Церковь боролась с большевиками.

Как два пса борются за еду. Но, конечно, я ценю влияние церкви на формирование нашей истории. Но это дело прошлое. Сегодня христианство утратило свой авторитет, и ценности его полностью расходятся с потребностями людей. Я уже говорил, что место ему в музее. Это уже происходит. Костелы становятся музеями. В Лондоне есть несколько святынь, которые переоборудовали в клубы. Нет смысла их разрушать, лучше использовать с умом. Мы тоже играли в таком костеле. Гримерки находились в бывшей ризнице, а сцена раньше была алтарем. В последнем туре по Штатам, в Питтсбурге, концерт проходил в пустой, покинутой верующими церкви. Это превратности судьбы: теперь мы читали проповеди с амвона. Получается такой феномен, который условно можно назвать единичной сменой караула.

Ты не достиг бы большего, если бы говорил то же самое, но более корректно?

Я не политик. Я не могу лгать или скрывать то, что на сердце, под личиной красивых слов.

Сегодня, однако, ты Библий не рвешь на концертах.

Я и огнем не плююсь, хотя когда-то мы делали это на каждом выступлении.

Почему вы перестали это делать?

Ну, уж точно не из-за нападок на меня. Мы прекратили эти шоу на сцене еще до начала медийных атак. Просто нет смысла повторять бесконечно одну и ту же провокацию. Она перестает быть провокацией. Не рисуется ведь два раза одна и та же картина, так? Но все равно наши концерты и дальше заставляют задуматься.

Что вы сегодня предлагаете?

Приходи и увидишь. После концерта, на котором я впервые разорвал святое писание, наш тур-менеджер, сказал, что было *disturbing*. Это очень емкое английское слово, но оно не до конца разъясняет суть. Означает что-то возбуждающее, но в то же время разрушающее. Когда кто-то так характеризует нашу музыку, я принимаю это за большой комплимент. С кино так же. Самые лучшие фильмы, на самом деле, *disturbing*. Такие, как, например, Антихрист» Ларса фон Триера или «Роза» Войцеха Смажовского. Идешь вечером в кино, после фильма выходишь и все время о нем думаешь. Просыпаешься на следующий день — и все еще в голове буря. Я бы хотел, чтобы точно так же оценивали наши выступления. Ненавижу, когда люди говорят, что фильм или концерт был отличным…

Вы не играете отличных концертов?

Если кто-то говорит, что наш концерт был отличным, он словно бьет меня по лицу. Отличными могут быть проститутки, а не концерт Behemoth. У меня есть друг джазмен, который приходил на наш концерт в Быдгоще. Сказал, что мы хорошо играли — он ничего не понял. Хорошей была весна в том году. Но точно не наш концерт или — потешу свое эго — фильмы фон Триера.

ВЫСТРЕЛ В ГОЛОВУ

Депрессия разрушает. Метал обвиняют в том, что он провоцирует самоубийства.

Если у кого-то депрессия, то и романтическая комедия может подтолкнуть к суициду. Одни посчитают это трусостью, другие — смелостью. Я не намереваюсь оценивать такие поступки. Каждый кузнец своей судьбы. Выбираешь смерть? Хорошо. Так ушел из жизни мой друг, Йон Нёдтвейдт из Dissection.

Ты хорошо его знал?

Наше знакомство было коротким, но очень близким. Сначала, конечно, я познакомился с музыкой. Уже в девяностых был его фанатом. *Storm of the Light's Bane* я считаю одним из лучших. Йона я встретил позже, в середине прошлого десятилетия.

Вообще, трудно было с ним познакомиться. Ведь он сидел в тюрьме за соучастие в убийстве.

Мы играли с Dissection в Дании. Это был один из первых

концертов после освобождения Йона, а я впервые увидел их вживую. Йон был примерно моего роста, может, чуть более накачан. Внимательный, вежливый. От него исходила особенная сила, даже походка была особенной. После концерта он подошел к нам и сказал, что в последний раз такое впечатление на него произвело выступление Morbid Angel в 1991 году.

Удачно вам польстил.

Я иногда встречаюсь с такой «любезностью», но в том случае мнение было искренним. Мы разговорились. Оказалось, что Йон хорошо знаком с нашей музыкой: девушка привозила ему диски, пока он был в тюрьме. Между нами возникло чувство взаимопонимания. Проходили часы, а мы сидели, поглощенные беседой. Как под кайфом. С тех пор мы всегда были на связи, по телефону, по Интернету. Следующая продолжительная встреча состоялась во время музыкальной ярмарки в Германии. Йон искал студию для записи Reinkaos, нового альбома Dissection. К тому времени он уже выслал мне демо-версию: сначала один трек, потом три, а потом и весь альбом целиком. Я был впечатлен, сразу увидел себя в тех песнях. Мне кажется, что сначала люди не поняли совершенство его музыки. Только после смерти Йона сообразили это; его альбомы сейчас все более популярны.

Когда ты видел его в последний раз?

В конце 2005 года он спросил, не хотим ли мы выступить с Dissection на новогоднем концерте в Стокгольме. Конечно же, я согласился. Концерт был назначен на тридцатое декабря, а я хотел провести с Йоном как можно больше времени, поэтому улететь собирался уже после Нового года. Со мной поехала моя девушка, Шелли. Она была родом из Хорватии, а познакомились мы в Швейцарии, на одном из наших концертов. Но в Швеции я не был хорошим бойфрендом, не в тот Новый год. Мы с Йоном пристроились где-то в углу и начали разговаривать, очнулись только около полуночи. Люди вокруг веселились, сходили с ума, а мы почти полдня проговорили о блэк-метале, философии, смерти… Это ненормально. Я откупорил шампанское. Хотел налить ему бокал, но Йон отказался. Потом согласился, поднял со мной один тост, выпил глоток, улыбнулся и сказал, что не брал в рот алкоголя уже несколько лет… После полуночи я пустился в пляс, сходил с ума под музыку Turbonegro. Inferno сходил с ума вместе со мной. Мы были пьяные и абсолютно непредсказуемые. Йон тем временем смылся домой.

Нергал и Йон Нёдтвейдт из Dissection вскоре после совместного концерта в Дании.

Ты спрашивая, почему он убил человека?
Нет. Не смог. Это его личное дело. Видимо, были причины.

Как и причины покончить жизнь самоубийством?
Не знаю.

Как ты отреагировал на эту новость?
Это был удар, шок. Йон казался воодушевленным, когда я разговаривал с ним о новом альбоме Dissection. Ничто не указывало на то, что он пустит пулю себе в голову и простится с жизнью. Я расспрашивал у общих знакомых, тех, кто видел его за несколько дней до смерти. Он отыграл последний концерт. Не было похоже, что он в депрессии. Наоборот, Йон казался человеком полностью счастливым, находящимся в согласии с миром. Но он поступил так, а нс иначе. Я не хочу судить. Единственное, что я могу сделать, — постараться понять.

Удается?
Мне сложно представить ситуацию, которая могла бы

подтолкнуть меня к самоубийству. Я слишком люблю жизнь.

Нергал в языческом храме в Египте

Глава III

ДРЕВО ЖИЗНИ

Когда в твоей жизни появились женщины и секс?

Мне было шестнадцать лет. Девушке — двадцать; у нее уже был ребенок. Я был пьян в стельку, поэтому сексом произошедшее можно назвать с натяжкой… Ну а на самом деле, девственность сознательно и на трезвую голову я потерял с Селиной, моей первой любовью.

Как ты с ней познакомился?

Так же, как и с Баалом, — мы жили в одном доме и были соседями. Мы вместе ходили в школу и учились играть на гитаре. Тогда она не интересовала меня как девушка: в школе была слишком худой. Когда я перешел в старшие классы, общение

между нами прервалось. Я видел ее изредка, в основном через окно. Наблюдал за изменениями… Селина округлилась в нужных местах, у нее была аппетитная грудь. Приковывала взгляды. Все в округе безуспешно пытались подкатить к ней. Она же была холодна и неприступна: девушка-недотрога. Как-то раз я встретил возле дома ее брата. Захотелось узнать новости. Он ответил, что Селина как раз дома, следовательно, я могу спросить и сам. Это был порыв. Просто позвонил в домофон, сказал: «Привет, это Адам Дарский». Мы не общались долгое время, но она все равно меня впустила. Мы разговорились… А вскоре начали встречаться. Селина была из абсолютно другого мира, но это не имело значения. Когда тебе шестнадцать, достаточно того, что ты сидишь рядом с красивой девушкой, ощущаешь ее близость, вдыхаешь запах. Но Селина давала гораздо больше. Она умела выражать свое собственное мнение. Была воспитанна, хорошо училась, бегло говорила по-английски… Вдохновляла меня.

Тебя не привлекали «металлистки», девушки твоего круга?

Нет. Для меня были важны красота и уникальность. Над остальным можно поработать.

Как ты работал над Селиной?

Я наполнил ее мир своей страстью. Приносил кассеты, которые она с интересом слушала. Со временем погрузилась в атмосферу и сама начала покупать новые альбомы. Наверное, ей понравился метал. Она увидела в нем то, что видел я. Для большинства людей эта музыка — просто звуковой хаос. Я же видел именно то искусство, которое может воспитать так, как ничто другое. Речь не шла даже о широком акустическом разнообразии, важна была также тематика: религия, любовь, секс, политика и проблемы общества, история — серьезные темы и незначительные тоже…

ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬЯ

Слушать музыку — это одно, но ты ее играл.

Селина быстро начала заниматься делами нашей группы. Приняла участие в фотосессии для мини-альбома *Bewitching the Pomerania.* Satyricon, одни из лидеров норвежской блэк-метал сцены, тогда как раз выпустили альбом *Nemesis Divina.* На одну из песен был снят прекрасный, полный эротизма клип. Satyricon показал, насколько качественно могут работать блэк-метал

группы. И любительской камеры в этом случае было недостаточно. Мы пошли тем же путем.

Та фотосессия стала смелым шагом…

Нам было по девятнадцать лет, и мы открывали новый мир. Нагота сегодня — ходовой товар, не только в блэк-метале. Тогда было иначе. Селина открыла лишь грудь, но мы считали, что это мощно.

В альбоме *Grom* можно также услышать ее голос.

Селина всегда хорошо пела. Хотя я не знаю, была ли она страстно увлечена нашей музыкой. Это был эксперимент, который не до конца себя оправдал. В конечном итоге все вышло не так, как должно было быть. Мне трудно сейчас слушать эти фрагменты без некоторого смущения.

Думаешь, Селина была в тебя влюблена?

Очень сильно. Никогда позже я не встречал женщины, которая была бы так мне предана. Селина многое делала, выручала меня практически во всем. Она ходила на почту отправлять письма, переводила интервью. С ней мой английский сильно развился. Мы жили словно семейная пара. Я возвращался из лицея, а на столе меня ждал обед. Ее деньги были моими деньгами. Во время нашего общего путешествия по Скандинавии я в буквальном смысле опирался на нее, потому что сам обычно на ногах не стоял.

Ты хотел познакомиться с родиной музыки, которая тебя вдохновляла?

Раньше Норвегию или Швецию связывали с фьордами, нефтью и лососем. Блэк-метал это изменил. Сегодня даже тамошние политики изучают историю этого жанра: оказалось, что теперь весь мир ассоциирует север Европы с этой холодной и брутальной музыкой. Это их экспортный товар. Когда я отправился туда впервые, блэк-метал был еще в андеграунде, только позже он въехал на белом коне в мир поп-культуры. Меня воодушевляло, что столь радикальная музыка расцветает в месте, где даже шестидесятилетние продавщицы овощных магазинов идеально владеют английским. Это был другой мир. Я осознал, как много необходимо наверстать моей стране, чтобы достигнуть такого уровня.

ПЕРВАЯ ФОТОСЕССИЯ ВЕНЕМОТН сделанная профессиональный фотографом в студии. Моделью стала тогдашняя девушка Нергала

Ты говоришь о музыке или об уровне развития?

О том и о другом. В Польше только что развалился коммунизм, шла бешеная трансформация. Куда ни глянь — мы были в полной жопе.

Ты много путешествовал в то время?

Первый раз за границу я выехал со школьной экскурсией. В Ленинград. Этот город оставил удивительные впечатления. Его не без оснований называют Венецией севера. Потом же началась

череда музыкальных путешествий. Я знакомился с людьми, трудящимися в андеграунде. Когда мы заключали контракт с немецкой фирмой Solistitum, оказалось, что я должен подписать его лично. В Германии я познакомился еще с Юргеном Барчем из группы Bethlehem, с ним мы отправились в Голландию. Там много пили, курили травку и разговаривали до рассвета. В Роттердаме я познакомился с Горгоротом из Funeral Winds. В Милане мы, опять же, проживали у нашего знакомого из студии Entropy. К ним, как и в Скандинавию, я выбрался вместе с Селиной. Еще в Милане я познакомился с Роберто Маммареллой. Несколькими годами позже мы подписали контракт с его студией. Путешествия многому меня научили, это бесценный опыт. Новые люди, новые места. Не было компьютеров, в распоряжении имелись только стационарные телефоны и простые письма. Самолетами мы не летали, ездили автобусом, плыли на пароме — в лучшем случае. С каждым годом воспоминания все больше смазываются, хотя, кажется, прошло немного времени.

А с кем ты познакомился, путешествуя по Скандинавии?

Мы, собственно, туда и поехали, чтобы познакомиться с Мортиисом из Emperor.

Какие впечатления оставило знакомство?

Помню, в одной из комнат все стены были обклеены обложками альбомов. Нигде раньше я не видел такой коллекции. Даже сфотографировался на ее фоне. Сам хозяин, приятный, вежливый и скромный, казался человеком с другой планеты. Он мог ничего не есть целыми днями. Или съедал на завтрак какую-нибудь булочку и все, ничего больше. По вечерам приходила его девушка, румынка, родом из Трансильвании. Раньше она встречалась с Евронимусом из Mayhem, конечно, пока он был еще жив… Мы часами рассуждали о буре, которая разыгралась в мире андеграунда. Это было опасное время. Мортиис переехал в Швецию, просто потому что должен был сбежать из Норвегии. На родине он боялся за свою жизнь.

А у него был повод?

После того как Викернес убил Евронимуса, стало жарко. Мир раскололся: одни хотели отомстить «предателю из Burzum», другие предателем считали лидера Mayhem. Угрозы стали обыденным делом. И дама с косой могла прийти к любому. До этого же постоянно горели церкви. Неудивительно, что проснулась полиция — рейды и обыски не облегчали жизнь.

Кого ты считал предателем?

Я был вне всего этого. Меня история ужасала и возбуждала одновременно. С блэк-металом не шутили, ведь распрощаться с жизнью можно было в любой момент, но именно это и притягивало к нему людей. Я не высовывался и наблюдал за ситуацией. События в Норвегии стали гласными и в Польше. Нашей средой тоже заинтересовались спецслужбы. Меня минули их визиты, но некоторых моих знакомых дергали по нескольку раз. О блэк-метале заговорили. Люди начали осознавать, что существует такое явление. Помню, как я сидел и клацал по клавишам старой печатной машинки, отвечая на письма. В комнату вошел отец и без слов положил на стол брошюрку, вещавшую: «Блэк-метал — рассадник угрозы». Какой-то кретин раздавал в очереди.

Селину не пугало это все?

Она была в меня влюблена и одобряла мой выбор.

Вы прожили вместе несколько лет…

Это были мои самые продолжительные отношения. Они длились так долго, потому что Селина была любящей, преданной и понимающей. Я же — невежей и деспотом. Все должно было быть под моим контролем. Мой хороший день был ее хорошим днем, плохой — ее плохим.

Она не была против такого расклада?

Нет. Ни разу не дала понять, что что-то не так. Да и я не был таким уж кровавым диктатором. Не это имелось в виду. Просто у меня был принцип, который я считал нормальным. А Селина полностью принимала мою напористость. Это был своего рода симбиоз, но именно я решительно доминировал. Хотя, на самом деле, по части отношений в то время я был чайником. Спустя несколько лет я почувствовал усталость, начал интересоваться другими женщинами… Если бы можно было повернуть время вспять, я бы ударил себя по лицу и сказал: «Бля, остынь, парень!»

Venom
Venom
Venom

С Мортиисом в его однокомнатной квартире в шведском городе Хальмстад.

Ты плохо относился к близким?

Я не был очень уж любезен. Отец неоднократно обращал на это мое внимание. Говорил, что я нехорошо обхожусь с людьми. Я вообще не понимал, о чем идет речь. Мне казалось, что именно я сдаю карты. В этом нет ничего плохого, если внимательно следить за тем, чтобы не обидеть других. Надеюсь, что я все-таки научился уважать людей. И если считаю себя правым, то стараюсь настоять на своем, но без хамства и наглости. Я доходил до этого годами, не раз испытывая горькие минуты. И часто по своей собственно вине.

Отношения с Селиной распались по твоей вине?

Я разъезжал по студиям, знакомился с новыми людьми. Почувствовал в какой-то момент, что хочу освободиться и начать что-то новое. Я просто ее бросил. Сделал это без предупреждения, с бухты-барахты. Селина приходила в себя несколько недель. Потом у нее начались новые отношения. Когда я об этом узнал, впал в бешенство. Ведь только я мог диктовать условия! А тут она перехватила эстафету и разыграла собственную партию. Я терпел, переживал, но дороги назад не было. Я потерял контроль над ситуацией. Поэтому и отправился в очередное путешествие по Скандинавии. В этот раз один. Я должен был сбежать.

БАРДАК НА ГОЛОВЕ

Прошло пятнадцать лет. Ты сильно изменился?

В каждом из нас сидит идиот и мудрец. Во мне тоже. Я могу быть язвительным и грубым в обращении, бросить трубку, а через час уже пленять комплиментами…

Кажется, стерпеть тебя рядом все еще тяжело…

Я работаю над этим. Сейчас я сразу раскрываю все карты, потому что хочу построить отношения, а не иллюзию. Раньше, когда знакомился с девушкой, я сначала распускал перья и убеждал ее, что я весь такой замечательный и обаятельный, каким на самом деле не являюсь. Всегда ухоженный, одет с иголочки… Сейчас не скрываю, что есть и другая сторона: когда я просыпаюсь рано, у меня помятое лицо и вид далеко не свежий. Эта сторона даже интереснее. И у женщин тоже. Мне нравится, когда в паре нет никаких табу. У меня есть знакомые, которые до сих пор живут в неведении. Я спрашивал, может ли жена случайно при них испортить воздух. «Старик! Никогда!» Вот они живут в иллюзии, идеализируя своих партнерш, считая, что настоящие женщины и в туалет по-большому не ходят. Это глупо. Со мной приключилась такая история недавно: у девушки случайно вырвалось на первом свидании… Она улыбнулась и все превратила в шутку. В ее поведении не было стыда. Мне это понравилось. Именно на такой основе надо стоить отношения. Я не натурист, но все-таки что естественно, то не безобразно.

Тюрбан на голове, маска на лице и огурцы на глазах — тебя не пугает такая картинка?

Как раз наоборот. Это мило. Помню, в одно из наших первых

свиданий с До-ротой я поехал к ней в Варшаву. Мы развлекались всю ночь. На следующий день я должен был возвращаться в Гданьск, но все равно пообещал ей, что, как высплюсь, приду приготовить завтрак. Я пришел около полудня, но все равно разбудил ее. Дода поднялась и открыла мне дверь. Не побежала в ванную, не начала краситься и не оттолкнула меня. И прекрасно! Если ты кого-то любишь, то видишь его красоту всегда. Я часто говорю и пишу о серьезных вещах, о принятии крайностей, о танце sacrum и profanum[14]. Как же я мог бы не применять это в своей жизни? Нет различий между святой и грешницей — это всегда одна и та же женщина.

Ты продолжаешь навязывать другим свою точку зрения?

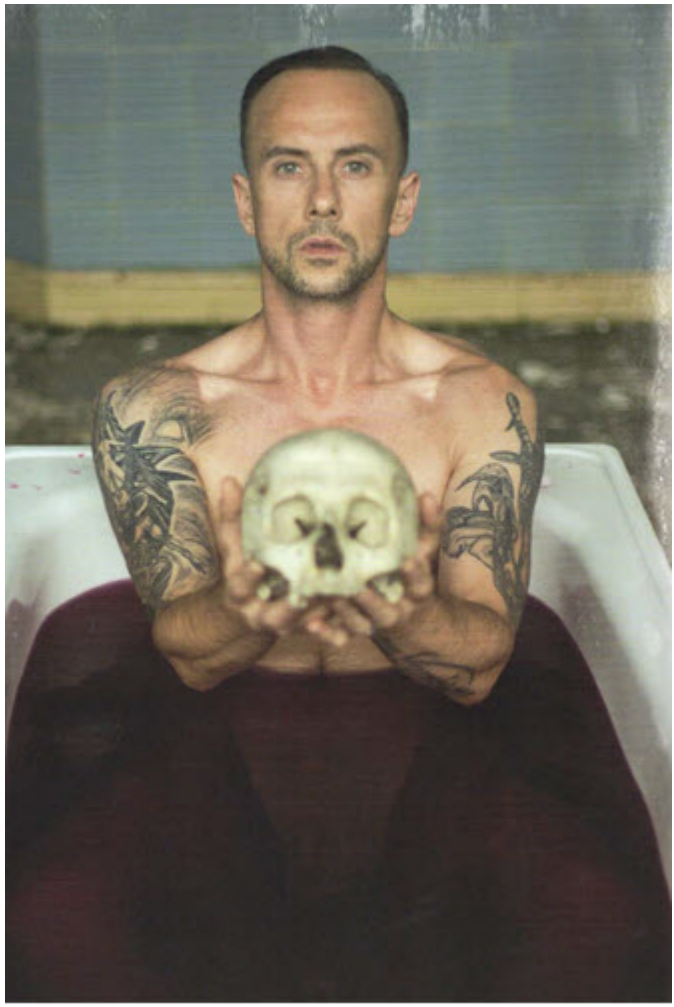
В жизни мне необходимо быть вдохновляющей стороной. Но в отношениях я люблю равенство. Хочется быть и вдохновителем, и вдохновляемым.

Влюбленные в тебя девушки с большими глазами, которые говорят: «Да, да, да…», — не твой тип?

Пусть девушка будет влюблена, но лишь при условии, что и я влюблен в нее.

Как девушке произвести на тебя впечатление?

Есть много способов. Например, знанием в областях, в которых я ничего не понимаю. Если я увижу, что девушка разбирается в том, что для меня остается чем-то из разряда черной магии, или если окажется, что она прекрасно владеет каким-то языком, который звучит, как разговор инопланетян… Могу увлечься. Словом, в девушке должно быть что-то. Я живу музыкой, музыкой зарабатываю на жизнь, поэтому спрашиваю девушек, что они слушают. Есть два ответа, которые означают дисквалификацию: «радио» или «всё». Хуже плохого вкуса может быть лишь его отсутствие. По правде, не в музыке дело, это только повод… Иногда на меня влияют абсолютно прозаичные вещи. Например, если девушка приготовит какое-нибудь экзотическое блюдо…



От этого пункта попахивает шовинизмом…

В борьбе со стереотипами всегда так. Отрицая их, ты попадаешь в другую крайность, еще большую. Если женщина умеет готовить, это не значит, что ее место на кухне. Я ведь не параноик. Просто есть что-то, что способно обезоружить мужчину. В какой-то мере я ищу то материнское чувство заботы. Мне не нужна курица-наседка, но женщина должна быть заботливой. Когда слышишь: «Веди аккуратно», «Ты кушал сегодня?» — то сразу чувствуешь себя лучше. Мне необходимо участие. С другой стороны, излишняя опека тоже раздражает. Еще моя партнерша не должна быть ребенком. Хотя бывает по-разному. Я ценю в женщинах независимость, но люблю, если иногда она ведет себя как маленькая девочка.

А ты сам можешь вести себя как маленький мальчик?

Мне нужна такая атмосфера, в которой я смогу иногда превращаться в испорченного мальчишку, а она будет смеяться над этим. Нельзя расценивать это как недостаток зрелости. Ведь и я не могу постоянно играть роль отца.

Может, надо попробовать построить отношения с женщиной старше тебя?

Когда я был моложе, меня привлекали женщины старше по возрасту, более опытные. Со временем это изменилось. У меня были отношения с девушкой младше меня на одиннадцать лет. Ей было едва девятнадцать, но она казалась не по годам взрослой. Но хотя в тех отношения было много свежести, подсознательно я ожидал от нее мышления тридцатилетней.

Но ведь у нее просто не может быть такого жизненного опыта…

Там ситуация складывалась еще хуже, потому что она воспитывалась без отца. Я часто ввязываюсь в такие приключения. Такая вот моя наивность. Или, может, идеализм? Но я учусь замечать вещи, которые раньше игнорировал. Как-то я был в кафе в Сопоте и встретил там соседа. Мы никогда с ним не разговаривали, просто обменивались приветственными кивками. Но в тот раз он повис у меня на шее. Был очень пьян и сразу начал рассказывать мне о каком-то дерьме, в которое вляпался… Бредил так, а в какой-то момент сказал: «Не важно, звезда ты или нет. Помни, Адам, из какого дома вышел». Это мудрая мысль. Знакомясь с девушкой, я спрашиваю, есть ли у нее младшие брат или сестра. Если между родителями все хорошо, а у девушки есть братик или сестренка, мне сразу становится спокойно. Вероятность, что с этой девушкой ты ввяжешься в патологические отношения, гораздо меньше.

ПЕРЕТЯГИВАНИЕ КАНАТА

Что тебя раздражает в женщинах?

Мелочность.

Почему?

Мой мир специфичен. Я — безумен. Если женщине хочется размеренной спокойной жизни, будет скандал. Сразу оказывается, что то, что для меня норма, для нее — проблема.

Может, ты все-таки слишком доминируешь? Не даешь

вздохнуть?

В каждом из нас играют противоречия. Нет людей, мир которых был бы устоявшимся, цельным. И мой мир не таков. Я знаю, что со мной сложно строить отношения. Я повторяю, что каждый имеет право на собственное мнение, но чем ближе мне человек, с которым я нахожусь, тем сильнее я чувствую потребность навязывать ему свою точку зрения. Часто речь может идти о совершенно прозаичных вещах.

Ты всегда стараешься заполнить мир девушки своими мыслями?

Так было с Зузой, девушкой на одиннадцать лет меня младше. Помнится, между нами встала такая мелочь, как фильм… Мы смотрели «300 спартанцев». Я считаю, это неплохой фильм. Конечно, персонажи могут казаться искусственными, почти комиксовыми, но именно такими они и должны быть. После первой постельной сцены, снятой, между прочим, гениально, Зуза посмотрела на меня и спросила: что это за бред? Спор разыгрался горячий. А вот отношения наши на несколько дней очень охладели.

Так ссориться из-за фильма или музыки… Тебе не кажется глупым?

Я таков. И со знакомыми могу поссориться по этому поводу. Рафаэль Шиер, мой хороший друг, известный гитарист, сказал как-то, что Закк Уайлд не умеет играть на гитаре. Мы как раз смотрели DVD группы Black Label Society. Я обожаю их музыку, а Закка считаю абсолютным мастером гитары. Тем временем Рафаэль, как никто и никогда, начал бредить, что Закку не хватает техники, что он играет грязно… Мы страшно поругались. Я очень сильно разозлился, потому что не мог понять, что кто-то, кто сам музыкант, не признает качества того, что не может быть некачественным априори. Можно не любить Black Label Society, но нельзя отрицать, что это прекрасная группа.

А сам ты не критикуешь музыку, которая тебе обычно не по душе?

Я ненавижу Myslovitz. Когда слышу их по радио, то краснею от злости и рука сама тянется к переключателю… Но я способен оценить их музыку. В некотором роде я даже болею за них, потому что знаю, что в своем жанре они достигли мировой славы. Я читал их биографию, с удовольствием просматриваю интервью. Правда, Артур Ройек, пение которого я не переваривал больше всего, уже с ними не выступает, но я очень его уважаю.

Продолжает продуктивно работать как организатор, например, Off Festival. Я просто не терпел его вой и игру его коллег. Иногда меня даже пугает, что я способен так беспристрастно оценивать.

А что тебя пугает в женщинах?

Темная сторона. Я имею в виду характера.

Эдакая мисс Хайд?

Именно. Знакомишься с девушкой, влюбляешься, а когда происходит щекотливая ситуация, ты узнаёшь, какой она может быть сукой. Никто об этом не предупреждает. Каждый день она оазис спокойствия, любит детей, понимающая и готова ко всему. Меняется мгновенно. Становится жестокой и мстительной. У меня бывало несколько таких ситуаций. Поражает тот факт, что ты хочешь что-то построить, думаешь даже о детях, а когда доходит до сложной ситуации, оказывается, что ты ничего не знаешь о человеке, с которым был рядом.

Как ты поступаешь в такой ситуации?

Ищу поддержки и понимания у друзей. Это нормально, в принципе. Иногда они дают мудрые советы… Год назад, когда распадались мои очередные отношения, мы были в туре по США. Я сидел с Дэвидом Винсентом из Morbid Angel в баре во Флориде. Вместо того чтобы расслабиться и хорошо провести время, я продолжал нервно гипнотизировать телефон и раз за разом выходил позвонить своей девушке… Она была в депрессии, а я старался ее поддержать. Чем больше я старался, тем сильнее она злилась. Все дрейфовало в опасном направлении. Винсент заметил, что я сильно разозлен, посмотрел на меня и сказал: «Не напрягайся. Остынь. Если проблемой является женщина, веди себя уважительно, как подобает мужчине. Но помни: на свете их миллионы». Позже я встретился с Винсентом во Франкфурте. Он припомнил мне тот вечер и спросил, помню ли я его слова.

В туровом автобусе где-то просторах Флориды с Дэвидом Винсентом (Morbid Angel)

Несколько часов спустя после концерта Behemoth в в Варшаве, который они сыграли вместе с Metallica, Slayer, Megadeth и Anthrax. Вот она, слава?

Как долго обычно длились твои отношения?

Первые длились три года. Но в основном — от нескольких месяцев до двух лет. Каждые — как прививка опыта. Я учусь благодаря им. Мне легко смотреть на прошлое со стороны. Я совершил много ошибок, но научился на них. Многие девушки, с которыми я встречался, сейчас остаются моими подругами, некоторые довольно близкими. Я не раз извинялся, потому что часто все распадалось именно из-за меня. Ну, может, не всегда… Со временем обе стороны видят, что было не так. Хотя были и такие девушки, которые, наверное, никогда уже не узнают, что такое рефлексия…

Тебе нравится разговаривать с женщинами?

Я устроен так, что должен вести бесконечный диалог, который постоянно надо поддерживать. Должна быть эрекция в голове. Если, разговорившись, я так и не увижу сути другого человека, то это плохо.

А ты способен раскрыть свою суть?

Другой человек не обязан понимать мой мир, но должен уважать его и принимать. И, конечно, иметь свой собственный. Только в этом случае можно сложить их и создать единый. У каждого есть свой лабиринт, который создается на протяжении всей жизни. Мы можем приглашать в него людей, проводить экскурсии, но в целом наш партнер и не должен чувствовать себя в нем комфортно. Представим, что я встречаю девушку-археолога. Я не обязан разделять ее страсть и ездить на раскопки. Важно быть заинтересованным. Важно оставить пространство для себя. Мои родители вообще не понимают того, чем я занимаюсь; они знают, что я нс буду банкиром или политиком, но видят, что я счастлив. Моя музыка, мои взгляды не идут в разрез с их мировоззрением, они существуют параллельно. Почему бы не стать такими отношениям между двумя людьми, которые хотят быть вместе? Это вопрос уважения.

ЭРЕКЦИЯ В ГОЛОВЕ

Что ты имеешь в виду, говоря об эрекции в голове?

Если она там не возникла, то и ниже пояса тоже. Этого не переборешь. Если женщина поверхностная и ей нечего предложить, кроме тела, то в голове возникает дистанция. Некоторые мужчины, желая заполучить девушку, наденут маску и

будут лицемерно улыбаться. Представляя себе, что я должен был бы так поступать только для того, чтобы в конце вечера сунуть в кого-то свой член, чувствую себя неприятно. Бывало, что даже во время секса я думал: «Идиот, для чего ты это делаешь?» Назревает невероятное эротическое приключение, а мой мозг кричит: «На помощь! Эвакуируемся!» Конечно, пару раз в год можно попытаться съесть какое-нибудь вредное блюдо, сначала оно тебе нравится, но потом появляется характерный привкус картона.

Считаешь ли ты польских женщин ханжами?

Моего знакомого недавно бросила девушка. Потому что во время секса он ударил се по лицу. Нет, он никогда нс бил женщин. Это был жесткий секс, и он увлекся. Понятно, что в постели позволено больше. С другим знакомым и его девушкой мы сидели в баре. Девушка встала, парень нежно шлепнул ее по попке, а она разозлилась. Устроила скандал. Сказала, что почувствовала себя его служанкой. Но это был лишь обычный флирт, игра. Хлопнуть по попе можно и чужую девушку, а не только свою.

А мужчина «чужой девушки» не разозлится?

Если так, то я немедленно прекращу.

А есть девушки, которые могут тебя смутить?

В Польше?

Вообще.

В Таиланде случилась со мной история. Я слонялся с парнями от бара к бару. Естественно, в какой-то момент — это могло случиться в любую другую ночь — в голове появились мысли о хорошем массаже, не об эротическом, а о расслабляющем. В Таиланде сложно нс пристрастится к этому удовольствию. Я нашел салон по пути к отелю. Они уже закрывались, но согласились меня обслужить. Я вошел в комнату и разделся до трусов. Массажистка посмотрела на меня и сказала: «Трусы тоже». Я удивился, но спокойно разделся и лег. Чувствовал себя, как на приеме у врача. Девушка начала массаж. Сначала в нем не было какого-то особого эротического подтекста. Потом массажистка словно случайно коснулась моего члена. Я сначала затупил и ничего не сказал. Минуту спустя се ладонь снова скользнула туда, девушка захихикала. В третий раз у меня уже не осталось никаких сомнений: она обхватила его рукой и спросила с таким смешным азиатским акцентом: «Масса-а-аж?»

Естественно, я смутился, но виду не показал и спросил, сколько стоит. Потом закрыл глаза и расслабился. Хотя чувствовал себя изнасилованным…

Некоторые ездят в Таиланд именно для таких приключений.

Не я. Я люблю там бывать, потому что это красивое место, сказочное… Был там уже два раза. Но такое приключение произошло со мной только однажды. Может, потому, что я не ходок по борделям.

Оставим таитянок. Если бы ты должен был сравнить отношение к сексу польских женщин и, например, американок, есть разница?

Полячки гораздо более консервативны, если речь идет об оральном сексе. Конечно, все меняется; Интернет этому значительно помогает… Но за океаном минет — это обычное явление. У нас большинство женщин считает такие игры чем-то исключительным, очередным этапом таинства. В США другое мышление, там оральный секс как рукопожатие.

Тебе случалось изменять своим девушкам?

Никто не идеален, но если я был в кого-то влюблен, то нс развлекался на стороне. Когда я познакомился с одной из моих бывших, Касей, мы как раз отправились в длительное турне. Но начавшиеся отношения меня так вдохновляли, что я даже нс думал о том, чтобы учинить какой-нибудь пьяный разврат. После концерта я благочестиво выпивал пива, звонил ей, рассказывал все, и мы планировали наше совместное времяпрепровождение по моем возвращении. Так было каждый день. Я не суперрок-н-ролльщик, который только и думает о том, как бы засадить своего «друга» в очередную дырку, получить удовольствие и быстро забыть о содеянном… По крайней мере не тогда, когда меня кто-то ждет дома.

Перед концертом в Буэнос-Айресе с одним из самых маленьких фанатов Behemoth

ОЧАГ

Дом, ждущая тебя жена, дети… Ты думаешь о детях? Хотел бы когда-нибудь иметь?

Не знаю, прямо ли сейчас, но спустя какое-то время, думаю, да.

Ты бы отправил их на религиозные лекции?

Нет.

Почему?

Обо всем, что они должны знать, им расскажет их папа. Недавно у моего друга родился пятый ребенок. Это исключительно верующая семья, но не тупо по-польски. Они не так лицемерны. Хотя я точно знаю, что ребенок пройдет через идеологическую обработку. Написал ему, чтобы хотя бы одному из детей он дал свободу и шанс выбрать.

Всегда можно сделать выбор. Никогда не поздно, разве нет?

Крещение, миропомазание, партия… Сколько лет

идеологического промывания мозгов?

Ты не веришь в свободу воли взрослых людей?

Нет, если в один прекрасный день им в голову вживили чип, а потом установили свое программное обеспечение. Если на каждый вопрос уже готов ответ, то людям гораздо сложнее мыслить самостоятельно. Ты просто садишься в поезд и не рассуждаешь ни о чем. Смотришь в пол, читаешь газету и игнорируешь тысячу мыслей-импульсов, возникающих в голове. Когда ты уже в купе, сложно из него выйти. Это общественная инженерия.

Не боишься, что другие дети будут показывать на твоих чад пальцем?

Не забывайте, чьи гены будут у моих детей. Они справятся с любой ситуацией! К тому же, в Польше происходят большие изменения. Идет освобождение от церковного влияния. Еще несколько лет — и уроков религии не будет в школах.

Некоторые утверждают, что ты катализатор этих изменений.

Мне это льстит, но я бы сам себя так не назвал. Я не страдаю манией величия.

Разве не ты влияешь на людей?

Наверняка я влияю на наших фанатов, но это в основном люди со сформировавшимся мировоззрением… Хотя, может, эта группа и расширяется. Недавно у меня была фотосессия с Сильвией Грухалой, олимпийской чемпионкой по фехтованию на шпагах. Вообще, она моя соседка, мы могли раз-другой переглянуться, но у нас никогда не было случая поговорить. А вот во время съемок разговорились. Она сказала, что ей нравится читать мои интервью: придают силы. Если таким образом я влияю на людей, почему бы и нет? Я чувствую сильную потребность говорить о вещах, которые для меня важны. Я сам с собой веду бесконечный внутренний диалог. И хочу им поделиться с людьми. В некоторой степени потому я и согласился на это интервью. Хотелось увидеть на бумаге то, что вертится в голове. Кто знает, может, для кого-то эти рассуждения окажутся полезными, а может, я раз и навсегда выбью из головы эти разговоры.

НЕРГАЛ ИЩЕТ ВДОХНОВЕНИЕ на экзотических улицах Тайланда

Глава IV

И ПОСТАВИТ ОВЕЦ ПО ПРАВУЮ СТОРОНУ, А КОЗЛОВ — ПО ЛЕВУЮ

Ты антисемит?
Нет конечно.

Так, может, расист?
Опять же нет.

В юности увлекался Гитлером?
С чего бы?

Твой первый сценический псевдоним, Holocausto, наводит на такие мысли.

Тогда, в пятнадцать лет, мне хотелось шокировать. Я знал, что такое Холокост, но это было пустое знание, не подкрепленное образами или эмоциями. Я по-детски не обращал на это никакого внимания. К тому же, это имя было бессовестно украдено. Моей любимой группой были финские Beherit. У них была простая, брутальная и самая темная музыка. Никто не был более радикальным. Если только канадцы из Blasphemy… Короче, у лидера Beherit был очень сложный псевдоним, центральным ядром которого являлось само слово *Holocausto*. Он был Nuclear Holocausto of Bloody Vengeance. Я изменил детали и сделал псевдоним своим. Получилось Holocausto of the Seven Blasphemous Souls of Damnation. Вся моя креативность закончилась на добавлении нескольких слов. Я посчитал, что это шокирует и звучит кощунственно.

Как-то по-детски.

Тогда казалось, что в этом есть смысл. Мой псевдоним должен был быть оскорбительным и агрессивным. Таким и был. Гротескным, хотя просто смешным, но это я понял позже.

Сожалеешь о грехах юности?

Я был таким, каким был. Поэтому сегодня нахожусь там, где нахожусь. Когда я думаю о глупостях, которые совершал, не чувствую сожаления. Сам себе улыбаюсь. Мне нравится провоцировать, просто сегодня я делаю это умнее.

Но псевдоним все-таки сменил.

Потому что это звучало дерьмово. Даже не из-за ассоциаций, а из-за того, что был украден. Паном Holocausto я стал всего на несколько месяцев.

И затем появился пан Нергал.

Я нашел его в книжке. Мы знали, что наши псевдонимы должны иметь какой-то смысл. Начались поиски соответствующих слов. Мы просматривали книжку за книжкой: религия, мифология, оккультизм… Продвигались в этом направлении. Хотя особо глубокого философского подтекста поиски не имели. В первую очередь, имя должно было звучать громко. Нергал? Звучало нордично… Это, конечно, шумерское божество, ничего общего с нордическим пантеоном богов не имеющее, но в имени его была сила. Это главное.

А если бы тогда тебе сказали, что несколько лет спустя это имя будет чаще ассоциироваться с тобой, чем с шумерским божеством?..

Я бы не поверил. Это было артистическое имя, сценический псевдоним. Того требовала конвенция. Годами я был Нергалом только на обложках кассет, потом дисков. Для знакомых, учителей, преподавателей я оставался Адамом.

А сегодня?

Адамом меня называют родители. Даже для друзей я стал Нергалом. Самые близкие зовут меня просто Нер. Несколько лет назад меня так начала называть девушка. И вот тогда стало ясно, что Нергал заслонил и Адама, и Дарского. Но это хорошо. Имя Адам мне дали при крещении. Так назвали и не спросили моего мнения. А Нергалом я стал по собственной воле. Сознательно. В конечном счете, изменилось все. И вместо Адама Михала Дарского теперь Адам «Нергал» Дарский.

Кристиан Викернес из Burzum тоже изменил имя, стал Варгом.

Не знал. Хотя понимаю, что старое могло ему не нравиться.

Позже он добавил второе имя, по прабабке вроде… Квислинг.

Имел на то право.

А, в общем, тебе нравится Burzum?

Мне нравится их музыка.

Тебя не смущает тот факт, что группа была и остается на стороне правых?

Нет. Также и со знакомыми. Кто-то идет справа, кто-то — слева. В основном обходится без конфликтов. А если и возникают, то лишь потому, что зачинщик — идиот, а не из-за какого-то политического подтекста.

Ты лично знаком с Викернесом?

Не довелось.

На съемках клипа на песню Lucifer

А если бы вдруг от него услышал, что ты просто левацкий мусор?

Я не думаю, что его можно обвинить в бестактности. Ну а если даже и так, то это его проблемы. И поэтому мне должна разонравиться его музыка? Это абсурдно. Нельзя оценивать музыку через призму слов. Иначе я бы должен был игнорировать творчество Джонни Кэша, Armia…

Ты фанат Armia?

Я фанат Тома Буджиньского. Мне нравится то, как он поет. И

я считаю, что он пишет совершенные тексты. Наверное, он и не подозревает насколько они… люциферичны.

Ты шутишь?

Я такими их считаю. Особенно поздние альбомы. Например, *Niezwyciężony*[15].

Так ведь это о Боге.

Но о каком боге? Niezwyciężony на латыни — invictus. Одно из наиглавнейших божеств древности носило имя Sol Invictus[16]. Буджиньский часто обращается к темам солнца и света… Я знаю, что многие элементы солнечных культов дошли до нас через христианство. В IV веке в Риме был издан декрет, объявлявший каждое воскресенье праздником. Во славу Солнца Непобедимого. Со временем бог сменился, но праздник остался. Похожий феномен произошел и с Рождеством: 25 декабря — измененный праздник рождения солнца. Нравится это кому-то или нет, но христианство крепко повязано с языческими культами. Но служители креста впадают в белую горячку, когда им об этом напоминают. Это рушит догмат об исключительном статусе их веры. Буджиньский, сознательно или нет, в своих текстах становится язычником.

Ну а где же в них Люцифер?

Послушай песню *Przebłysk* из гениального альбома *Legendy*. Буджиньский поет: «Свет, свети! Свет, веди меня!..» Речь идет о том, кто принес огонь. А кто это сделал? Lucis ferre, несущий свет. Люцифер.

Тебе не кажется, что Буджиньский имел в виду Христа?

Это неважно; для меня это прекрасная песня в честь Люцифера.

Ну а вообще, рок-музыке может быть по пути с христианством?

Категорически нет. Христианский рок — это патология, классический оксюморон. Если кто-то хочет играть такую музыку, то милости прошу, но факты говорят о том, что изначально эта музыка противостояла всему консервативному. Это были звуки мятежа и чувственности. Верноподданническая природа религии исключается самим духом рока.

СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

А с политикой?

Смотря с какой.

С правыми, с нацизмом, например.

Как и с христианством. Нацизм в рок-музыке — это смешно. Эта музыка происходит из блюза, а его не боевые отряды Гитлерюгенда играли, а негры. Без несмертельной пентатоники и квинты, дела черных блюзменов, не написали бы ни одной из своих фашистских песенок.

Некоторые к правому металу причисляют и Behemoth. Ты никогда этого не комментируешь…

Нет необходимости. Мы никогда не играли с нацизмом, даже нс заигрывали.

Но блэк-метал сцена заигрывала. Она тебя притягивает.

Что я могу поделать? Ничего. Но признаю: было время, когда блэк-метал свернул вправо.

Behemoth не свернули?

Я так не думаю.

В какой-то момент вы обратились к дежурным темам правых групп. Старославянские боги, Святовид[17], Перун[18] …

В нашем случае речь не шла о национализме, только о форме локального патриотизма. Это не имело ничего общего с политикой. Можешь перечитать тексты наших песен. И не найдешь ни одной строфы, которая имела бы политический подтекст. И, в конце концов, хотя это и звучит глупо, когда-то нас критиковали как раз за то, что мы аполитичны.

Кто критиковал?

Именно те, кто свернул вправо.

Роб Даркен из Graveland — он связан с правыми — тоже?

В то время я не поддерживал с ним контакта. И не следил за его деятельностью.

Раньше он был приглашенным музыкантом на ваших альбомах.

Мы познакомились по переписке. Это было неизбежно. У обоих уже были студийные записи, вот мы и написали друг другу… Мне было лет пятнадцать-шестнадцать; я был еще

слишком маленьким, чтобы самостоятельно путешествовать по Польше. Роберт писал музыку, основанную на звуках клавишных и синтезатора. Мне нужны были такие звуки в моих записях. И я попросил сделать для нас несколько интерлюдий.

И он приехал, чтобы записать их?

Прислал письмом. Тогда наше знакомство так и осталось на бумаге. Я впервые увидел его в 2011 году, когда без приглашения постучался в дверь его квартиры во Вроцлаве.

А раньше, когда вы поддерживали контакт, Даркен показывал какой-нибудь нездоровый интерес к разным «измам»?

Он всегда был радикальным человеком, хотя сначала не имел правых взглядов. Помню только, что каждое письмо он заканчивал фразой: «Замышляй войну». Это веселило, а также пробуждало взаимную симпатию. Это была наша шутка, так называемая inside joke. Читали пароль и смеялись.

Ты помнишь, когда он перешел на сторону правых?

Когда в Graveland пришел барабанщик. Capricornus, именно так его звали, был скинхедом. Тогда, прежде чем его увлечения стали влиять на Роберта, он навестил меня в Гданьске. Приехал на футбольный матч. Позвонил в дверь около десяти утра, и мы пошли выпить пива. Мы сидели вместе с его друзьями-болельщиками. В музыке они понимали меньше, чем я в квантовой физике. Сам Capricornus был умным парнем, но его взгляды с моими абсолютно не совпадали.

UNIWERSYTET GDAŃSKI

Wydział Filologiczno-Historyczny

DYPLOM

Pan(i) Adam Michał Darski

urodzony(a) dnia 10 czerwca 1977 r.

w Gdyni

odbył(a) studia wyższe magisterskie

na kierunku Historia

w zakresie Spec. muzealnej

z wynikiem dobrym

uzyskał(a) w dniu 25 października 2002 r.

tytuł magistra

(podpis posiadacza dyplomu)

Nr 6984/FH
(numer dyplomu)

Gdańsk dnia 25 października 2002 r.

Rektor

Один «умный парень» сделал так, что миры метала и скинхедов начали сближаться?

Это было процессом не одного дня. Блэк-метал не был музыкой националистов. Наоборот. Изначального ее делали те, кого назвали бы левыми. В определенный момент под влиянием событий в Норвегии и того, что происходило в Graveland, некоторые из них начали менять свои взгляды. Ты помнил парня в футболке Venom, с пентаграммой на шее и пивом в руке. Встречал его год спустя — на шее деревянный амулет, одет в футболку Burzum, а вместо пива в руках медовуха. И он предъявлял тебе претензии о том, что твои взгляды недостаточно арийские и ты предаешь веру предков.

Ты поешь о Перуне? А почему тогда твой псевдоним Нергал, а не Mirmił или Masław? Так мыслили те люди. И это было абсурдно. Сейчас то, что я рассказываю о блэк-метал сцене, свернувшей вправо, звучит угрожающе. Но на самом деле это было довольно забавно.

Например?

Одна из первых наших фотосессий проходила на фоне развалин старой мельницы. Естественно, ночью. На место мы пришли в полной боевой готовности, с корпспэйнтом на лицах. Сделали несколько фотографий. И даже не обратили внимания, что развалины были все изрисованы граффити. Довольные собой,

мы показали фото миру. В первый же день мне пришло письмо от Самота из Emperor. Открываю его, а там настоящая матерная проповедь. Он практически угрожал нам расправой за то, что мы сфотографировались на фоне «пацифики», которая была нарисована на той стене.

Блэк-метал — это не кремовые пирожные…

Меня то письмо огорчило, потому что Самот был авторитетом сцены. Сегодня мне смешно вспоминать подобные истории.

Ходили слухи, что за «предательство веры предков» тебя хотели убить…

Ты был тогда у меня дома и знаешь, как дошло до того покушения. Приехал один ненормальный с пистолетом за пазухой… Хотя… Слухи хороши, когда остаются слухами. Пусть остаются.

Как хочешь. Откуда вообще взялся Перун в ваших текстах?

Все из-за моего увлечения. Такую тему исследования выбрал. Это естественно, что некоторые универсальные темы я пытался выразить, обращаясь к ней. Помнится, тогда мы с Баалом поехали в Краков, где посетили археологический музей. Тогда ко мне пришло озарение. Я увидел, что суровое славянское и нордическое наследие может быть прекрасным противовесом христианству. Оно не было таким субтильным, как античное, несло в себе силу природы, которую современные религии хотели обуздать и искоренить. Немного Том Краевский меня направил. Для нашего первого альбома он написал пару строк: «Дети Святовида ненавидят Христа! Дети Святовида ненавидят бога с креста!» Все сложилось в целостность.

Святовид столкнул с пьедестала Сатану?

У свободы не может быть одного имени. Разные символы могут выразить похожие мысли. Если хочешь рассказать о выходе за рамки черно-белой морали, то политеизм — такая же благодатная почва, как и Библия. Это не значит, что мое тогдашнее увлечение было несерьезным.

НЕРГАЛ И БААЛ рядом со Святовидом в археологическом музее в Кракове

Разве было?

Я думаю, оно помогло мне перевернуть мой мир с ног на голову. Более осознанно бросить вызов порядку, которого не терпел. Все для того, чтобы я понял, кто я и куда иду. С этого увлечения начался новый этап моей жизни, более зрелый. Мои взгляды перестали быть хаотичными и начали подкрепляться настоящими знаниями. Я понял, что круг символов, к которым я могу обращаться, чтобы выразить определенное содержание, на самом деле более широк. В конечном итоге он ширится

постоянно. И чем больше он ширится, тем яснее понимаешь, что ни у кого нет права монополии на истину. Как никто не имеет права ходить по твоему дому в обуви.

Ты не вламываешься ни к кому в дом в обуви?

Я никого не заставляю принимать мои взгляды. Я не против того, чтобы меня за мои взгляды оскорбляли, отрицали их или оспаривали. В этом суть свободы. Свободу убивает «непреложная истина», во имя которой уничтожаются целые культуры. Символом такого события является, например, святой Войцех[19].

Ну, у тебя с ним свои счеты, ты даже песню об этом написал…

Chwała mordercom Wojciecha[20]. Это песня из альбома *Pandemonic Incantations*. На написание которой меня вдохновило празднование тысячелетия Гданьска. Я гулял по Старому городу, а на каждом углу на меня смотрели плакаты с Войцехом, я читал слова о Войцехе… Они сделали из него неплохой бренд. Это раздражало. Я не купился на россказни о его мученичестве.

Он не погиб за свою веру?

Он погиб по своей собственной воле. И не был он таким уж святым, каким его сегодня представляют. К пруссам он отправился, когда его выгнали со двора за политические игры. Он хотел истребить православие. Поскольку он был чехом, о патриотизме речь не шла… Может, о деньгах, может, о месте в римской иерархии, которую императоры устанавливали, как хотели. А может, у него просто был психоз на почве религии, как у множества других святых… В то время люди с подозрительной биографией ударялись в религию. Она давала им убежище и широкое поле для деятельности. Но вся его деятельность заключалась в том, чтобы топтать культуру и религию людей, которые повинны только в том, что принадлежали к другой культуре и религии. Его предостерегали, высылали, а он возвращался, как преступник. Как преступник, погиб. Сразу после того, как прочитал мессу в их Священной роще. Даже забавно, что сегодня на своих штандартах его портрет несут люди, которых заставляет чувствовать себя оскорбленными только присутствие в телевизоре человека с другими взглядами.

Но ты утверждаешь, что он убивал, защищая собственную независимость?

Я трактую историю так, как должна трактоваться история — обращаю внимание на определенные моменты. То, что люди

признают другого бога и руководствуются другими ценностями, не дает никому права вмешиваться в их жизнь и изменять ее согласно «единственно истинному» учению.

Ты не собираешься обратить католиков в свою веру?

Я отношусь к ним спокойно. Я думаю даже, что наши отношения представляют собой симбиоз. Если бы в мире не было таких, как я, их бизнес обанкротился бы. Я нужен им, чтобы они могли мной пугать детишек. Это палка о двух концах. Без них я утратил бы врага. Я нахожусь в состоянии постоянной войны; эта война доказывает, что Земля еще вертится. Булгаков сказал, что всякая вещь имеет тень. Нет дня без ночи. Некоторые видят во мне только тьму, а в себе — только свет. Да будет так. Я люблю все цвета, но для них я могу быть вочеловечившимся злом. Такова моя роль.

Ты не врываешься в их Священную рощу?

Я отвечаю на огонь огнем. Но не вхожу в их дом в обуви. События происходят на нейтральной территории. На подмостках, где есть место и для них, и для меня. Я сам создал эти подмостки. Я же не диктую им правила поведения в костелах. Так почему они порываются контролировать то, как я веду себя на концертах?

Подают на тебя в суд. За святого Войцеха том числе.

Одни нагнетают обстановку, а другие поддерживают их. После выхода *Pandemonic Incantations* я подарил один экземпляр профессору Йозефу Влодарскому. Сегодня он является проректором университета Гданьска, а тогда был одним из преподавателей на моем курсе. Оказалось, что его сын — наш фанат, я хотел сделать ему подарок. Когда я снова встретился с профессором, он пригласил меня к себе в кабинет. И удивил, сказав: «Адам, я католик, но мне сложно не согласиться с той историей о Войцехе». Это было для меня шоком. Эти слова произнес человек, которого я считаю авторитетом.

Адам вместе с профессором Йозефом Блодарским, проректором Гданьского университета. Они вместе помогают фонду DKMS искать доноров костного мозга.

Оскорбленных, однако, было больше, чем согласных.

Потому что поляки пресыщены, засыпаны образами святых, имеющих мало общего с исторической действительностью. Есть святой Войцех, а есть Максимилиан Кольбе[21].

Это пан Holocausto критикует Максимилиана Кольбе?

Я историк и знаю, что он не был кристально чистой личностью. Мы смотрим на него через призму одного поступка, той лагерной истории. Идеализируем его. А между тем это был человек, веривший в мировой заговор евреев! Некоторые защищают его, говоря, что тема евреев не так заметна среди остальных тем его учений. Что за аргумент? Точно также можно оправдать преступника, который уничтожил небольшую нацию, только потому, что по сравнению с Гитлером он не так заметен. Защитники Кольбе говорят, что из тысяч документов, оставленных им, только в нескольких содержатся ссылки на иудеев. И одного достаточно. Канонизация Кольбе вызвала протесты по всему миру. Законные протесты. Достаточно посмотреть на деятельность основанного им журнала «Рыцарь Непорочный». Крайний клерикализм, во всех они видят масонов.

Тебе нравится искать изъяны в образах святых?

Именно Кольбе сопровождал меня со школьных времен. Я писал о нем работу, где представил его в не очень выгодном свете. Моя учительница польского, очень религиозная женщина, даже отметку мне не поставила. Сказала, что даст мне еще одну попытку, чтобы я подумал хорошенько и переписал работу. Но имела в виду другое: я должен был представить историю Кольбе в соответствии с каноном. Это было время, когда меня очень вдохновляли некоторые из представителей Молодой Польши[22]. Как-то раз я подошел к этой учительнице и спросил, будем ли мы более подробно изучать ту эпоху. А она напрямую спросила, не сатанист ли я. И еще сказала, что не может позволить мне окончить школу с такими взглядами. У нее появилась миссия.

Она не превысила своих полномочий?

Превысила. Но я ей благодарен, хоть это и парадоксально. Что-то во мне разбудила. Я начал больше читать по собственному желанию, открыл Достоевского, Виткевича… Если бы она тогда приняла мою работу, то успокоила бы меня. А так… Ее критика только усиливала мою мятежность.

Ты исправил работу о святом?

Написал новую. Эта уже была политкорректной. Я задницей почувствовал, что такое цензура. Что я мог сделать? Ничего.

ДОРОГА ВЕДЕТ ВО МРАК

Ты был когда-нибудь в лагере смерти?

Был. Мне было одиннадцать лет, когда я посетил концентрационный лагерь Штуттхоф. Молодая голова жаждала знаний. Я знал, кто организовал лагерь, знал, что там гибли люди, но не мог себе этого представить. Эта тема не вызвала тогда глубокого отклика. Чувство пришло позже, когда мне было семнадцать и я поехал в Освенцим.

Что ты почувствовал? Понимание? Сострадание? Может, вдохновение?

Сложно объяснить. Всё сразу. Я чувствовал смерть, буквальное ее присутствие. Эти ощущения подавляли. Появилось не только знание, но и осознание того, что в этом месте гибли люди. Не сотни, даже не тысячи, гораздо больше. Я не упал на колени, не заплакал о судьбе человечества, но во мне проснулось сострадание. И не только оно. Пугала мысль о том, что человек может другому предназначить такую судьбу. И это происходило

не в древние времена, а всего несколько десятилетий назад. Но эта же мысль и вдохновляла. Сняла шоры с глаз. Я осознал, что люди совсем не такие, какими хотят себя видеть. Осознал, что в нас дремлет что-то сильное, опасное, что в любую минуту может вырваться наружу.

Первая фотосессия Behemoth, еще без воинственного корпспэйнта. Март 1992-го

А может, просто нацисты были злыми?

Не только они. Лагеря смерти просто демонстрируют нам механизм. Это свежая рана, и она влияет на наши взгляды. Еще живы люди, пережившие это. Но жестокость сидит в человеке испокон веков. На протяжении сотни, двухсот тысяч лет. И, наверное, будет сидеть и много тысяч лет после нашей смерти. Изменяется только технология убийства, способы причинения боли и страданий. Так о человеке нам рассказывает история. Вот что я увидел в Освенциме.

И в тебе живет садист и убийца?

Они живут в каждом из нас. Я вдруг вспомнил один эпизод из телепередачи. Только не спрашивай какой, не скажу сейчас. Может, я немного приукрашу, но именно так эта картинка возникает в моей голове. Пожилой человек, прошедший концентрационный лагерь, встретился с группой политиков. Все красивые, молодые, одеты с иголочки. Все уважительно себя с ним ведут, выражают симпатию, а он, по всему видно, в своих мыслях задается вопросом: «А кем бы ты был в лагере? На чью

сторону встал бы?»

А на чью сторону встал бы ты?

Я не знаю. Мы говорим о реальных событиях, не вымышленных. Пример из жизни. Довольно тривиальная проблема. Когда я лежал в больнице, мне хотелось, чтобы Дорота посвящала мне больше времени, была со мной не только физически, но и эмоционально, поддерживала меня. Я утверждал, что если бы она была больна, я сидел бы с ней все время. «Ты не знаешь, о чем говоришь», — так она отвечала. Я не понимал ответа. Сейчас я знаю, что она была права. Мы щедро разбрасываемся словами, бросаем их на ветер. И дело даже не в том, что мы сами в них не верим. Напротив, мы абсолютно уверены, что поступили бы именно так, а не иначе. Однако, когда мы сталкиваемся с определенной ситуацией, все наши намерения исчезают. Сейчас, когда я прихожу в больницу навестить знакомых, — а есть такие, кто болен так же серьезно, как и я, — меня хватает на несколько десятков минут. Я хочу быть с ними. Хочу им помогать, говорить с ними, давать надежду на завтрашний день, но больницы — место, откуда хочется сбежать. Когда я был болен, все представлялось по-другому. Я не знал, что буду чувствовать сейчас. Так что не спрашивайте, что бы я сделал, если бы попал в лагерь смерти. Я не отвечу на этот вопрос.

Может, тебе не хватает крепости духа? Или ясных ориентиров?

Бог ведет меня; я люблю ближнего своего, как самого себя; всегда подтверждаю свою веру, в любой ситуации…

Некоторые люди так и говорят.

О них писал Бертран Рассел: «Проблема этого мира в том, что глупцы и фанатики слишком уверены в себе, а умные люди полны сомнений». Я боюсь таких людей. Не доверяю им. И я уверен, что в экстремальных ситуациях именно они ломают свои принципы. Когда их уверенность наталкивается на стену, все, что они пытались искоренить в себе, берет над ними верх.

Ты не борешься со своими демонами?

Я их приручаю. Я знаю об их существовании. Разговариваю с ними. Когда я смотрю фильм, не глупую комедию, а серьезную психологическую драму, в которой главный герой должен сделать сложный выбор, я ставлю себя на его место. Бывает, я сам себя ужасаю. Даже написал об этом песню. Она называется *Say Hello to*

My Demons. У каждого есть темная сторона, которая ужасает и вдохновляет одновременно, и ты никогда не знаешь, какое из этих чувств победит.

А в тебе какое обычно побеждает?

«Я иду в стороне, дорога ведет во мрак». Кажется, так сказал мой коллега по цеху, Олаф Деригласофф.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОБЫВАТЕЛЬ

Ты чувствуешь себя патриотом?

Иногда. Но вообще я ощущаю себя европейцем. Однажды кто-то заметил, что, представляя группу на концерте в Штатах, я говорил: «Behemoth из Европы».

Поляков в США много, земляки не чувствовали обиды?

Может быть, но какой в этом смысл?..

Почему же? Может, они гордятся, что родом из Польши.

Которая является частью Европы! Многие иммигранты чувствуют потребность в идентификации, но меж тем замыкаются в своих национальных гетто. Поляки, живущие за границей, ходят в польские магазины и польские бары, работают со своими родственниками или на них. Побываешь в районах Авондейл в Чикаго или в Гринпойнт в Нью-Йорке, и тебе покажется, что время там остановилось. Все выглядит так же, как и несколько десятилетий назад. Живущие там люди идентифицируют себя так же, как их отцы. Но если ты живешь в другом государстве, то будь открыт их культуре, ассимилируйся. Только так ты можешь совершенствоваться.

Разве ты не гордишься тем, что ты поляк?

Иногда. Но иногда меня это смущает. Я принимаю свою национальность и не хотел бы ее поменять, но я не могу быть заложником территории.

Ты так холодно о нас говоришь.

Это не так… У Польши есть потенциал. И я вижу его.

В чем это проявляется?

Люди хотят добиться успеха. У них уйма энергии. Но они не знают, как ее реализовать. Не умеют хватать быка за рога. Всё смотрят в прошлое.

Есть в нашей истории славные моменты, и мы ставим их на

пьедесталы и алтари, вместо того чтобы двигаться вперед, здесь и сейчас. Мы представляем себя избранным народом, хотя слово «потерянные» нам ближе. Иногда мне кажется, что позиция обиженных всем миром очень выгодна для поляков. Этим мы объясняем все наши неудачи.

Если не немцы плохие, то русские… Мы сами поставили себя на место жертвы и именно такой наш образ показываем миру. Такими нас видят и принимают. А когда мы хотим выйти за границы нашего национального гетто, то натыкаемся на стену, которую сами же выстроили. Мы с группой должны были преодолеть в три раза более длинную дорогу, чем группы из западной Европы.

Но Польша меняется.

К лучшему. Наверняка. Но мы все время гонится за другими.

Для этого и нужна «уйма энергии». И разве мы их не догоним?!

Мои ровесники из США или из Великобритании не испытывали таких кардинальных перемен. Я был парнем из ПНР, который бананы ел раза два в год. Я пережил столкновение эпох. Это дар. Он научил меня самоопределению. Подростком я должен был бороться за возможность иметь гитару, пусть и ужасного качества. Француз или англичанин просто шел в комиссионку и покупал ее за деньги. Если бы я родился где-нибудь в другом месте, этого разговора не было бы, потому что мое самоопределение стало опорой в столкновении с реальностью. Но с другой стороны, Польша — земля потерянных талантов.

Кто их потерял?

Люди обычно теряются сами. Ребенком я каждый день видел эти потери. Я возвращался с тренировки или с концерта и каждый раз видел возле дома одних и тех же парней, моих ровесников, сидящих на скамейке, пьющих пиво и ковыряющихся в носу. Таково было их самоопределение. Они были ленивы, скучны и безразличны ко всему.

А ты был другим?

Я не раз сидел на той же скамейке и пил пиво. Но видел, что на этом месте свет клином не сошелся. Я не хотел искать смысл жизни под скамейкой. Знал, что стоя на одном месте никуда не приду. Надо шевелить задницей, чтобы изменить мир. У меня всегда было самоопределение и желание двигаться вперед. Они есть и сегодня. И я стараюсь заражать этим всех вокруг. Это мой небольшой вклад в развитие нашего мира.

И каким способом ты заражаешь знакомых?

Ну вот например. Кшиштоф Садовский, известный фотограф, который всегда работал с Behemoth, в возрасте тридцати лет основал группу. Он сказал себе: «Если Дарский смог, то и я смогу». Он исполнил свою мечту, хотя создать такую рок-команду — это не батон маслом намазать.

А если ничего не вышло?

Тогда совесть чиста. Ты пытался.

Что бы ты сделал, если бы на Польшу напали?

Быстро эвакуировался бы в Аргентину или в любую другую страну, где тепло, есть море и красивые девушки. Или создал бы диверсионный отряд в тылу врага. Наверняка я попытался бы избежать армии.

А ты служил в армии?

В моей выписке из военкомата написано что-то вроде: «Неправильное развитие личности. Социальная адаптация затруднена». Надо сделать такую татуировку. Армия от религии не отличается. И те, и другие затягивают человека в свою систему и ломают его. Я не утверждаю, что армия бесполезна. Но я бы не смог в ней служить. Это противоречило бы моему мировоззрению.

Ты пацифист?

Моя любовь к свободе слишком велика. С любыми организациями мне не по пути. Кроме того, война — это смерть. В ней все меньше романтизма, все больше бизнеса.

Что ты имеешь в виду?

Война — это приманка для прессы. Нам нравится про нее смотреть, читать о ней. Это такой современный Колизей, заключенный в ящике, называемом телевизором. Мы подпитываемся войной. Но остаемся в стороне.

Ты не переживал за наших солдат в Афганистане или Ираке?

Я понимаю скорбь о погибших солдатах, но не обязательно делать из этого народную трагедию. Смерть — часть жизни солдата. Он идет воевать и понимает, что домой его могут понести на щите. Больше меня трогает смерть простых людей, которые виновны лишь в том, что родились в обозначенном месте. Они гибнут лишь потому, что неопределенные

национальные интересы одного общества требуют выслать солдат в другую часть земного шара. Я не хочу принимать участие в подобных разборках. Тем более я знаю, что каждый человек является жертвой времени и пространства. Мы не можем влиять на место и время нашего рождения.

Если мы возьмем в руки глобус и переместим палец даже на несколько сантиметров от той точки, где находимся, окажется, что там живут абсолютно другие люди. У них своя культура и свои обычаи. Эти несколько сантиметров позволяют нам считать их варварами, но на самом деле это мы относимся к их земле по-варварски. Кто дал нам право менять памятники цивилизации на военные базы? Кто дал нам монополию на развитие мировых болезней? Земля полна культурных, социальных и моральных контрастов. Почему одна из точек зрения может считаться важнее и лучше другой?

Не скорбишь о погибших солдатах. А о политиках? Тех, кто погибли в Смоленске?

Самолеты падают, а люди гибнут. В этом нет ничего удивительного. Такое просто происходит. Я устал от того, что из этого случая делают народный символ. Когда я слышу о Смоленске, думаю исключительно о политической игре. А я ненавижу это.

Должен ли поляк так говорить?

Поляк должен платить налоги. Я их плачу. Я приношу своей стране пользу.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗЛО

Что ты еще делаешь для Польши?

Хочу я этого или нет, я рекламирую мою страну по всему миру.

Как «Behemoth из Европы»?

Это неважно. Слово «Польша» появляется в каждой статье, посвященной нам. А пишется их сотни.

Некоторые утверждают, что, вместо того чтобы рекламировать, ты высмеиваешь нашу страну.

У каждого есть право на мнение. Но никто не может утверждать, что в определенных кругах мое имя не является знаком качества. Остальное зависит от точки зрения. Культуру

можно представлять разными способами.

В целом ситуация представляется парадоксальной, поскольку многие поляки считают меня дьяволом во плоти, никому из них не потребным. Они хотели бы видеть меня за решеткой или где-то далеко, на Мадагаскаре, например. А меж тем наша группа уже двадцать лет кропотливо трудится на благо этой страны. Но поскольку термин «национальное достояние» не очень подходит для Behemoth, то мы можем быть «национальным злом», звучит отлично.

И что же это за кропотливая работа?

В туре ты знакомишься с фанатами. Кто-то был на твоем концерте десять лет назад и пришел сегодня. Очень часто я встречал тех, кто не подозревал даже, что мы не из Швеции. «Поляки? Как это?» Спустя годы эти же люди с гордостью приглашают меня на бигос[23] или жур[24]. Они сами их готовят! Это обычные примеры, но они показывают, как легко можно заинтересовать традициями или культурой. Я разговариваю с этими людьми и часто слышу, что до знакомства с нами они думали, что Польша — это посткоммунистические бетонные джунгли. А на самом деле оказывается, что нашей стране есть что показать. Они хвастаются, что посетили Польшу, познакомились с ней.

А чем вообще можно заинтересовать иностранцев?

У нас богатая история. Вместо того чтобы молиться на нее, пора показывать ее людям. Продавать ее людям… Несмотря на урон, нанесенный нам Второй мировой войной, сохранилось множество памятников. Прекрасна и сурова также природа Польши, горы…

А твой родной город? Гданьск?

Я не могу стерпеть тот факт, что такой невероятно привлекательный город несет в себе энергию, скорее тормозящую его развитие. Старый город оживает только на несколько недель летом, во время проведения жалкой Доминиканской ярмарки. Гданьском завладевают женщины, торгующие вышивками, и китайцы, пытающиеся втюхать наивным людям подделки известных марок. Иногда мне кажется, что никто не понимает, как раскрыть потенциал этого города. В центре вообще ничего не происходит!

В полночь все улицы пустеют, словно пришла какая-то эпидемия. В лучшем случае по ним слоняются толпы неадекватных хулиганов. Сравните это с тем, как выглядит

портовый город в Голландии. Если бы так же управляли Гданьском, то он стал бы одной из главных достопримечательностей центральной Европы.

А другие польские города?

Мне нравится Краков. Вообще у меня складывается впечатление, что наша страна в последнее время ускорилась в развитии, особенно в области экономики. Иногда я замечаю большой контраст между людьми и их окружением. Недавно я остановился на заправке в каком-то захолустном Болшеве. Один из работников узнал меня и спросил с усмешкой: «Ну что? Не вышло ничего с Додой?» Не чувствовалось в его голосе доброты, скорее, злость и разочарование. Словно он был королем мира, потому что мог испортить настроение кому-то известному и почувствовать себя лучше. Я улыбнулся и ответил: «Да нет, не вышло». А про себя подумал: «Да иди ты на хер!» Мне в голову пришло, что люди смотрят на других с презрением, чтобы избавиться от собственных комплексов.

В тот же день я ехал по заново открытому участку шоссе между Гданьском и Торунем. И почувствовал гордость. Я понимал, что эта дорога, должно быть, была здесь давно, но я радовался, как ребенок. Я надеюсь, что путем цивилизации пойдет и культура.

Тебе никогда не хотелось сбежать из Польши, как сделал твой брат?

Я постоянно отсюда сбегаю, хотя делаю это по принципу экспансии. У меня есть своя крепость, и я выезжаю захватывать новые земли. В какой-то степени брат вдохновил меня. Он впечатлил меня, хотя я не знаю, смог ли бы я так же решительно сжечь мосты и не позволить неудачам сломить меня.

Что тебя здесь держит по-настоящему?

Музыка и группа для меня всегда были приоритетом. А группа работает именно в Польше. Если бы я решился эмигрировать, скажем, десять лет назад, то все могло бы развалиться. Сегодня мир становится меньше. Нет проблемы в перемещении между Гданьском и Нью-Йорком. Если бы я настоял на своем, я бы мог продолжать играть с парнями, проживая в другой стране. Но я просто не думаю об этом. Польша — мой дом.

И ты не сбежишь в Мадгаскар?

Нет. Но неплохо было бы проживать сразу в двух странах.

Второе жилье на Коста Бланка — не такой уж плохой вариант. Но я возвращался бы в Польшу. Хотя бы для того, чтобы пробежаться по лесу. Особенно красиво зимой. Суровость нашего климата закаляет дух.

Бесполезные попытки поймать попутку в Лондоне после фотосессии для журнала Terrorizer

Глава V

СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ, СОВА И ТРУП

Ты работал когда-нибудь физически?

Да, во время учебы. Потом в Испании, с братом, я вкалывал несколько месяцев на стройке. Хотел заработать на новую гитару. Тогда я понял, что единственный физический труд, который мне подходит, — трясти головой на сцене. В течение двух месяцев я сменил пять родов деятельности. Мне было двадцать, и боги приказали мне расслабиться. Я пообещал себе, что никогда больше не буду работать физически и иметь над собой начальника. Прошло уже пятнадцать лет, а я следую этому постановлению.

Что является главным средством твоего существования?

Концерты.

Сколько вы зарабатываете за один концерт? Много?

Не знаю, много это или нет, но музыканты сегодня держатся на плаву исключительно за счет живых выступлений.

Не за счет альбомов?

Если ты хочешь сделать что-то хорошо — а только так мы и работаем, — то стоимость записи, выпуска и рекламы альбома сегодня так высока, что на нем не заработаешь.

Но вначале Behemoth концертов не давали.

Не было необходимости. Сам процесс творения был настолько захватывающим и энергоемким, что мы даже не помышляли о живых выступлениях. Были совсем маленькими, шестнадцать-семнадцать лет. Мы поддались чарам Burzum и Darkthrone. Они намеренно бойкотировали концерты. Такое поведение отлично вписывалось в концепцию группы. И нам хотелось быть даже более радикальными. Как сейчас помню разговор, во время которого мы с Баалом договорились, что Behemoth перестанет существовать в тот момент, когда нам предложат контракт на запись альбома. Это должно было стать демонстрацией бескомпромиссности. Тогда мы только репетировали, и альбом казался чем-то абстрактным… К счастью, наши взгляды изменились.

Альбомы вы записывали, но по-прежнему не давали концертов.

Аппетит пришел во время еды. Мы стали узнаваемы на блэк-метал сцене, но теперь нам хотелось сделать еще один шаг вперед. Это было совершенно другое время, не такое как сейчас. Лишь в 1993 году Blasphemy, Immortal и Rotting Christ приняли участие в Fuck Christ Tour, так блэк-метал выбрался из подвала. Я чуть не описался, ведь это были мои божества! Они сеяли хаос по всей Европе, а у меня не было ни денег, ни возможности побывать на одном из концертов. Мне оставалось только читать отчеты о них в Сети и собирать рекламные листовки тура. Именно бутлеги с тех концертов, которые по прошествии некоторого времени добирались до Польши на кассетах VHS, заставили нас задуматься о выступлениях вживую…

Но сначала вы выпустили еще один альбом, *Grom*.

Импульс появился еще до его записи. Зимой 1995 года я поехал обсудить условия со студией. Карстен Молитор, глава

Solistitium, пригласил меня прогуляться по лесу. Он рассказал о возможности тура Behemoth вместе с норвежцами Helheim и нашими земляками, Christ Agony. Зерно посеяно. Остальное было делом времени.

Сложно было начинать?

Тур по Европе начался в сентябре 1996 года. Ранее, еще до путешествия, мы отыграли три выступления. Первый концерт был в Белостоке, в клубе «Кино». Не знаю, называется ли он так и сейчас, но несколько месяцев назад я проезжал мимо того места. Ничего не изменилось. Это не жемчужина архитектуры…

Однако, когда мы впервые вышли на сцену, нас не смущало, что мы играем в темном кинотеатре, который помнил времена коммунизма. Для нас он был центром Вселенной.

А сам концерт?

Как и все в тот период, он был хаотичным. Нам не хватало навыков и знаний оборудования. Отыграли кое-как. Но восполняли все нашей страстностью и решительностью. Второй концерт мы сыграли в Германии, в каком-то лесу в Баварии. Середина ночи, дубак как в Сибири, пришло от силы человек триста. Мы вышли на сцену в свиной крови. Эго была дичь…

Ты говорил, что не обижал животных.

Ты имеешь в виду кровь? Мы брали ее со скотобойни. Иногда заранее договаривались с организаторами. После первого концерта в Белостоке наш приятель и глава студии Witching Hour, Барт Крысюк, помог нам это устроить. Он отвел нас на рынок, где один из продавцов мяса налил свиную кровь в бутылку из-под воды. Целый литр. Конечно, туда попали куски мяса, глаза… Мерзость. Мы вылили на себя всю.

С какой целью?

Для нас это имело литургическое значение. Мы обливались кровью, плевались ею, это был наш священный ритуал. Кровь была идеальной шоковой терапией. Сегодня, поборов болезнь, я смотрю на нее иначе. Это особые отношения. Я держу в холодильнике флакончик с моей новой кровью. Хочу использовать ее для обложки нового альбома Behemoth.

Положа руку на сердце, ответь: ты убил что-то крупнее червяка?

Однажды. Я убил голубя. Я люблю животных, но голубь не животное, даже не птица. Какая-то крыса с крыльями или

летающий таракан. Разносят заразу, срут где вздумается, и издают отвратительные звуки. Во время учебы в Гданьском университете я жил в однокомнатной квартире. Она была маленькая, площадью девятнадцать квадратных метров, но давала мне независимость. К сожалению, эти летающие гады облюбовали мой балкон. В пять-шесть утра они уже гулькали в свое удовольствие. И будили меня. Я голый выбегал на балкон и разгонял их. Они сваливали. Но потом снова возвращались.

Однажды я отомстил. Я спал, а дверь на балкон была открыта. Вдруг один из них залетел в комнату и приземлился возле моей кровати. Это меня взбесило окончательно. Я схватил ремень от гитары и начал лупить им наугад. Попав в него, выкинул голубя на балкон. Убегая, он зацепился когтями за балконные перила. А потом дернулся с такой силой, что когти остались на полу, а тело полетело дальше. Но меня не мучают угрызения совести.

Первый концерт Behemoth за пределами Польши. Роттердам, 1996 год. Кто обвинит группу в том, что они не заплатили за успех кровью?

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ, — или последняя сцена из клипа Slaves Shall Serve. Продюсер не согласилась украсить голову свиньи терновым венком. А ведь жаль?

Когда вы перестали использовать кровь?

Я не помню. Несколько лет она была частью наших выступлений. В то время нас таскало по самым захолустным местам Европы. Мы играли за кусок пиццы. Никто из нас даже не спрашивал хотя бы о небольшом вознаграждении. Первые наши концерты мы отыграли в кредит. Студия платила организаторам за то, чтобы мы могли открыть концерт более крупных групп и выйти к более широкой аудитории. Такое положение сохранялось на протяжении нескольких лет…

До того как вы стали настоящей командой, Баал покинул группу.

Рано или поздно наши пути должны были разойтись. Это был человек-метаморфоза. Когда мы записывали *Grom,* он переживал этап маниакального увлечения группой Type O Negative, даже выглядел как Питер Стил. Начал играть на басу и подумывал писать свою музыку. Все чаще я видел, что битье в барабаны не приносит ему столько радости, как раньше. Он знал, что Behemoth — это мое творение. Я писал всю музыку и большинство текстов, а ему нужно было что-то свое. Он был амбициозным. Ушел из группы и создал Hellborn.

В одном из интервью он сказал, что ему не нравилось направление вашей группы, что «было слишком много краски на лице и слишком мало музыки». Странное заявление. Даже после ухода из Behemoth он придавал большое значение визуальному оформлению своих альбомов и выступлений.

Одна из репетиций альбома Grom. Вдалеке слева еще несовершеннолетний Inferno наблюдает за Баалом (за барабанами). Справа Томаш Краевский, первый профессионал на пути Behemoth. Это он поверил в потенциал группы.

Ваша дружба не прекратилась?

Друзьями мы были в детстве. А сейчас коллеги. Мы достаточно уважительны друг к другу. И это нормально. Баал все

также живет по своим собственным принципам. Он творческий человек, постоянно работающий над собой. С каждым годом прибавляется дырок на его теле. Он любит собак и ненавидит костелы. Как его не уважать?

ФУНДАМЕНТ

Откуда взялся Збышек Проминьский?

Репетиционную точку мы делили с труймястскими Damnation. Их лидер, Лес, некоторое время играл у нас на басу. А барабанщик, Wawrzyn, ушел из группы, но на его место пришел молодой и очень способный музыкант. Это и был Inferno. Я оставался на их репетициях, только чтобы посмотреть, как он играет. Он был потрясающим. Сначала я почувствовал зависть. А потом убеждение, что этот парень должен попасть в мою группу.

Когда разошлись мои с Баалом пути, я сделал Збышеку предложение, от которого он не отказался. И попал в точку. Это выдающийся барабанщик. Если я мозговой центр группы, то он ее движущая сила. Я сразу почувствовал разницу. Я хотел играть более сложную музыку, а с Баалом это не получалось. Не потому что он не хотел — не мог. Я и так требовал от него больше, чем он мог дать. С Inferno было иначе. Он отдавал группе больше, чем я требовал.

Сейчас его считают одним из лучших барабанщиков в мире.

И это заслуженно. Иногда мне кажется, что он не принадлежит к человеческой расе. Его координация, скорость игры… Збышек — это пример человека, который быстро понял свое назначение и развивает его. Я верю, что в каждом из нас есть огромный потенциал. Надо только его найти и поставить все на эту карту.

Ты так и сделал?

Уже в детстве я становился перед зеркалом и подражал своим кумирам. Играл на палке от метлы и представлял, что пою. Хотел быть похожим на Кроноса из Venom. Я не мог сыграть двух аккордов без ошибки, но знал, что именно этого хочу. Быть музыкантом. Мой мозг посылал сердцу сигналы… Пятилетняя дочка моих знакомых довольно нестандартно одевается: надевает на ноги два разных ботиночка и защищает свою правоту. Может, она получает такие сигналы. А я говорю ее родителям: «Пусть

развивает это, поддержите ее». Может, она рождена, чтобы стать кутюрье или моделью. Вот в чем фокус.

Так Збышек — прирожденный барабанщик?

Сегодняшней метал-сцене нравятся экстремальные вещи, особенно игра на ударных. Конечно, есть ударники более быстрые и техничные, чем Inferno. Но есть то, чего не отрепетируешь: его атмосфера. Когда он выходит на сцену и садится за установку, я чувствую себя уверенно, зная, что он находится у меня за спиной. У дома должен быть крепкий фундамент, а у группы — надежный барабанщик.

Но даже с Inferno за барабанами Behemoth довольно долго пробирались к концертам в высшей лиге.

Я считаю, что наш потенциал начал по-настоящему раскрываться на альбоме *Satanica.* Мы выступали больше и больше. А с *Thelema.6* взяли на самом деле хороший темп. Именно тогда мы начали ездить в туры в качестве хедлайнера и становились героями вечера. Это perpetuum mobile[25]: чем лучше мы играли, тем увереннее себя чувствовали, а чем больше уверенности в себе мы чувствовали, тем лучше играли. На сцене мы играли, будто завтра не существовало. Не на жизнь, а на смерть!

Я помню фестиваль Thrash'em All. Мы были тогда третьей с конца группой, играли перед Vader и Krisiun. Порядок выступления неоспорим. Vader уже были ветеранами сцены и одной из самых важных групп в истории польского метала. В Белостоке, когда спускался со сцены, я столкнулся с Петером и бросил в его сторону: «Пётр, спалите этот сарай». На что он усмехнулся и ответил: «Пепел уже не подожжешь». В этот момент я почувствовал, что мы действительно начинаем делать что-то весомое.

Тогда изменился ваш состав.

Это очень на нас повлияло. Мы обрели крылья, когда к нам присоединились Havok и Novy. Становились отличной командой. Каждый вносил что-то свое. Havok был еще подростком. Я должен был упрашивать его родителей отпустить его с нами в тур, и обещал, что в школе он нагонит пропущенное. Но в нем чувствовались огонь и самоопределение. Он просто вдыхал через нос опыт крупнейших гуру сцены.

А Novy, в свою очередь, принес много опыта. Правда, он был сессионным музыкантом, но вписался в группу. У него была шикарная шевелюра, которая особенно контрастировала с

небольшим ростом. Из-за этого волосы казались длиннее, чем были на самом деле. Оба также способствовали тому, что Behemoth стали более роковыми…

Секс, наркотики и рок-н-ролл?

Novy был специалистом в подобных вопросах. Его веселье захватывало группу. Это был очень специфичный человек. Большой фанат Дарта Бейдера. В Штатах он в упоении обнимал макет Звезды Смерти. Бог знает, чем или кем она была. Когда я его обнаружил, он, как пьяный, лежал на полу и с чувством обнимал картонное изображение своего идола. Но это еще ничего. Хуже было, когда он окончательно вживался в роль. Была зима, на улице холод собачий, после концерта мы, как обычно, тусовались в номере гостинице. И вдруг Novy вытащил из уха наушник и встал. Открыл окно, забрался на подоконник, произнес коротко: «Фр-р-р…» — и сделал шаг вперед.

На каком этаже находился номер?

На третьем. Мы выглянули в окно, а он лежит на снегу и стонет.

Вы отвезли его в больницу?

Он не позволил. Не был застрахован и, видимо, не хотел непредвиденных расходов. Его никто не обследовал, не говоря уже о рентгене. Через несколько дней он вообще перестал разговаривать, сидел в темных очках и плакал. Я видел, как слезы стекают по его щекам. Но нас не тормозил. Спустя некоторое время мы просто вешали ему на плечи гитару, потому что он сам не мог этого сделать.

Он рассказал вам, для чего вышел в окно?

Нет. Может, такую музыку слушал. А может, Звезда Смерти ему приказала.

Часто у него были такие, скажем, заскоки?

Они были более интересными. Один раз его задержала полиция. Он утверждал, что настало время пробежаться по «траходому» в костюме Адама. Надел только патронташ.

«Траходому»?

По общежитию то есть. Мы выступали в Варшаве, в клубе Proxima. На гостиницы денег не было, и мы сняли более дешевое жилье. А патронташи, атрибут любого уважающего себя металхэда, возили с собой. Парни напялили их на голое тело и

спустились в фойе. Кто-то вызвал полицию, и господа с дубинками не заставили себя ждать.

Ты принимал участие в этом действе?

Как всегда, нет. Кто-то же должен держать камеру. У меня очень сильный самоконтроль, либо я недостаточно пьян, либо влюблен. Я развлекаюсь, но в меру.

Ты всегда таким был? Во время одного из первых туров с вами выступали норвежцы Khold. Но вдруг они собрали вещи и сбежали. Ходят слухи, что вы для них были «слишком рок-н-ролльными».

Мы как раз играли в Испании. Работали с промоутером, которая организовывала наш концерт в Мурсии. Это была типичная испанка. Черные кудри и глаза-угли. Красивой ее не назовешь, но была очень симпатичной. Она спросила, может ли поехать с нами на концерт в Мадриде. У меня всегда было убеждение, что если девушка хочет ехать с музыкантами в автобусе, то не для того, чтобы чай нить.

Чем ее угощали?

Водкой конечно. Она выпила довольно много. Мы все выпивали. Кроме парней из Kholcł. Это были странные люди, на протяжении всего тура пили «Пепси» и сидели тихо. Они были такие же веселые, как веник. Мы праздновали без них. В какой-то момент я почувствовал, что с меня достаточно, и отправился отдыхать на своей койке. Я поспал некоторое время, а потом вернулся в заднюю часть автобуса, где сидели только печальные норвежцы. Затем спустился вниз.

Я не поверил своим глазам! Девушка лежала голая на столе, а вокруг нес наши парни. Тоже голые. Один держал в руке камеру, а остальные толкались. Пьяные в хлам, они снимали порно. Можешь нс верить, но я отлично помню, как они спорили, кто из них следующий сунет свой член ей в рот: «Дай! Отойди! Моя очередь!»

Ребята из Khold тоже спустились вниз?

Нет, но на следующий день они увидели наше любительское порно. Были очень ограниченными и почему-то подумали, что это изнасилование. Хотели вызвать полицию. Забрали кассету, собрали вещи и сбежали. Мы словно ждали приговора, потому что не были уверены в том, что расскажет девушка.

Полиция появилась?

Уничтоженную пленку мы нашли в мусорке возле парковки. По проблемы были, потому что обо всем узнал наш тур-менеджер. Мы объясняли, что нс было никакого изнасилования, а просто групповой секс, небольшая невинная оргия. Но он пошел расспрашивать девушку. Хотел узнать, не чувствует ли она себя изнасилованной. Но та ответила не задумавшись: «Нет, не-е-ет, все было су-упер!» Закончилось все тем, что мы отыграли концерт в Мадриде, но уже без Khold. А девушка вовсю отрывалась на танцполе.

Но могла бы создать вам проблемы.

Я это понимал и почувствовал огромное облегчение, когда ситуация прояснилась. Я часто слышу такие истории. Мои коллеги из Keep of Kalcssin познакомились в Канаде с групи. Пригласили се в автобус. Не было никакого секса, просто вечеринка. А на следующий день девушка сообщила в полицию об изнасиловании. Двух парней на несколько недель закрыли в камере.

Жизнь в туре — вечная дорога

Их оправдали, но потраченных на адвокатов денег не вернешь. Все равно свое отсидели. И еще пришлось оформлять документы, свидетельствующие об их невиновности. На всякий случай, если вдруг откроется, что у них есть так называемый «привод». Без этого документа у них могли бы быть проблемы с визой.

ВЫСТРЕЛ ИЗ НИОТКУДА

В Штатах надо быть особенно осторожным с этим?

За вами следили во время первых концертов?

Сначала Америка была для нас необычным местом. Мы практически ничего о ней не знали и чувствовали себя чужими. Во время первого тура за океан мы бухали. Пили изо дня в день. По-другому было просто невозможно. На Мексиканском заливе мы навидались и вдруг решили принять ванну. Разделись догола и ринулись в воду. А на пляже как раз в это время отдыхали школьники. Нас увидела учительница. Она закрывала детям глаза и пыталась увести их оттуда. Наш тур-менеджер выбежал, как ошпаренный. «Живо из воды!» — кричал он. Я никогда не видел настолько паникующего американца. И настолько рассерженного. Я не знал, в чем было дело. Только позже я понял, что если бы кто-то вызвал полицию, то мы бы в жизни в США не выступили. Арест, депортация и крах мечтаний о визе. Это странное место. Ты можешь попасть за решетку за то, что пьешь пиво на улице, но у каждого есть право носить пистолет…

Во время одного из туров ваш автобус обстреляли. Об этом долго говорили.

Это произошло в Техасе. Наша группа колесила только по Штатам. Больших денег мы не зарабатывали. Большинство ночей проводили в фургоне. Ночевку в отеле могли себе позволить два, максимум три раза в месяц. И как раз пришел один из таких дней. В мотель мы заселились почти на рассвете. Я свалился в кровать. Это было настоящим благословением. Я ужасно устал, царила полная тишина. Вдруг я почувствовал, как кто-то словно садится возле меня и опирается о матрас. Я вскочил, как ужаленный.

Привидение? Ты веришь в такие вещи?

Я скептик. Не знаю, есть ли что-то за пределами материальной реальности. Меня это не волнует. Было это привидение или галлюцинация, не важно. В любом случае я увидел, что в комнате никого нет, и снова улегся в кровать. Проснулся от стука в дверь. Открыл ее и увидел черного полицейского. Он рассказал, что нашу машину обстреляли. Я вышел на веранду. Были видны следы от пуль, как раз на уровне сидений.

Кто-нибудь слышал ночью выстрелы?

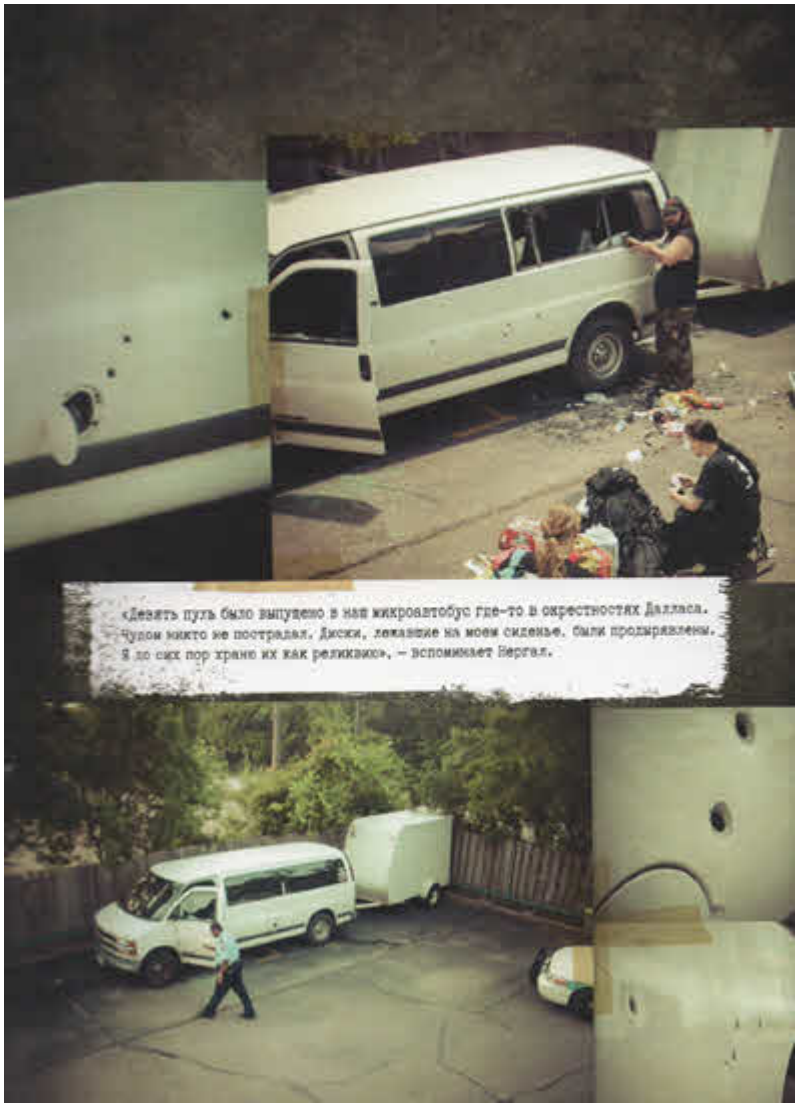
Нет, я думаю, что оружие было с глушителем. До сих пор не знаю, кто это мог сделать.

Как отреагировали другие участники группы?

Все были подавлены. В машине находилось несколько дисков, которые я купил во время тура. Некоторые из них были прострелены. Храню их как реликвию. И это был не единственный раз, когда в Америке мы имели дело с оружием.

Кто-то еще в вас стрелял?

Нам угрожали. Мы заехали на заправку. Выглядела она как в фильмах Роберта Родригеса. Пустыня, две бензоколонки, вонючий магазинчик и один ковбой. Внезапно возле автобуса появился дедок. Начал разговаривать с нашим тур-менеджером. Должно быть, он спросил, в какой группе играем, потому что я услышал тот шутливый ответ, который мы давали всем, кто был не в теме. Менеджер ответил, что мы играем в группе под названием Антихрист. Дедок подошел к своему грузовику, вытащил двустволку и нацелил ее на нас: «Так это вы, парни, славите сатану?» Мы смылись, визгнув шинами…


«Девять пуль было выпущено в наш микроавтобус где-то в окрестностях Далласа. Чудом никто не пострадал. Диски, лежавшие на моем сиденье, были продырявлены. Я до сих пор храню их как реликвию», – вспоминает Нергал.

«Девять пуль было выпущено в наш микроавтобус где-то в окрестностях Далласа. Чудом никто не пострадал. Диски, лежавшие на моем сиденье, были продырявлены. Я до сих пор храню их как реликвию», — вспоминает Нергал.

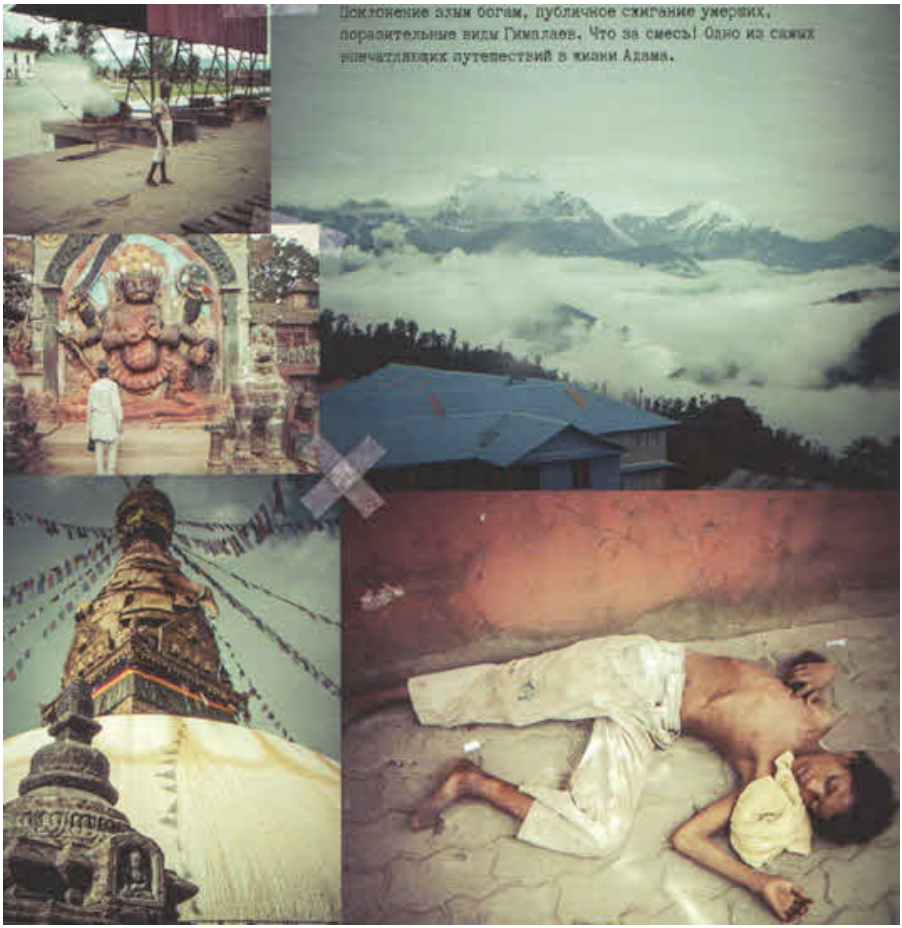
Но все же по сравнению с Мексикой США — оазис спокойствия. Что ты на это скажешь?

Там мы столкнулись с трупами. Точнее с одним… В Сьюдад-Хуарес. Это небольшой городок в Мексике с очень нехорошей репутацией. Там постоянно гибнут девушки. Мне рассказывали,

что с 1993-го по 2005-й там без вести пропало более четырехсот женщин. И с ухмылкой добавили, что по неофициальной информации в десять раз больше…

Вы отыграли там концерт?

Да. Этот городок находится на границе с Америкой. Можно сказать, что нас провезли контрабандой. Многие янки любят там поразвлечься из-за низких цен. Границы практически открыты. Организатор концерта запретил нам покидать клуб. Нельзя было выходить ни при каких обстоятельствах. Как обычно, мне нужно было сходить в туалет, посидеть на унитазе и расслабиться. Это своего рода ритуал перед каждым концертом. В туалете клуба было так мерзко, что даже собака бы сбежала. Кстати, в США туалеты очень часто находятся в плачевном состоянии. Бывает, что унитазы друг от друга отделены небольшой перегородкой, и ты видишь все, что делает твой сосед. И на самом деле удивляет, что в такой высокоразвитой стране можно видеть такие крайности…


Поклонение злым богам, публичное сжигание умерших,
поразительные виды Гималаев. Что за смесь! Одно из самых
впечатляющих путешествий в жизни Адама.

Поклонение злым богам, публичное сжигание умерших, поразительные виды Гималаев. Что за смесь! Одно из самых впечатляющих путешествий в жизни Адама.

Но ты ведь был в Мексике…

Конечно. Там все еще брутальнее! Я попросил охранника клуба пойти со мной. Совсем рядом находился паб. Я зашел в туалет. Перегородки были до потолка, а вот дверей не было. Я сидел на троне и ждал чуда… Оно не пришло. Мы вернулись в клуб, а перед входом лежал парень. Оказалось, что он был мертвым. Для них это было в порядке вещей…

Нет, это не Мексика, это Штаты. Именно так выглядит большинство туалетов в Америке. В конце концов, кому нужны двери?

На фото Нергал и Наос.

Люди умирают.

В больших городах это просто принять. Там смерть — ежедневное событие. Подобное я наблюдал в Гималаях. Поехал туда отдохнуть. Сам, без посторонней помощи. И оказался полностью не готов. У меня даже не было подходящей обуви, и через несколько дней мои ноги были все изранены. По дороге из Катманду в Покару я понял, насколько отличны от нас люди, живущие в той части мира. Они поразительно смиренны перед лицом как жизни, так и смерти. Мы ехали по дороге над пропастью. Сам вид заставлял кровь стыть в жилах. Ты выглядываешь из окна и видишь несколько сотен метров пустоты, а внизу — обломки автомобилей, лежащие рядом. Я повернулся к проводнику: «Смотри, как тут высоко. Бывает, что автобусы падают?» — «Да, несколько раз в год», — ответил он. Но был полностью согласен с такой судьбой. Он отдавал себе отчет, что его жизнь находится в руках водителя и… наслаждался путешествием. Просто пожал плечами. А мне вспомнилась цитата

из Кроули: «Бог дал, Бог взял. Хвала Господу».

СЕМЬЯ

Тебе сложно отдать свою судьбу в чужие руки?

У меня такое впечатление, что, как только я перестаю контролировать некоторые вещи, все распадается. Я знаю, что это иррационально, так как многие люди влияют на мою жизнь. Однако я стремлюсь взять ответственность за все на себя.

Тебе не нравится беспорядок в жизни?

Когда как… Иногда я одержим порядком, иногда позволяю всему течь своим чередом.

А дома?

Бывает.

Тебе нравится мыть посуду?

С тех пор как купил посудомоечную машину, я стал настоящим богом мытья посуды.

Ты сам стираешь?

У меня есть стиральная машина. И я никогда не утюжу. Утюжку переоценивают. Если аккуратно развесить постиранное, то утюжить не понадобится.

Есть такие, которые даже носки этой железкой разглаживают.

В мире много неадекватных людей.

Ты тоже в некоторых вещах любишь быть перфекционистом.

Профессионалистом. Так звучит лучше.

Твои друзья знают, что одну запись можешь переделывать неделями. Ездишь по знакомым, включаешь им пять одинаковых версий…

Это уже в прошлом. Когда-то я был более фанатичен в этом отношении. Я не спал по ночам, потому что мне не нравилось, как звучат ударные.

Теперь я больше полагаюсь на волю случая, позволяю музыке и текстам жить собственной жизнью. Несколько лет назад я имел возможность поговорить с настоящей легендой метала, Томасом

Габриэлем Фишером из Celtic Frost. Это произошло сразу после их концерта в поддержку гениального альбома *Monotheist.* Мы имели честь выступать перед ними. Их музыка не особенно сложна. Местами примитивна. Но несет в себе такую магию, которая заставляет тебя стоять на концерте разинув пасть и молиться на сцену. Я спросил Тома, в чем же секрет такого звучания. Он ответил, что музыке надо дать отдохнуть, что на нее нельзя давить переизбытком звука. Еще он сказал, что, по его мнению, в каждой нашей песне больше звуков, чем у них в целом альбоме.

Том Gabriel Фишер, Лидер культовой группы Celtic Frost. В больнице Нергал читал его биографию «Are You Morbid?». Несколькими месяцами позднее музыканты встретились после концерта Behemoth в Мюнхене.

Ты принял это близко к сердцу?

Я думаю, что как раз это слышно в песнях из альбома *Evangelion.* В любом случае это не только моя заслуга. Со временем, я стал больше внимания уделять мнению других участников Behemoth. Я не навязываю парням все. По крайней

мере стараюсь. Я борюсь со своими диктаторскими замашками.

Ты много говорил о бывших участниках группы. А как дела с действующим составом? Кажется, что все хорошо, когда вы на сцене. Часто между вами случаются перепалки?

В группе как в браке. Иногда все идеально. Если концерт проходит хорошо, это дает энергию, и хочется играть дальше. До утра. Без остановки. Но есть случаи, когда ты чувствуешь напряжение в воздухе. Мы друг друга знаем даже лучше, чем наши жены, подруги и любовницы. Представьте себе. Автозаправка в самом центре Техаса, мы остановились на несколько минут, и я пошел в туалет. Десять кабинок, все свободные. Я выбрал одну и уселся на «трон». Спустя несколько минут я слышу шаги. Неуклюжие, словно медвежьи, сопровождаемые шарканьем и кашлем.

И увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами»[26]?

Не совсем. Это всего лишь Збышек. Через мгновение уже слышны другие шаги. Топот скорее. Нс такие тяжелые. Словно большая мышь пробежала. Даже задумываться не надо. Я знаю, что это наш звукоинженер, Мальта.

И что ты хотел этим показать?

А то, что мы проводим столько времени вместе, что можем узнать друг друга по шагам, по храпу и даже по тому, как пердим. Я часто говорю, что Behemoth — эго нс группа друзей. Это семья. А парней я считаю братьями.

А в родного брата кидаешься дротиками.

А ребят из группы чаще всего называю сучками. Вот о чем я говорю. Друг — это тот, на кого ты можешь положиться всегда и в любых обстоятельствах. Но в отношении с братьями может быть по-другому. Могут быть друзьями, а могут занозой в заднице. Парни из группы тоже.

Доходит до драк?

Нет, хотя несколько раз почти дошло. В разных ситуациях. Иногда они друг другу готовы вырвать глотки.

А Нергал шлепает по попе, гладит по головке и ставит в угол?

Иногда кто-то должен признать истину и встать на чью-то сторону. Я стараюсь быть объективным. Прямо говорю, если кто-

то перегибает палку. Но это нс значит, что я всегда играю роль отца. Иногда это достает, и уже я веду себя как капризный ребенок. Тогда кто-то другой ставит меня на место. Так было во время тура в поддержку альбома *Apostasy*.

Что тебе стукнуло в голову?

Ядовитое сочетание высокомерия и самоуверенности. Остальные парни дали мне понять, что я теряю связь с реальным миром.

Подействовало?

Это длилось недолго. В конце концов я посмотрел на себя со стороны и увидел, что действительно что-то не так и пора спуститься с небес на землю.

А эта патологическая семья — ты и три других музыканта?

Когда-то так было. Но со временем она разрослась до невероятных размеров. Постепенно я потерял над этим контроль. Есть люди, которые едут с нами в тур, другие на противоположном конце земли занимаются магазином, сайтом, помогают мне подготовиться к интервью… Behemoth сегодня — это сложный механизм. На самом деле, многие люди принадлежат к нашей семье. Например, Мацей Груша, наш вебмастер и администратор интернет-магазина Behemoth. И уже упоминавшийся Мальта.

Вы считаете его братом?

Мы выступали в Коста-Рике, когда он праздновал день рождения. Мальта не умеет плавать, и мы решили, что лучшим подарком будет бросить его в воду. Но нам было известно, что в кармане штанов у него паспорт, поэтому нужно было придумать какую-то хитрость. Мы начали рассматривать свои фотографии в документах и в какой-то момент я сказал: «Арек[27], покажи паспорт. Как ты вышел на фото?»

Как только он вытащил документ и отдал его мне, улетел в бассейн. Он чуть не утонул. Чтобы его задобрить, мы решили прикупить немного кокса. Там его можно купить на каждом шагу, как яблоки на базаре. У нас была целая куча, пока я втихаря не заменил его порошковым витамином С.

Я сказал: «Сейчас я покажу, как это делается». Втянул носом немного этой хрени, а остальное буквально слизал с подоконника. Malta смотрел на меня внимательно, потом кивнул и сказал: «Вот за это я тебя и люблю!» Он свернул доллар и

приложился к витамину С. Кто-то спросил: «Арек, как товар?» А он: «Охрене-е-е-еть!»

Настоящая братская любовь. Вы помогаете друг другу в туре?

Конечно. Помню, как после выхода альбома *Demigod* мы поехали в большой тур по США и Канаде. Отыграли пятьдесят концертов. Заключительный концерт американской части тура мы должны были играть с Данцигом. Это был большой финал, самый важный концерт тура. Лос-Анджелес, «Амфитеатр Гибсон», в зале больше пяти тысяч человек. А на следующий день мы уезжали в Канаду. До выхода на сцену оставалось несколько часов. Мы уже начали подготовку, когда Орион вдруг изменился в цвете. В один момент он был бледным, а в другой — фиолетовым. Мы подумали, что он отравился. Но визит в туалет не исправил ситуации. С каждой минутой ему становилось все хуже, начал терять сознание. Мы позвонили в скорую. Но вместо них появились пожарные. Парни увидели состояние Тома и сразу отвезли его в больницу на своей машине.

Вы отменили выступление?

Мы сходили с ума, не знали, что у него болит, но ведь это было самое важное шоу тура! Крученый мяч. Мы решили, что будем ждать Ориона, а между тем приготовимся играть без него, если это понадобится. Несколько минут мы пытались дозвониться до Тома, но его телефон нс отвечал. И вот осталось не больше получаса до выхода на сцену.

Мы принялись за грим. Накладывали краску на лица, нервно кусая ногти… Минут за пятнадцать до концерта появляется Орион. Молча садится и начинает накладывать грим. Мы смотрим на него, а над головами невидимые знаки вопроса. А он спрашивает: «Так мы играем? Во сколько выход?»

Так что с ним стряслось?

Оказалось, у него камни в почках. Его хотели оставить в больнице, но он не позволил, сказал, что концерт должен состояться. Тоже чувствовал ту огромную ответственность за группу. Врачи дали ему лошадиную дозу обезболивающих. Потом он рассказывал, что боль прошла и уже через несколько минут он воскрес, как Лазарь. Взял такси и поехал в клуб. Отыграл концерт. Каждую минуту мы поглядывали на него, боясь, что он не выдержит. Но он держался стойко, хотя пару раз чуть не потерял сознание на сцене.

А потом вернулся в больницу?

Какое там! Мы поехали в Канаду. Еще пару недель Том держался на таблетках. Принимал одну за другой. Он все время лежал и даже мог забыть о концерте. В конце концов камень вышел, и в Польшу Томаш вернулся уже здоровым.

Вы две недели ездили по Канаде?

Дольше… Представляя *Demigod,* мы побили все рекорды. В Северной Америке мы отыграли больше ста пятидесяти концертов, из них в Канаде — двадцать шесть. Кто в здравом уме сыграл бы столько в этой стране? Притом в декабре? Но мы это сделали. У людей, приходивших на концерты, округлялись глаза… Они были шокированы, потому что даже канадские группы не делают таких больших туров.

ПЛОДЫ

Как проходил тур?

Все встало с ног на голову. Орион страдал, а мы играли в местах, которых не было на карте. Случалось, что мы должны были сами соорудить себе сцену, поскольку в баре ее просто не было. Один концерт мы сыграли для восьми человек. На другие приходило по несколько десятков. Местные, абсолютно случайные люди. Не хватало только северных оленей, совы и хромой собаки. Мы играли в городе, где было только две улицы. Буквально. Концерт проходил в старом кинотеатре. Чувствовалось, что в зале нет наших фанатов, а мы для них — цирк-шапито.

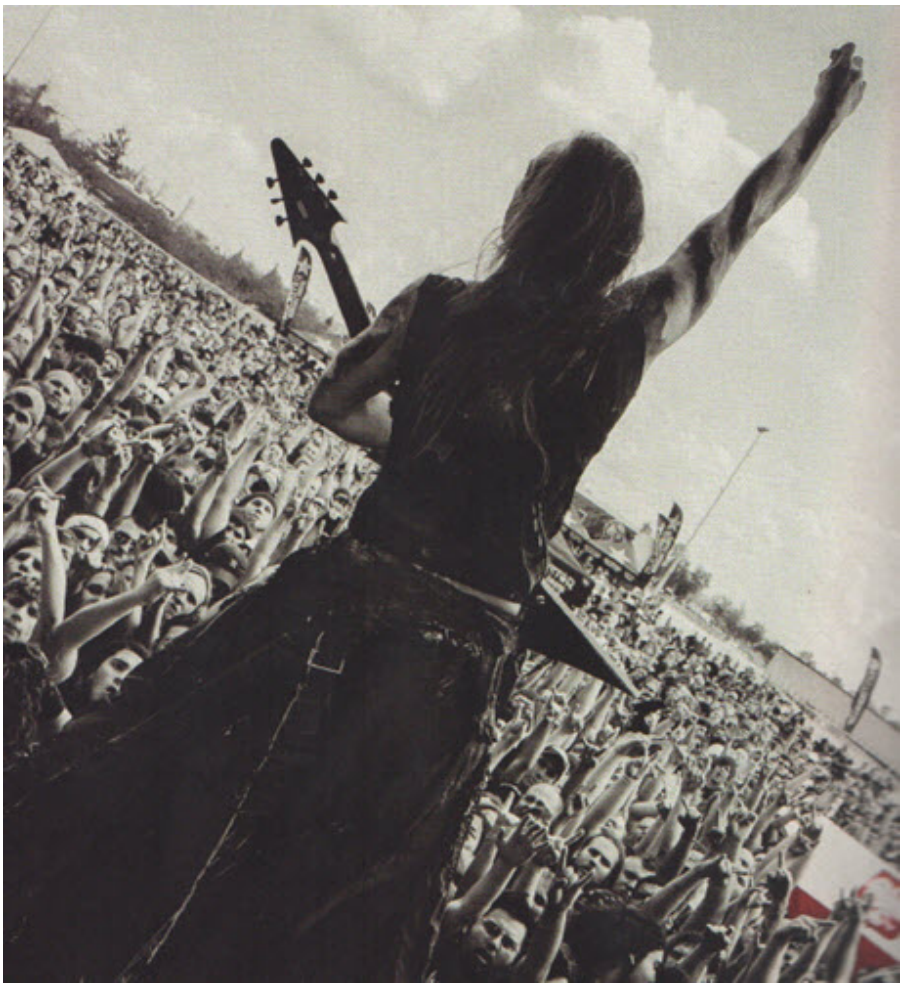
В городах покрупнее было такое?

Было лучше. В Монреале пришло около четырехсот человек. В Торонто концерт тоже прошел достаточно неплохо. Помню, однако, что в Штатах во время этого же тура случалось нам играть для нескольких тысяч зрителей. Но это не прошло впустую. Во время следующего тура по Северной Америке мы сыграли только два концерта в Канаде. Уже в качестве хедлайнеров. Билеты на оба концерта были распроданы полностью. На одном было восемьсот человек, на другом — девятьсот. Для Канады такие цифры считаются астрономическими. Также это были первые большие концерты, на которых мы не разогревали кого-то, а были хедлайнерами. Те люди пришли посмотреть на нас. Только на нас. Мы пожинали

плоды. Именно так мы и добивались своего места в мире.

Как выглядит ваш концертный день?

Много уже говорилось о веселье, но тур — это прежде всего изнурительный труд. На сцене мы проводим от сорока пяти до девяноста минут, но сам концерт, не считая переездов, занимает несколько часов. На сцену выходим в районе девяти часов, а готовиться начинаем около шести. С этого момента я больше ничего не ем, потому что тяжелая еда может стать лишним балластом. Я расслабляюсь. Мне нравится тренироваться, сделать растяжку, почитать книжку. Люблю, выходя на сцену, чувствовать себя подготовленным.



Фестиваль Mayhem в США. Несколько тысяч фанатов и… ПОЛЬСКИЙ ФЛАГ!

Пиво перед концертом?

Никогда. Бывает, конечно, что мы пьем до утра, потом я иду спать, после быстро принимаю душ и сразу выхожу на сцену. Но очень редко. Мне это не нравится, потому что подобное поведение — это неуважение к людям, которые платят, чтобы прийти на наш концерт. Я хочу, чтобы они видели качественный продукт, а не выступление пьяного попа. Вместо пива — разогревающие упражнения для пальцев. Это особенно важно, когда играешь на открытом воздухе. Чем старше я становлюсь, тем больше должен тренироваться.

А что с интервью?

Хуже всего бывает, когда мы едем в тур после издания очередного альбома. Я помню, как мы играли на фестивале Mayhem в Штатах. Я не понимал, что творится. В полдень начиналась автограф-сессия, около четырех дня мы играли концерт, после него короткий перерыв и снова автограф-сессия, позже я садился за интервью. Заканчивал далеко за полночь. Я давал их по двадцать пять за день. Когда совсем переставал что-либо соображать, мне помогали Орион и Инферно.

А говорил, что боги приказали тебе расслабиться…

У музыкантов тяжкий кусок хлеба, но мой жизненный девиз таков: «Найди то, что любишь, и тебе никогда не придется работать». С музыкой как с ребенком. Первые годы сложные. Спишь мало, всегда уставший. Но скажет ли отец, что это тяжелый труд? Нет. Каждая улыбка малыша будет вызывать радость.

Так что? Сделать жизнь работой?

Я всегда так к этому подходил. Сейчас, после болезни, я уверен, что именно в этом смысл нашего существования. Однажды во время съемок одного из эпизодов The Voice of Poland ко мне подошел Анджей Пясечны[28]. Он хотел узнать, как я себя чувствую после выписки из больницы, как меня изменила болезнь.

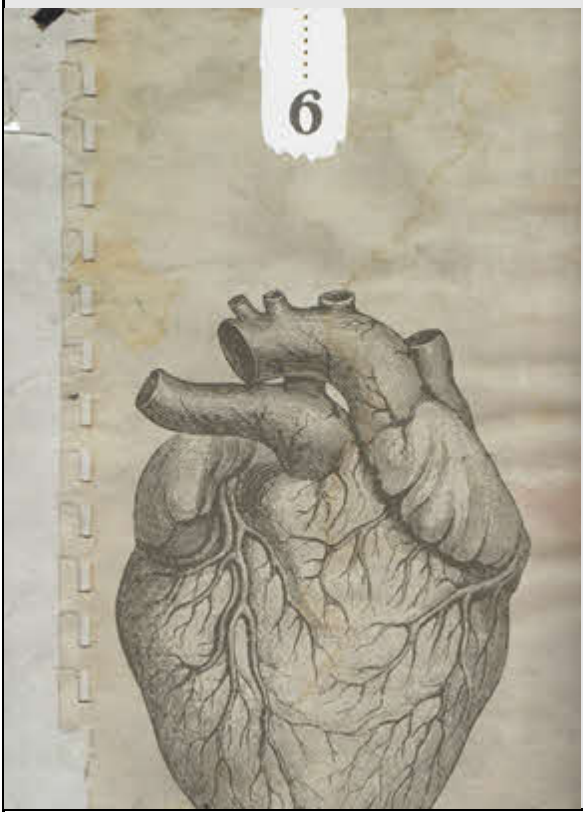
Я ему рассказал, что любую творческую ситуацию, в которой оказываюсь, я считаю важной. Завтра меня может здесь не быть, но я знаю, что оставлю после себя что-то. Сею зерна и пожинаю плоды. Мой уход ничего не изменит, потому что то, что я посею, продолжит расти.

Звучит напыщенно… Ты имеешь в виду энергию, которая живет дольше, чем тело?

Мои альбомы продолжат существовать после моей смерти. У меня в памяти возникает запись с Мальтой в главной роли. Сет, наш гитарист, увековечил его во время очередной вечеринки. Я в это время уже спал в соседней комнате. А парни пили дальше. Выпив, Мальта становится другим человеком. Я даже немного его боюсь. На записи он стоит в середине комнаты и вопит: «Мы творим исто-о-о-о-о-орию!» С одной стороны, ничего особенного, но с другой — в этом что-то есть. Это вечное путешествие с группой не только способ заработать, это создание чего-то, что больше, чем мы сами, того, что помогает нам выжить. Немного изменить мир.

Глава VI

СОН О ВАРШАВЕ



Дорота.
Трудная тема. Сложная.

Как началось ваше знакомство? Ты подошел к ней? Она к тебе?
Все не так просто.

А как тогда?
Польский шоу-бизнес не очень широкий круг людей. Все друг друга знают. В какой-то момент до меня стали доходить слухи, что Дода допытывается, кто такой этот Нергал.

Откуда она узнала, что этот Нергал существует?

Увидела меня в программе Кубы Воеводского. Уже позже мне об этом рассказала. Я произвел на нее впечатление и запомнился.

А ты знал, кто «эта Дода»?

Для меня она была просто девушкой из глянцевых журналов, но без негативных ассоциаций. Может, даже немного меня интриговала. Не скажу, что я следил за ее карьерой, но иногда интересовался, что происходит в ее жизни.

Но ты не насмехался над ней?

Может, чуть-чуть. Даже если и шутил, то по-доброму.

«Издалека у Польши лицо Доды и братьев Качиньских».

Это мои слова. Так я сказал в одном из интервью. Много лет назад.

И это была критика польской музыки.

Так и есть. Но обрати внимание на то, что с журналистом я разговаривал до того, как познакомился с Доротой. Ее сценический образ и репертуар в то время были немного скучными. Она испытала сильные метаморфозы со времени своих музыкальных начинаний. И она знает об этом. Я тоже, смотря на фотографии прошлых лет, в основном тихонько усмехаюсь.

О чем ты подумал, когда узнал, что эта девушка из журналов ищет встречи с тобой?

Появилось два чувства: удивление и заинтересованность. За несколько дней до этого я читал интервью с Доротой в журнале Pani. Это было действительно хорошее интервью, а чувственная фотосессия подстегнула мое любопытство. Хотя я не думал об этом намеренно.

Нергал и Gus G. из группы Оззи Осборна на музыкальной ярмарке Musikmessg во Франкфурте.

А дальше?

Дорота не отступала. Мы как раз были всей группой на Musikmesse во Франкфурте, самой крупной музыкальной ярмарке Европы. Во время очередной затяжной вечеринки у меня зазвонил телефон… Это был знакомый виджей с MTV. Он довольно красочно начал рассказывать, что сегодня виделся с Додой, а она просто выпрашивала мой номер телефона. «Ну, раз ты так заинтересована, то я сделаю свой ход», — подумал я тогда. И узнал ее номер. Написал сообщение, она — мне, так все и началось.

Вы встретились?

В первый раз встретились в Гданьске. Мы только закончили записывать *Evangelion.* Дорота была девушкой из совершенно другого мира, что меня только подстрекало, добавляло ситуации пикантности. Мы встретились вечером, около десяти часов, а на такси в отель я отвез ее около шести утра. На следующий день мы договорились пообедать в баре Przystań[29] в Сопоте. Я спал часов шесть, наверное. Меня разбудил телефонный звонок; поднимаю и слышу голос Дороты: «Так что, мы на рыбалку идем?» Она была обезоруживающей.

Между вами возникла химия?

И химия, и другие встречи. В Лондоне, где мы сводили альбом, еще в Варшаве. И, наверное, тогда все и началось. Я впервые увидел этих странных существ, носящихся с фотоаппаратами. Папарацци. Раньше я жил в коконе, существовал только в мире метала и абсолютно не знал о такой касте. Естественно, я знал, что существуют Fakt или Super Express, но не заглядывал в эти издания, да и зачем? Даже и не подозревал, что существует целая куча этих «пудельков», «крендельков», «сплетниц» и других похожих порталов.

Серьезно?

Честное слово. Я сижу с девушкой, у нас свидание, а тут какие-то люди выскакивают с фотоаппаратами и втихаря нас фотографируют. Это был шок.

Втихаря?

Я никогда не подозревал Дороту в том, что она сдавала нас папарацци. Хотя сомнения все равно есть. Сейчас я знаю, что если ты действительно захочешь с кем-то встретиться вдали от папарацци, то сможешь. Хотя для чего мне теперь эти уловки? Это уже неважно.

Когда ты почувствовал себя новым обитателем мира «крендельков»?

Я не знал, что все закончится такой бурей. Понимал, что если нас сфотографировали, то эти фото где-то да появятся. Но не думал, что это станет известно на всю Польшу. То, что произошло дальше, раздавило меня полностью… Я позвонил нескольким своим приятелям и парням из группы, чтобы предупредить, что то, что появится в прессе и в Интернете, может их удивить.

Они знали о твоем свидании с Додой?

Я не спрашиваю у них разрешения, если хочу встретиться с девушкой.

Как они отреагировали?

Смешно. Самым коротким разговор был с Патриком, нашим вторым гитаристом. Всего три слова: «Гонишь! Не верю!» И положил трубку. Я пожал плечами и звонил дальше. Орион на минуту онемел, а потом выдал исконно польское: «Курва!» В конце концов я дозвонился до Збышека. Он слушал, не перебивал, а когда я закончил и ждал такую же реакцию, как у Патрика, он сказал: «Охренительно! Вот это веселая ситуация!» Я не чувствовал негативных эмоций. Их удивляло не то, что я могу появиться на страницах желтой прессы, но то, что я встречаюсь с Додой.

НА ПРИЦЕЛЕ

На следующий день не было ощущения, что на тебя все смотрят?

Нет. Я привык к тому, что кто-то может меня узнать, ведь я выступаю на сцене. Просто ситуация была другой, но очень похожей.

Ваших фотографий появлялось все больше.

Мы с ужасом за этим наблюдали.

Такая жизнь.

Много фотографий было сделано по договоренности?

Ни одной. Я никогда не опускался до того, чтобы договариваться о «случайных» снимках. Я знаю, что это широко распространенная практика у разных звезд и «звездулек», но не пачкаю себя такими вещами. Не ищу славы любой ценой. Папарацци, охотники за знаменитостями, наглые фанаты и таблоиды — это налог, который платят за признание. Мне было на него плевать.

А на различных мероприятиях разве нет договоренностей?

Это другая ситуация. Встречи и фотографии — часть программы. В этом случае, если надо, пусть снимают. В других — я всегда от них убегал. Я чувствую, что эта среда эволюционирует. Не обязательно в правильном направлении. До того как я узнал, как это все работает, был знаком с несколькими папарацци. Это были обычные парни, мне случалось перекинуться с ними парой словечек. Хотя, наверное, я никогда не чувствовал к ним приязни. Если ты решаешься на работу, которая состоит в том, чтобы следить и подглядывать за другими, то, должно быть, есть в тебе что-то ненормальное. Так же, как и я не стану отлавливать бродячих псов, нормальный человек не станет папарацци.

Но и блэк-метал музыкантом тоже.

И это факт.

Как патологический блэкер сосуществовал с патологическими папарацци?

Один парень производил впечатление относительно нормального. Когда я выходил из дома, за огурцами ли, или туалетной бумагой, он здоровался и спрашивал о здоровье. При этом не был особенно нахальным. Просто старался быть приветливым. Как-то раз мы с Доротой выходили из бара, а он стоял и щелкал нас. Мы вышли погулять, поэтому были без машины, сбежать не могли. Он сфотографировал нас, а потом предложил подбросить. Довез до самого дома.

Оказалось, он давнишний фанат метала. В какой-то момент он указал на меня и спросил у Дороты: «А ты знаешь, что он ездил в тур со Slayer?». А она ему: А кто это — Slayer?»

И это не была договоренность?

Нет. Это был уникальный случай. Так вот, эти люди изменились. В худшую сторону. Чем больше мы пытались избежать с ними встречи, тем больше: ни пытались нас сфотографировать. Сначала было легко от них сбегать, потому что большинство из них ездило ну жутких развалюхах. Но когда: дни не могли нас достать, появлялись другие. Да хотя бы ребята в черном BMW. Они выглядели как мафия. И атаковали группой, а не поодиночке. Их всегда было человека три-четыре. Один выходил из машины, прихватив камеру, другой стоял в стороне, на случай, если я нападу на первого или мы с Доротой пойдем в разные стороны. Еще двое ждали в машине на случай, если мы попробуем сбежать.

Это были люди из определенного издательства?

Может быть. Но я думаю, что дело здесь совсем в другом. Их единственный босс — бабло. Делаешь фотографии и продаешь тому, кто больше заплатит.

Жил себе спокойно в своей пещерке, был известен по всему миру, на хлеб тебе хватало… Для чего тебе это было нужно?

Я не просил об этом. Просто хотел встречаться с понравившейся девушкой. И всё. На первых свиданиях я не подозревал, что забираюсь вглубь осиного гнезда.

А если бы знал, сделал бы этот шаг?

Кронос из Venom, один из моих кумиров, на вопрос о том, что бы он хотел изменить в своей жизни, с присущей ему деликатностью ответил: «Да ни хрена!» Вынимая кирпичи из здания, ты рискуешь, потому что нет гарантии, что, даже если только один вытащишь, здание не развалится. У меня нет уверенности, что маленькое изменение, даже принятие другого решения в какой-либо ситуации, не сделает так, что, вместо того чтобы давать интервью, я буду сидеть на диване со старой толстой женой и нянчить избалованных детей. Конечно, Кронос выразил это по-другому, но смысл один и тот же. Я хорошо это запомнил. И я тоже так думаю. Ценю даже самые паршивые события, которые случаются.

Что ты имеешь в виду, говоря о паршивых событиях?

Болезнь, например. В какой-то момент у моих друзей и знакомых появились домыслы, что моя болезнь стала результатом того, что со мной происходило в последние несколько месяцев.

Отношения, иногда очень бурные, медийные атаки, переезд в Варшаву, новая среда. Все это не проходило спокойно и требовало много нервов. Мой организм не выдержал, а результатом стал рак. Я не комментировал этого. И сейчас не задумываюсь.

СРАЖЕНИЯ

Почему ты переехал в Варшаву?

Хотел быть рядом с любимым человеком.

Твоя бывшая девушка, Зуза, тоже жила в столице.

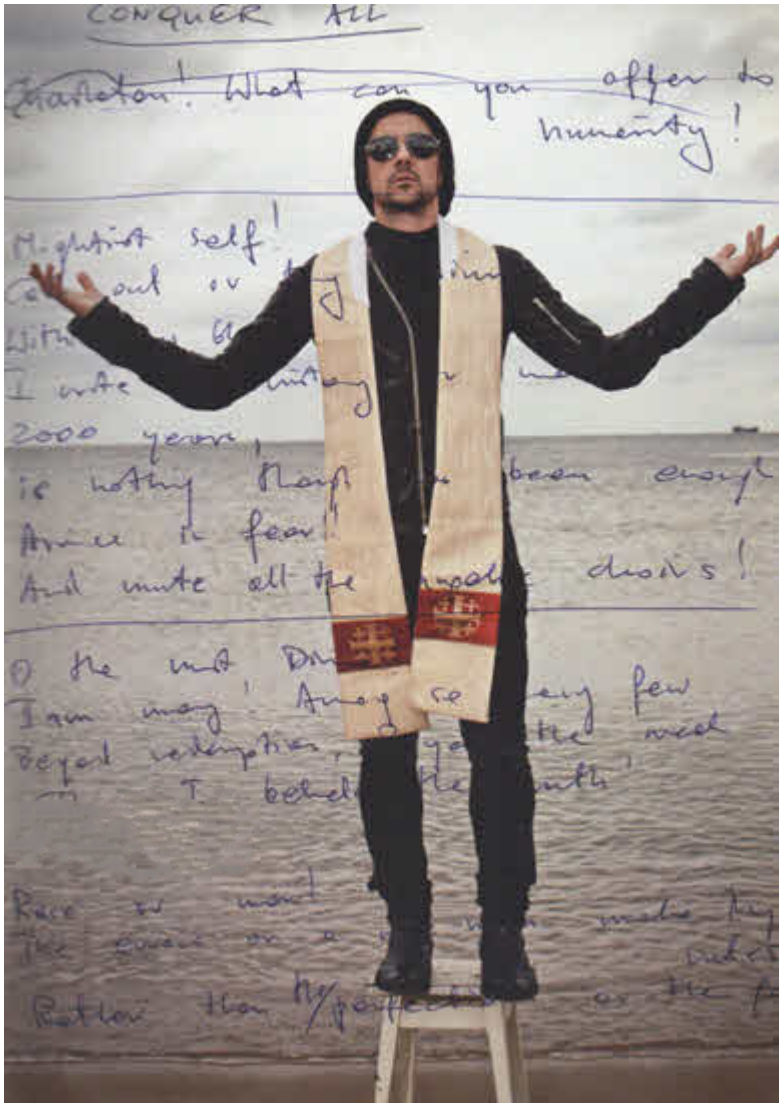
Ситуация была другая, другие были обстоятельства. Тогда я не был готов к подобному шагу. Зуза охотно и часто приезжала в Гданьск. Варшава была для меня местом для встреч и веселья. Там за целый день происходило больше, чем в Гданьске за месяц. Но в то время провинциальная атмосфера Гданьска больше мне подходила. Давала возможность на отдых и восстановление сил. Жить на набережной, выходить на пробежку по пляжу — с этим сложно было расстаться.

Проходит несколько месяцев, ты знакомишься с новой девушкой и почти сразу же сбегаешь от этой гданьской идиллии? Почему?

Дорота появилась в моей жизни как раз в тот момент, когда рутина и дисциплина, которые я сам определил для себя, начали мне надоедать. Я чувствовал себя немного роботом. Я беспокойный, не могу выйти на одну дорогу и ехать по ней всю жизнь. Должна быть своя динамика. Иногда мне нужна стабильность, иногда — шаг в неизвестность. Это мой жизненный цикл. А новые отношения стали импульсом для изменений. Я собрал самые важные вещи: кое-какую одежду, несколько дисков и гитару, после чего сел в машину. И поехал в Варшаву, оставил знакомых, семью, дом — практически все.

Это ты предложил Дороте съехаться?

Я собрался с чувствами и сообщил ей, что хочу, чтобы мы жили вместе. Конечно, мы разговаривали об этом раньше, но без конкретики. Я ждал сигнала с ее стороны. Он не появился, и я сам разыграл эту партию. Она согласилась.


CONQUER ALL
Charleton! What can you offer to
humanity!
2000 years,
Amen

Музыканты Behemoth представляют платиновый DVD Evangelia Heretika.

А с группой ты это обсудил?
Поставил парней перед фактом.

Они были против?
Инферно с присущим ему фатализмом сразу напророчил конец света. Я его успокаивал, говорил, что не перебираюсь на другой конец земли, что всегда могу сесть в машину и через четыре часа быть в Гданьске. Говорил, что есть группы, вокалисты которых живут в Штатах, а гитаристы — в Англии, и у них все получается. Я остался при своем мнении. После переезда мы работали как раньше, может, даже лучше.

Парней не разочаровывало то, что тебя знали в каждом польском доме?
Я всегда был на передовой, а они больше в тылу. Знаешь, гитарист AC/DC, Малкольм Янг завидовал своему брату Ангусу, ведь тот всегда впереди… Я не думаю, что мы соревновались так же, каждый знал свое место. Такие характеры. Збышек, позирующий перед камерой, — это последнее, что я в состоянии представить.

А как они относились к Дороте?

У меня такое впечатление, что они видели в ней только привлекательную девушку, с которой я развлекаюсь. А если кому-то из них что-то не нравилось, то не было ни малейшего намека. Хотя есть один случай, который до сих пор мне кажется глупым. Уже после того как я начал встречаться с Доротой, мы с группой отправились в восьминедельный тур по Штатам. Отношения только начались, над ними нужно было трудиться. Поэтому много времени мы разговаривали по Интернету. Притирались друг к другу, а это означало споры, нервы и, как результат, подавленность. Я был на взводе. Часто выходил на сцену в таком состоянии, и, бывало, срывал на парнях злость. Вся группа должна была меня обходить стороной. Это было нехорошо. Как для них, так и для меня…

А фанаты? Им не мешало, что их идол встречался с поп-звездой?

Вот именно! Дорота была звездой, а не «звездулькой». Я живу согласно услышанной много лет назад максиме: «Полюбить — так королеву, проиграть — так миллион!» Друзья реагировали по-разному, хотя чаще я не встречал открытой враждебности. С юмором если только. Может, один раз получил письмо от парня, который написал, что как только увидел меня с Доротой на обложке какой-то газеты, то сразу сжег все наши альбомы. Мир метала закостенелый, а в некоторых вопросах консервативный, но я могу отметить, что хеви-метал икона Роб Хэлфорд — гей, а со мной тогда какие проблемы?

В Интернете появлялись различные комментарии.

Конечно. Кто-то критиковал меня, а кто-то им отвечал, что если бы Лемми из Motórhead переспал с Бритни Спирс, новости об этом не утихали бы месяцами. Но если говорить серьезно, я не стану такую критику принимать близко к сердцу. Большая часть фанатов Behemoth — мудрые люди. Их не волнует, с кем я встречаюсь или в каких газетах печатаются мои фотографии.

Но есть и такие, которые считают, что обложки таблоидов не место для серьезного музыканта.

Я не пляшу под чужую дудку. И речь идет не только о моей жизни. Я имею в виду и музыку. Когда я пишу, то не думаю о том, что подумают люди. Если бы я так делал, то действительно чувствовал бы себя бабой, а не мужиком.

Не ты первый покинул пещеру блэк-метала.

Я рад, что ты это признаешь.

Satyricon своим выступлением открывали Чемпионат мира по лыжным видам спорта, бывший лидер Gorgoroth покровительствует моде.

Потому что блэк-метал — это прежде всего индивидуальность. Это свобода от ограничений.

В том числе финансовых. Высокий социальный статус за счет предательства идеалов?

Эти бредни об идеалах можешь спустить в унитаз. Проследите эволюцию человечества. Мы жили в пещерах, но вышли из них. Мы шли в лес, чтобы добраться до моря. Мы хотели знать, что находится за этой водой, поэтому строили корабли. Все было подчинено расширению, потому что оно, движимое любопытством, сидит глубоко в нашей природе. Я всегда хотел двигаться дальше и дальше. Моя жизнь — отражение эволюции. Моя музыка тоже. Она основана на преодолении, выходе за рамки и постоянном развитии. Каким образом завоевание может быть подставлением задницы?

Может, направление завоевания неверное?

Behemoth — экстремальная группа, такой и останется, но почему я нс должен делать фотосессии с лучшими фотографами, которые каждый день занимаются модой? Почему наш новый клип не может сделать Патрик Уллаэус, который делает клипы Мадонне и Леди Гаге? Почему книга, над которой мы работаем, нс может быть доступна в любом магазине?

Сейчас ты кажешься раздраженным?

Может, чуть-чуть. Но эта злость подталкивает меня идти дальше. Я повторяю слова Бертрана Рассела: «Каждая великая идея вначале была богохульством». Если есть сопротивление, значит направление выбрано верно. Я хочу поделиться тем, что делаю, поэтому делюсь. Мне любопытен мир, я хочу впитать его. Я смотрю на все как маленький мальчик, с широко открытыми глазами. Иногда задаюсь вопросами, иногда почесываю затылок. Попадаю в разные ситуации. Иногда сначала делаю, а только потом думаю. Иногда обжигаюсь, в другой раз происходит что-то удивительное. Как говорит Лемми: «Pleasure is to play, it makes no difference what you say».

Нергал записывает вокал для альбома Evangelion в студии Radio Gdańsk

Можно познавать по-разному.

Это неважно. Само познание — это ни плохо, ни хорошо. Иногда это приносит радость, иногда слезы. Иногда болезнь, иногда деньги.

Вот именно, деньги.

В моем случае речь не идет об очередном пополнении личного счета, но о ежедневном опыте. Он делает меня богаче. Мне тридцать пять лет, и я думаю, что познал довольно многое. Но у мира всегда есть что предложить. Он бесконечен.

Но в банк тоже есть что положить? На счету достаточно?

Понятно, что все относительно. Деньги — это энергия. Она мне нравится, и мне нравится, когда она у меня есть. Я могу их заработать, но никогда не считал их основной целью. В контексте всей этой медиасуеты, которая началась, когда я встречался с Доротой, вопрос о деньгах является бессмысленным. И тогда, и сейчас основным источником моего дохода была группа. Даже оказавшись среди волков, я не собирался выть по-волчьи. И не выставлял ничего напоказ. Если бы все это дерьмо было для меня важно, я бы не ездил на хонде.

Дорота не глумилась?

Глумилась, еще как. Она считала, что стыдно ездить на такой машине.

Но это же настоящая колесница Люцифера! Черная и блестящая…

Я абсолютно не понимал, в чем дело. Может, в том, что было бы неплохо иметь автомобиль, который стоил бы дороже, чем комплект резины. Я понимаю, что человеку может что-то нравиться, а что-то нет, но как это связано с тратой денег? Меня ее мнение бесило.

И на этой машине ты убегал от папарацци?

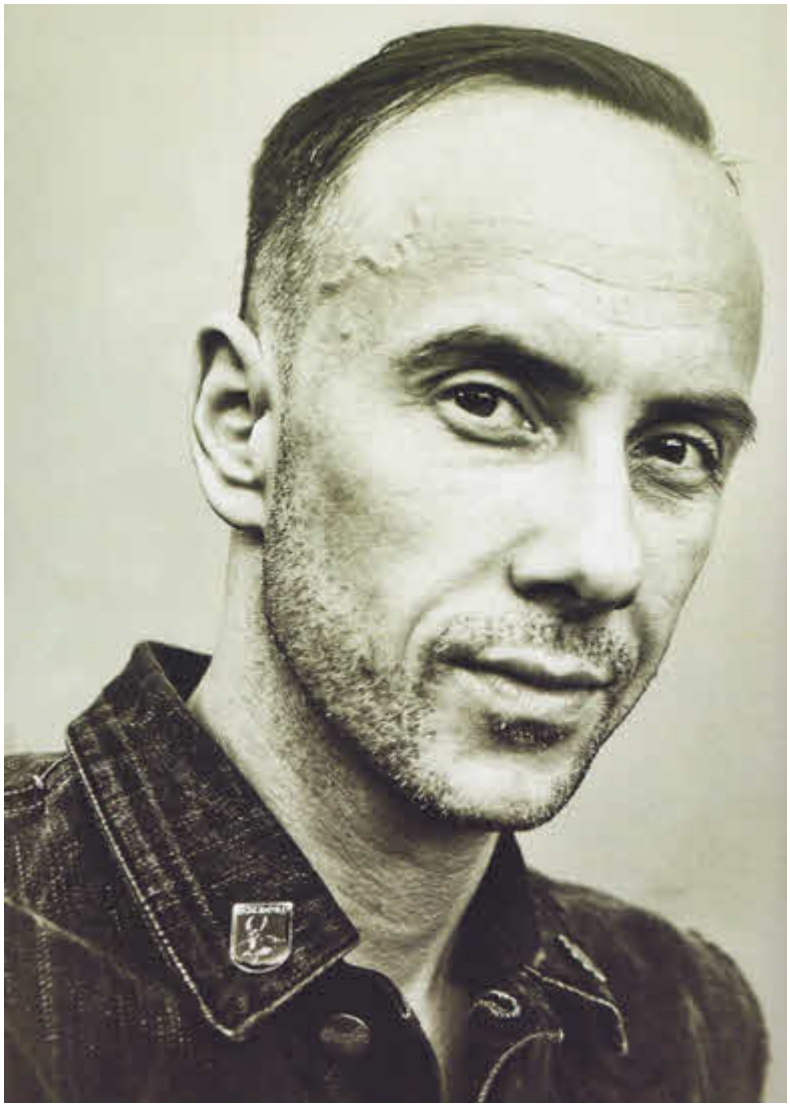
Как-то раз мы ехали через Сопот. Были пробки. Вдруг мы заметили, что за нами едет спортивный BMW. Это были именно те ребята из Варшавы. Они приехали специально, чтобы сфотографировать нас. Помню, что за рулем сидел толстяк с отвратительной ухмылкой на лице. Теоретически, их машина была гепардом, а моя — ослом. И именно тогда Дорота начала шутить: «Ты хочешь от них сбежать на этом металлоломе? Посмотри на их машину!» Я сохранял внешнее спокойствие, хотя внутри все кипело. Если бы кто-то зарисовал ту ситуацию в комиксе, то над моей головой появилась бы тучка, а в ней — черепа, бомбы, гранаты и пулемет. Я хладнокровно совершил несколько опасных маневров, сопровожденных выкриком Дороты: «Что ты вытворяешь?!». Мне удалось обойти несколько машин. Затем я свернул на небольшую улочку, потом проехал на красный и нажал на педаль газа сильнее. Все заняло не больше половины

минуты. BMW уже не было. Оказалось, что от стада баранов можно убежать на «металлоломе». Если хватит смелости, осел может обойти вокруг света.

ЧУЖОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

И как ты на этом осле въехал в столицу?

Это был зоопарк. Но я полюбил его. Варшава могла многое предложить. Чувствовалось, что это настоящий мегаполис, который без проблем может сравниться с Берлином, Москвой или Прагой. Я стал обывателем, мне это нравилось, особенно в самом начале.



Ты скучал по морскому бризу?

Многое надо было начинать с нуля. У меня не было протоптанных тропок. Я пробовал тренироваться на Мокотовском поле[30]. Пробовал создать заменитель моего замкнутого мира, который построил в Гданьске. Тогда я понял, как для меня важен ритм жизни. Я должен был его восстановить, может даже установить заново.

Ты скучал по близким?

Очень. Сначала моя жизнь была довольно ограниченной. Я жил на планете Доды. А рядом была ее свита. Это были разные

люди. Однако с большинством из них я нашел общий язык. И познакомился со многими полезными людьми. Это было хорошо, но…

Но в центре внимания была она?

Да. все вращалось вокруг нее. Я не выбирал роли в наших отношениях. Сейчас мне кажется, что это было ошибкой.

Тебе не хотелось больше независимости?

Дорота, как и я, по натуре завоеватель. Иногда в этой своей черте она бывает очень агрессивной. Она защищает свой мир. Я жил у нее полтора года и ни разу, подчеркиваю, ни разу не включил при ней ни одного диска из моей коллекции. Мою музыку я слушал только в машине и во время тренировки в наушниках. Возвращался на планету Сатаны… Я подсознательно чувствовал, что Дорота никогда не поймет моего мира. Наверное, она даже не старалась.

Ты пытался ее заинтересовать?

Она не спрашивала о моей жизни. Это я задавал вопросы. Хотел понять ее реальность.

А какой стала Дорота сегодня?

Я думаю, что она ко всему относится слишком прагматично. Она любит брать, играть, не задумываясь. Но мне бы не хотелось препарировать ее психику. Это было бы не очень красиво.

А для себя ты ее анализировал?

Я был влюблен. Меня очаровывала чувственность Дороты. В наших отношениях была химия. Все остальное оставалось на втором плане. Я просто думал, что многое со времени сгладится.

Любовь любовью, но последствия ваших отношений стали заметны и в другой плоскости. Ты стал селебрити.

Тот мир был для меня чужим. Да, я появился на нескольких вечеринках, но держал дистанцию. Меня не особенно тянуло к людям, сошедшим с глянцевых страниц. Я не хотел стать таким же, не изменил стиля в одежде, не пытался соответствовать. Не собирался скалиться на каждого и не приклеивал на лицо сверкающей улыбки.

А как другие селебрити реагировали на тебя?

Я не чувствовал себя изгнанным, выпихнутым за занавес, если ты это имеешь в виду. Те люди, в общем, оказались

приятными и доброжелательными.

Зенон Дарений, папа Нергала, получает от имени сына награду, присужденную ему как молодому деятелю культуры Гданьска

Не знаю, было ли это искренне, мне кажется, ими двигало любопытство. Я был метеоритом, который внезапно упал на центральную площадь их деревеньки.

Или дикарем при дворе.

Никто не смотрел на меня сверху вниз. Ринке Руйенс, глава компании Rochstar, подошел ко мне на мероприятии, организованном по случаю открытия новой ветки на телеканале Polsat. Поздоровался, представился, и мы разговорились. Он оказался человеком без предрассудков, приятным и общительным. Впоследствии я не только принял участие в его телевизионной программе, но и подружился с этим человеком. И многими другими. И это было хорошо.

И тебе не хотелось стереть с их лиц натянутую улыбку?

Я не отношусь так к людям. Если кто-то вежливо со мной общается, стараюсь отвечать тем же. Но в моей голове мир селебрити был на втором месте. Работа группы продолжалась отлично, закончив один тур, мы отправлялись в другой. Там были мои люди и моя среда. В Варшаву я возвращался не для вечеринок, а к женщине.

А принимали тебя в этом мире как «парня Доды» или как

лидера наиболее известной металлической польской группы?

Существует стереотип, что метал — это мир, о котором знают только избранные. С этими людьми я был связан и до того, как начал встречаться с Доротой. Я был знаком с Кубой Воеводским, Чеславом Мозилем[31], с Мацеем Маленьчуком[32] до того, как мое лицо стало красной тряпкой на обложках таблоидов. Они знали меня, как Нергала, а не как парня Доды. Behemoth по радио не крутили, но сложно игнорировать результаты продажи наших альбомов. Как первая и единственная польская группа, мы два раза попали на обложку американского Billboard. И, в конце концов, нам вручили национальную музыкальную награду Fryderyk, а *Evangelion* три недели занимал первую строчку в национальном списке самых продаваемых музыкальных а льбомов! Даже гданьские чиновники присудили мне награду как молодому деятелю культуры.

Да. Но — подошла ли к тебе Эльжбета Запендовская, известный преподаватель вокала, со словами: «Пан Адам, ваш последний альбом феноменален, но в четвертой песне, на сороковой секунде, высокую ноту вы немного не дотянули». Так это выглядело?

Я не знаю, нравилась ли им моя музыка; честно говоря, меня это не особо интересовало. И комплексов у меня не было. Они видели, кто я есть. Трудно подорвать музыкальный статус моей группы.

БЛЕСТКИ

Все приятные, улыбчивые, доброжелательные… Ты правда хочешь меня убедить, что так выглядит тот мир?

У него были свои темные стороны. Он слишком искусственный, пластиковый снаружи.

А что под пластиком?

Именно что ничего. Недавно я читал известное эссе Зигмунда Баумана о современных формах коммуникации. Он назвал это словом «блестки», которые не оставляют места реальному общению. Таким был тот мир. Мелочным. Живущим под диктовку прессы, которая его освещает. На первом плане сплетни, клевета, ссоры, фотографии, сделанные втихаря…

У этой прессы есть свои цели.

Потому что скорость нашей жизни нарастает. Заметными остаются только цвет и блеск, а смысла в них все меньше. С обложки может кричать заголовок: «Измена!» Всю страницу занимает фотография. И только внизу мелким шрифтом напечатано несколько слов. Мы покупаем это, потому что такое нас притягивает, но это фастфуд. Мы проглатываем такую еду, но безо всякой пользы.

Тебя эта пестрота не привлекает?

Я иногда нахожу что-то и для себя. Бывает, что меня манит какая-то иллюзия, захватывает, как ребенка, и только по истечении некоторого времени я понимаю, как бесполезна была эта яркая птичка. Но я учусь каждый день. И сегодня я лучше распознаю эти блестки. Эту странную группу людей, которым важно указать на свое присутствие только для того, чтобы на это указать: «Внимание! Вот он я! Посмотрите! Я вымыл ноги! Шок! У меня грудь из лифчика выпала! А вот моя тачка! Мой пес курит травку!» Слишком много восклицаний! Просто херня! И речь даже не о том, что единственной ценной вещью в жизни является просмотр фильмов Бергмана и Феллини или чтение энциклопедии. Мы бы сошли с ума. Мелочи тоже важны, от прозы жизни не сбежишь. Речь идет о равновесии.

Нет ничего удивительного в том, что этого равновесия нет на глянцевых страницах…

Сегодня мир изменился. Мы покупаемся на обычные вещи, которые становятся показателем качества.

Было время, когда и меня эта иллюзия водила за нос. Но не поймите меня неправильно. Время, проведенное с Доротой, те полтора года в Варшаве, я вспоминаю с приятным чувством. Как игру, как науку, одну из самых главных в моей жизни. Меня сделали селебрити. От меня это не зависело. Я встал перед камерой, и она меня полюбила. Иногда меня это смущало, иногда веселило. Если нравится представлять, что я и дальше остаюсь героем той истории — окей. Но в какой-то момент я понял, что могу стать готовой взорваться бомбой, инородным телом, которое мешает кажущейся гармонии того гигантского реалити-шоу.

Но тем не менее ты все еще появляешься на мероприятиях «индустрии» и улыбаешься на камеру.

Если черт смешон, почему бы не посмеяться?

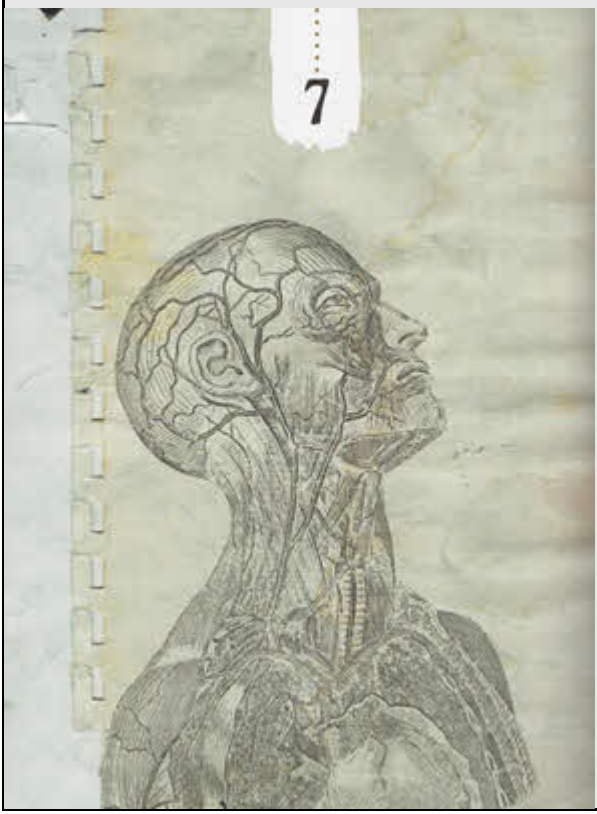
Sharp dressed man. На Аллее Роз в Варшаве во время съемок фильма AmbaSSada режиссера Юлиуша Махульского

Нергал и Эрик из шведской группы Watain. Эта фотография должна была оказаться на обложке журнала Terrorizer.

По независящим от музыкантов причинам на обложке появился только Нергал.

Глава VII

СИЕ ЕСТЬ ТЕЛО МОЕ, СИЕ ЕСТЬ КОСТЬ МОЯ



Для тебя важно твое тело?
Очень.

Заботишься о нем?
Да.

Зачем?
Инстинктивно чувствую потребность. Но это не было воспитано в семье.

Разве твой брат не занимался спортом?

Когда ему было восемнадцать лет, он кололся. Я бы так это назвал. Баловался химией и быстро нарастил мышечную массу. Но ведь речь идет не об этом, верно?

С кого ты брал пример?

Наверное, из фильмов. Тех самых, с Брюсом Ли. Помню, в середине восьмидесятых годов каждый мальчик во дворе хотел быть таким, как он. И у меня появилось две страсти: музыка и боевые искусства. Сначала дзюдо, потом вовинам вьет во дао. Тренировки меня захватили без остатка.

Чего было больше: заботы о здоровье или тщеславия?

Это была и есть золотая середина. Многим мое отношение к телу и к внешнему виду может показаться странным, но я не сумасшедший. Есть люди, которые всю жизнь посвящают тому, чтобы хорошо выглядеть и иметь идеальную фигуру. Специальные диеты, определенные упражнения, самопожертвование… Это не обо мне. Я знаю меру. Это не значит, что мне не нравится чувствовать себя здоровым и сильным и хорошо выглядеть при этом. Мне нравится. Даже очень. По я не перегибаю палку. Я могу нарушить диету, когда только захочу, я могу выпить пива или другой алкогольный напиток, и вообще хорошо выпить.

А когда ты грешишь против своего тела, тебя мучает совесть?

Слишком громко сказано. Это все естественный цикл. Если я на какое-то время прекращаю тренировки, расслабляюсь, то мне не нужно принуждать себя снова начать их. Я просто смотрю в зеркало и вижу, что появилось несколько граммов жира. Тогда я себя не щажу.

Ты в состоянии заметить несколько граммов жира?

Я имею в виду понимание, а не видение. Может и не быть этого жира. Я смотрю на человека целиком. Нельзя тело отделять от психики. Когда ты чувствуешь себя дерьмом, то и выглядишь как дерьмо. Поэтому и говорю, что мои упражнения — это золотая середина.

Но признайся, тебе нравится на себя смотреть. Правда?

Я люблю себя. Считаю, что если ты хочешь любви, то начни с самого себя. Я встречаю людей, которые много говорят о любви, хотят передать ее всему, живому и мертвому, но не в силах

принять свое тело и внешний вид. Здесь что-то не так, тебе не кажется?

Ты свое любишь безусловно?

Я знаю о его недостатках. Хотя «недостатки» — это плохое слово, потому что оно предполагает наличие какого-то идеала, но этот идеал существует только в нашей голове. Я имею в виду ограничения. О них я знаю. Но также у меня есть твердая решимость преодолеть их.

Может, ты неправильно выбрал профессию?
Ты не хотел стать спортсменом?

Я мог бы стать спортсменом. В некотором смысле я им являюсь. Я бегаю и делаю упражнения. Наша музыка экстремальна не только в названии. Концерт Behemoth требует огромных усилий. Настоящий марафон.

Рок-н-ролл ассоциируется у людей с чем-то иным.

Как и спорт не ассоциируется с алкоголем, но посмотри на польских футболистов…

Наш концерт — это бег с барьерами с гитарой за плечами продолжительностью больше часа. Можно сбросить пару килограммов. Это серьезный вызов, и с каждым годом все сложнее его принимать. Вот что принуждает меня к тренировкам. Есть у людей такая тенденция: чем старше они становятся, тем сильнее они чувствуют немощь собственного тела и тем сильнее стараются себя побаловать. И распускаются. Я же делаю наоборот.

А здоровье для тебя важно?

Очень, но я говорю о том, что человек — это целостность. Здоровье, психика, внешний вид — элементы одной загадки. В здоровом теле здоровый дух. Может, это банальное и избитое заявление, но такова правда.

В детстве ты часто болел?

Часто, но это не были серьезные заболевания. Я страдал от хронической ангины и проблем с горлом. Сегодня мне это часто мешает.

Ты волнуешься, если что-то не так?

Когда-то волновался меньше. Со временем во мне стал расти маленький ипохондрик. Он все время сидит внутри.

Ты выдумываешь себе болезни?

Скорее, я обращаю внимание на существующие заболевания, пусть и незначительные. Небольшая инфекция, переохлаждение, аллергия — все это влияет на мое настроение. Некоторые люди реагируют на это по-другому. Они выпивают лекарство и забывают о болезни. Я так не могу. К сожалению. любая проблема со здоровьем доводит меня до сумасшествия. Хотя, может, это и хорошо. Если бы не этот маленький внутренний ипохондрик, наверное, я не сидел бы перед тобой и не отвечал на вопросы.

Тебя спас твой пунктик по поводу здоровья? Ты веришь в это?

Порой я думаю, что это спасло меня от смерти, а порой — что будь я на самом деле сознательным, нс игнорировал бы первые симптомы болезни. Наверное, мне пошло на пользу то, что я не играл со своим здоровьем.

Есть те, кто играл, но дожил до глубокой старости.

У каждого своя дорога. Я не хочу это оценивать. Есть люди, которые ходят по краю, а в старости чувствуют себя прекрасно. Посмотрите на Кита Ричардса из The Rolling Stones. Если верить его автобиографии, то нормальный человек должен иметь как минимум двадцать жизней, как в компьютерной игре, чтобы пережить то, что пережил он. Это везение. Он отличный парень. Он мне нравится. Это всего лишь вопрос осведомленности. Я знаю свое тело и знаю, как с ним поступать. Парни из группы на протяжении многих лет надо мной потешаются: «Нахрена тебе эти йогурты и тренировки?»

Но все равно, ты заболел лейкемией, и тебе действительно «нахрен не были нужны эти йогурты и тренировки»?

Даже тогда, когда на меня свалилось все это, а сам я свалился в больницу, врачи получили кусок хорошего и действительно безупречного мяса. Если бы можно было повернуть время вспять, я бы ничего не изменил. Хотя я понимаю, что здоровье — это лотерея. Когда я был в больнице, со мной лежали и спортсмены, и пьяницы, лежал двенадцатилетний мальчик и семидесятилетний старик. Откуда у тех людей взялись болячки? Неизвестно. Врачи только пожимали плечами. Говорили, что среди людей в возрасте тридцати лет настоящая вспышка заболеваемости. Мы поколение Чернобыля.

Тебя не пугает это их неведение?

Иногда я думаю, что вся моя жизнь вела к тому, что я

оказался в больнице. Но и к тому, что я справился с болезнью. Воздух, которым я дышал, стресс, переезд в Варшаву, медиагонки, а с другой стороны — мой характер, мировоззрение и поведение. Все это имело значение. Эффект бабочки. Насекомое на каком-нибудь тропическом острове взмахнет крыльями и вызовет торнадо на другом конце земли. Жаль тратить время на анализ. Все это просто случилось.

ВНАЧАЛЕ БЫЛИ РОГА

С чего все началось?

Первым появилось ощущение, или какое-то внутреннее убеждение, что что-то не в порядке.

Ты сразу понял, что это серьезно?

И да, и нет. Если на протяжении нескольких недель — а именно так и было — что-то происходит, а ты чувствуешь себя хуже и хуже, становится ясно, что это не грипп. С другой стороны, я боролся с интуицией. Во всяком случае, мое окружение боролось.

Каким образом?

Это было после концерта в Познани, где-то в конце июля — начале августа 2010 года. Вместе с Дорогой, нашим басистом Орионом и его тогдашней девушкой, Касей, мы пошли пообедать. Я рассказывал им о своих симптомах, а они из лучших побуждений старались меня переубедить. Говорили, что я слишком мнительный и просто себя накручиваю.

Кася рассказала мне о ситуации, в которой оказалась несколько лет назад. Она попала в больницу, чувствовала себя трупом. Врачи ее обследовали и… отправили домой, чтобы она не занимала место, необходимое по-настоящему больным людям. Оказалось, что во всем виноваты нервы. Девушка, как только это услышала, сразу пришла в себя. Все считали, что и со мной происходит подобное.

Они переубедили тебя?

Мне хотелось им верить.

Какие были симптомы?

Все началось с небольшой шишки. Она выросла за несколько недель. Сейчас это может казаться смешным, но у меня на голове вырос рог. Такая странная выпуклость под кожей. Я даже не знаю,

как это точно выглядело, потому что он был закрыт волосами. В общем, оно было твердое и выпуклое. Как будто кто-то вживил мне туда пуговицу. Сначала я думал, что это киста, воспаление сальной железы или что-то в этом роде. Я надеялся, что она быстро пройдет. Но она не проходила.

Что еще хуже, через несколько дней с другой стороны у меня вырос еще один рог. Я продолжал смеяться над этим. Но вскоре завертелось. Такие бугорки стали появляться один за другим. Их не было видно, я никому о них не рассказывал, считая всего лишь кожным заболеванием. Меня это не беспокоило, потому что в общем я чувствовал себя хорошо. Я проигнорировал эти шишки и отправился в тур по Европе. Мы играли с Decapitated. Но тогда появились и другие симптомы болезни.

Какие?

Революция в желудке, постоянная диарея и унитаз, разукрашенный во все цвета радуги.

Такое бывает в турах.

Поэтому и эти симптомы я проигнорировал. По крайней мере вначале. Я не связал факты воедино.

Когда зажглась сигнальная лампочка?

Через три недели мне стало неспокойно. Сразу по окончании тура у нас с Доротой был запланирован отдых в Греции, я не хотел, чтобы его что-то испортило. Но до этого меня ждал еще один крупный фестиваль в Чехии — Masters of Rock. Перед выездом я пошел к дерматологу. Подумал, что он посмотрит на мою голову, усмехнется и пропишет лекарство, которое за неделю поставит меня на ноги. Он выписал мне антибиотики, но предупредил, что в жизни ничего подобного на голове не видел, поэтому действует наугад.

Но антибиотики ты принимал?

Принимал. Мы поехали в Чехию… и там появились следующие симптомы. Я забрался в автобус, на котором мы ехали на концерт, и сразу почувствовал слабость. Появились проблемы с дыханием. Я снова свалил все на стресс и духоту. Раньше у меня были подобные приступы. Я к ним привык. Однажды даже сбежал из больницы, чтобы отыграть тур.

МУЗЫКА ЛЕЧИТ

Неужели?

Это произошло несколько лет назад.

Давай вернемся в то время.

Это был год 2001-й. Нам удалось договориться о двух турах подряд. Мы не были известной группой, считали это серьезным вызовом. Но за неделю до того, как начинался тур, мы должны были отыграть еще два концерта: в Португалии и в Испании. Это была сумасшедшая поездка. Мы провели в автобусе тридцать пять часов, ехали практически без остановок. Отыграли концерт, на следующий день — еще один и сразу же вернулись в Польшу. И тогда началось.

Проблемы с дыханием?

И это тоже, но в основном с сердцем. Оно начало жить своей жизнью и стучать как вздумается. Я это игнорировал, но проходил день, второй, третий, я был уже в Польше, через несколько часов должен был выехать в большой тур, а болезненное состояние не проходило. В субботу мы должны были начать завоевание Европы. В пятницу я сдался и отправился в больницу. Меня положили под капельницу.

Может, во всем виноваты нервы?

Трудно сказать. Я знаю только окончательный диагноз. Врачи сказали, что у меня аритмия. Я чувствовал себя разбитым. Дело было не в здоровье, а в ответственности. Мой мозг кипел. В группе заменить меня было некем. Без меня в тур парни не поедут. Для всей команды это станет ударом, финансовой катастрофой. Я взвешивал за и против. Врачи все ясно изложили: необходимо по меньшей мере три дня наблюдения. Позже, в зависимости от его результатов, либо выписывали меня, либо нет. Я начал сходить с ума. Звонил всем и отменял концерты. Часом позже подтверждал их, боролся с самим собой, разговаривал с парнями…

На снимке группа вместе с Петром Гузиком, знакомым хирургом, который убедил Нергала как можно скорее сделать анализ крови. Адам также консультировался с ним по телефону во время отдыха в Греции. Помощь этого человека неоценима.

А они?

Большинство повело себя так, как я бы себя повел. Поддерживали и интересовались самочувствием, убеждали, что отмена тура не конец света. Они понимали.

Однако ты сказал «большинство».

Novy, наш тогдашний басист, очень меня удивил. Спросил, что я себе вообразил, и заявил о конкретной сумме в евро, которую он должен был заработать в туре. Это было неприятно.

Недолго с вами играл…

Да, но не та ситуация перевесила чашу весов. Я сделал выводы и запомнил то, что должен был запомнить.

Но он выиграл спор. Ты сам сказал, что сбежал из больницы.

Но это было мое решение. Я принял его именно потому, что остальная часть группы меня поддерживала и понимала. Поставил себя на их место, и глупость окончательно победила. Врачам сказал, что еду думой за вещами. Вечером должен был вернуться. Естественно, в больнице я больше не появился. Вышел

из нее, и только меня и видели.

Сегодня ты бы сделал так?

Я не знаю. Бывало, что меня что-то беспокоило. Грипп, позвоночник, горло. Но концертов я не отменял. The show must go on. Врачи есть везде. Играли ли мы в Кракове, или в Берлине, или на другом конце мира — я всегда знал, что если мне станет плохо, то я найду специалиста, заплачу ему, а он поставит меня на ноги.

И после того как ты сбежал из больницы, кто-то поставил тебя на ноги?

Нет. Сначала я берегся. Не пил, сразу после концерта шел спать. Что-то было не так, но постепенно приходило в норму. Со временем я поставил сам себе диагноз. Понял, что это нервы, смирился с этой мыслью и игнорировал симптомы. После половины тура я и не помнил, что со мной было.

ЧЕШСКОЕ КИНО

Летом 2010 года ты думал, что происходит то же самое?

Да. Мы тогда поехали на фестиваль в Чехию. Когда уже были на месте, мне стало плохо. Я подумал, что это из-за волнения. Но когда закончилось выступление, у меня моментально поднялась температура. Наверное, тогда до меня дошло, что происходит что-то нехорошее. Я поверил фактам. Температура, странные уплотнения на голове, понос, увеличенные лимфатические узлы на шее… На концерт приехал мой знакомый хирург. Осмотрел меня и посоветовал срочно сделать анализ крови.

Ты послушался его совета?

Не было времени. После концерта была назначена автограф-сессия. Орион, видя, в каком я состоянии, не хотел, чтобы я шел, но я заупрямился и отправился на встречу с фанатами. Она длилась полтора часа. После я был настолько вымотан, что единственное, что был в состоянии сделать, — это забраться в автобус и заснуть.

Заснул?

Не сразу. Я сильно вспотел. Еще ночью мы выехали обратно в Польшу. На первой автозаправке я вышел за аспирином. Принял сразу две таблетки и только тогда заснул. Проснулся уже в Варшаве. На врача не было времени, через несколько часов у нас

был самолет в Грецию.

Ты полетел?

Да. Было плохо. Я уже понял, что антибиотики, выписанные мне врачом, не помогают. Через несколько дней перестал их принимать. Еще я постоянно потел.

В Греции летом довольно жарко…

Я думал так же, тем более Дорота ненавидит кондиционеры, мы вообще его не включали. Но я бывал в тропических странах, и до меня быстро дошло, что если человек просыпается весь в поту, то не в жаре проблема. Тревожные звоночки звучали со всех сторон. Проблемы с дыханием продолжались. Я пробовал плавать в бассейне. Обычно я довольно долго могу плавать без одышки, тогда же был не в состоянии переплыть бассейн даже раз.

После нескольких резких движений я хрипел. Когда засыпал, мои легкие издавали странный свист, словно что-то мешало дыханию. Дорота смеялась над этим. Передразнивала меня… Наверное, она старалась меня развеселить, недооценивая симптомы и превращая все в шутку. Частично ей это удавалось, но беспокойство росло во мне каждый день.

И где-то в глубине сознания появилось слово «рак»?

Наверное… Наверное, как только я произнес его вслух. Я спросил у Дороты, что будет, если окажется, что у меня опухоль.

И что же?

«Ну что ты, не сходи с ума», — услышал в ответ.

Ты не думал, что надо бросить все, вернуться домой и пройти обследование?

Нет. Я уже не игнорировал симптомов, хотя пренебрегал ими. Но начал чаще звонить знакомым-врачам. Установил с ними горячую линию.

Что это тебе дало?

Все сошлись на одном: без анализа крови двигаться некуда.

Это немного.

Немного, но что можно было сделать? В конце концов, нам удалось отправиться вместе в отпуск. Я старался строить хорошую мину при плохой игре. Не хотелось портить Дороте отдых, да и мне самому нужно было отдохнуть от работы. Помнится, появилась тогда мысль, что все симптомы: кожные

изменения, температура и понос — не что иное, как результат заражения какой-то тропической инфекцией. Это не было смертельным приговором и отлично объясняло мое состояние. Я анализировал прошедшие месяцы. Я ведь был в Японии, в Австралии, в Таиланде…

Именно Таиланд был самым важным пунктом в моих рассуждениях. Я вспоминал, как, вернувшись оттуда, моя тогдашняя девушка заболела. У нее на руках появились странные узоры. Оказалось, она подхватила какого-то паразита. Я думал, что со мной произошло то же самое. Этой версии и придерживался до самого возвращения. Собирался пойти в Институт морской и тропической медицины в Гдыне.

Отправился туда сразу после приземления?

Нет. У меня были обязательства. Нужно было отыграть еще два концерта. Сначала вместе с Мацеем Маленьчуком я должен был выступить на концерте в Познани. Потом Behemoth должны были играть на Castle Party. Но для меня уже было место в больнице, и я знал, что проведу там по крайней мере несколько дней. Я был в этом уверен.

КРИЗИС

Те концерты были так важны для тебя?

Если бы я знал, что болен, то отказался бы от них. Но я не знал, и они были для меня важны. Анджей Смолик, прекрасный польский музыкант-мультиинструменталист, подготовил интересную авангардную версию *Lucifer*. Из этого вышел больше театральный спектакль, чем концерт. И, в конце концов, давай не будем врать, если кто-то предлагает тебе пятнадцать тысяч злотых за восьмиминутное выступление, ты не откажешься.

A Castle Party?

Там мы играли на день позже. И были хедлайнерами. Я действительно хотел там выступить. Концерт Behemoth на готическом фестивале был демонстрацией силы.

Тебе не нравится готик-метал?

Нравится, особенно Fields of the Nephilim и The Sisters of Mercy, но это другой случай. Castle Party — это оборки и воланы. Не перевариваю этой эстетики. Это смотрится вычурно. В любом случае наше выступление должно было быть впечатляющим. Со сцены должно было лететь черное конфетти, приехали девушки,

которые танцевали с огнем. Должно было быть сильно.

Было?

Я скажу так: в таком состоянии никогда раньше не выступал и надеюсь, что не буду. На протяжении всего концерта я притворялся. Глотал слова, обрывал концовки, отходил от микрофона и не пел целые фразы. Я был напуган. Не мог дышать. И считал минуты до конца выступления. Кроме того, публика нас не оценила. Я думаю, мы оказались для них слишком брутальными. Это было очень странное выступление.

Для чего ты вообще вышел на сцену?

Я правда чувствовал себя слабо, это факт, но перед самым концертом принял псевдоэфедрин, который на какое-то время зарядил меня. Мне казалось, что все преодолею. В итоге я выпил пол-аптечки нашего тур-менеджера. Он был болен астмой и держал полный арсенал облегчающих дыхание средств. Я пользовался его ингаляторами.

Еще перед концертом ты не мог отдышаться?

Castle Party, как подсказывает название, проходил в замке. Чтобы там выступить, нужно было сначала взобраться на вал. Это небольшое расстояние тогда для меня стало серьезным препятствием. Каждую минуту я задыхался. Чтобы забраться на вершину, мне было необходимо несколько передышек. Каждый раз я останавливался на пару минут и приходил в себя. Наверное, я продолжал себя обманывать, потому что раньше, как я и говорил, из-за стресса у меня были проблемы с дыханием. Я все время убеждал себя, что некоторые симптомы просто выдумал.

Я знал, что болен, быть может, болен серьезно, но мне казалось, что моя психика много к этому состоянию добавляет. В конечном итоге все над этим смеялись. Это происходило как раз через день после нашего совместного обеда с Доротой, Орионом и его девушкой, на котором все убеждали меня, что я впадаю в истерику. Они не принимали этого всерьез. Но когда мы ехали на фестиваль, мои лимфатические узлы увеличились до размеров шарика от пинг-понга. До-рота, чтобы меня развеселить, целовала их и кусала. Наверное, только после концерта, в отеле, до всех дошло, что это не моя психика, а мое тело.

И что случилось потом?

Ничего особенного, но, должно быть, я выглядел как кусок дерьма, потому что Орион и Инферно вытащили меня из номера и заявили, что мы не отыграем ни одного концерта, вообще

остановим любую деятельность, пока я не пройду полное обследование и лечение. Они были решительны и на самом деле взволнованны.

Какой был план?

Я согласился. Рано утром мы должны были ехать в Труймясто, а через день я уже должен был лечь в больницу. Все устроил Рафаэль, брат Дороты. Той ночью я спал не больше четырех часов. Весь измучался. Ужасался при мысли, что должен буду ехать за рулем через всю страну. Сам не знаю, как мне это удалось; сейчас я помню это словно сквозь туман. На самом деле, в памяти возникают только разные смешные эпизоды…

Странно, что сейчас, когда тебя спрашивают о том дне, ты вспоминаешь хорошее.

В этом весь я. Могу зациклиться на какой-нибудь ерунде, беспокоиться о мелочах, но если происходит что-то действительно серьезное, я ищу позитива. Перебираю оптимистические сценарии развития событий.

И с таким оптимизмом ты лег в больницу?

В Гданьск мы приехали вечером. Мне пришло сообщение от брата, который на несколько дней приехал в Польшу. Хотел увидеться хотя бы ненадолго. Кажется, он возвращался в Испанию как раз в тот день, когда я должен был лечь в больницу. Я уклонялся от встречи, по крайней мере пытался. И уже собирался выходить из квартиры, когда раздался звонок в дверь. Павел не сдался и решил сделать мне сюрприз. Приехал с детьми. Я отвел его в сторону и кратко, как в телеграмме, рассказал, в чем дело; попросил, чтобы не говорил родителям.

Они ни о чем не знали?

Я не хотел их волновать. Павел обещал быть нем как рыба. Сказал, что будет держать за меня кулаки, и мы попрощались. Позже, наконец, я поехал в больницу.

ЕСЛИ Я ПОЙДУ И ДОЛИНОЮ СМЕРТНОЙ ТЕНИ,

НЕ УБОЮСЬ ЗЛА[33]

Что сказал врач, когда увидел тебя?

«Раздевайтесь, мы возьмем анализ крови и сделаем рентген». Обычные процедуры. Еще он заметил, что у меня проблемы с

дыханием, поэтому подключил меня к кислороду.

Он оставил тебя в больнице?

Да, три дня подряд проводил обследование и различные тесты.

Врачи предполагали, чем ты можешь быть болен?

Не хотели меня волновать. Об их подозрениях я узнал случайно, увидел сообщение, которое Рафаэль отправил Дороте. Речь шла о трех вариантах диагноза. То сообщение меня заморозило, хотя все начиналось неплохо. Первым в списке был туберкулез. Два-три месяца в больнице и домой. Я думал, что это не самый худший вариант. Дальше было хуже, потому что врачи подозревали, что у меня может быть лимфома или ВИЧ. Когда я прочитал эти последние три буквы, мне стало плохо. Перед глазами пронеслись все сексуальные приключения прошлых лет. Сколько себя помню, я всегда старался быть осторожным. Наверное, у меня никогда не было случайного секса, без презерватива. В голове вертелась только одна мысль: «Все что угодно, только не ВИЧ».

Когда ты узнал окончательный диагноз?

Через три дня меня перевели в другую больницу, в Гданьскую медицинскую академию, в отделение гематологии. Мне не сказали, что у меня рак, но я догадался. Сам сделал выводы. Уже там провели несколько дополнительных анализов и в конце концов у моей кровати появился врач.

«У вас лейкемия».

Именно так и сказал. Ничего больше. И отдал мне карту с результатами анализов. Я подождал, пока он выйдет, а потом заплакал. Со мной в палате была Дорота. У нее тоже потекли слезы. Время шло — одна, две, три минуты. Появилось огромное, всепоглощающее чувство бессилия.

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ ПОСЛЕ ПОСТАНОВКИ ДИАГНОЗА. На голове Нергада хорошо видны небольшие уплотнения.

А ты вообще знал, что такое лейкемия?

Не имел понятия. Нет, я, конечно, знал, что есть такое заболевание, и знал, что оно опасно, может быть смертельно, но это все. Я вытер слезы, схватил телефон и начал обзванивать знакомых врачей. Вопрос был краток: «Что такое лейкемия и как с ней справиться?»

И?

И я понял, что меня ждет многомесячная битва.

С чего ты ее начал?

Это покажется странным, но я попросил брата Дороты, чтобы он привез мне машинку для стрижки. Подумал, раз уж я отправляюсь на войну, то стрижка у меня тоже должна быть

военная. Я сбрил волосы, оставив только полоску посередине головы. Я был готов. Мог начать изучать противника.

Что ты узнал?

То, что у меня лимфобластный лейкоз. Очень агрессивный, но его легче преодолеть, чем миелобластный. Он не развивался в скрытой форме, а проявился сразу.

Ты не упрекал себя в том, что так долго откладывал визит в больницу?

События развивались на протяжении всего нескольких недель. Кроме того, я спросил врачей, могла ли моя быстрая реакция что-то изменить. Услышал, что нет, хотя мое состояние было относительно тяжелым. Наверное, без немедленного медицинского вмешательства я прожил бы месяц или два. В моих легких скопилось около полутора литров жидкости. Именно она провоцировала проблемы с дыханием.

Откуда она там взялась?

Жидкость может появиться в легких. Не в таких количествах, но бывает. Но она из них выводится. У меня что-то — как оказалось, диффузная опухоль — мешало этому. Мне поставили дренаж, сделали в боку дырки. Как у Иисуса. Только сделали это не копьем, а специальной трубкой. В течение двух дней оттуда сочилась отвратительная желто-красная жидкость. Сейчас, смотря в зеркало, я вижу эти шрамы и еще два других, от центрального венозного катетера, и улыбаюсь. Благодаря этим ранам я выжил. Это мои стигматы. Шрам от дренажа напоминает мне о первой выигранной битве. Когда жидкость была откачана из легких, я впервые за многие дни дышал полной грудью. Почувствовал себя сильнее и мог сражаться дальше.

Родителям, в конце концов, рассказал обо всем?

Сначала я позвонил отцу. Подробно описал ситуацию и попросил, чтобы он деликатно подготовил ко всему маму. Мама — очень впечатлительный человек, иногда мне кажется, что у нес психическая организация маленькой девочки.

Как она отреагировала?

Лучше, чем можно представить. Когда родители появились у моей кровати, то на самом деле меня удивили. В их отношении не было излишнего драматизма. И мне нужны были не их слезы, но поддержка. И именно ее они мне дали. Очень зрело отреагировали.

Когда мы говорили о времени ожидания диагноза, ты был напряжен; теперь, когда мы говорим о времени в больнице, ты расслаблен. Странно.

Это отражает состояние моей нервной системы в те моменты. Когда я узнал врага, перестал паниковать и пришел в себя. Диагноз стал ударом, но чувство беспомощности и отчаяние быстро прошли. Я знал, с чем мне предстоит встретиться лицом к лицу. Если идешь через чащу и видишь, что кто-то скрывается во тьме, то паникуешь, но как только увидишь противника в свете фонаря, то раздумываешь над стратегией и над тем, как будешь сражаться. Мне нравится бороться, играть, поэтому я рассматривал болезнь как игру, как партию в шахматы.

Со смертью. У тебя не было моментов сомнения, моментов, когда ты просто боялся, что получишь от нее по полной?

Конечно, были. В моем отделении лежал один старик, ему было лет шестьдесят пять. Мы звали его Янковским, потому что внешне напоминал известного гданьского прелата. Это был самый позитивный человек в больнице. Он сыпал шутками, поднимал всем боевой дух. У него у самого был рак, но никто бы нс сказал, что его что-то беспокоит. Потом его положили в больничный бокс. Я возвращался с прогулки, когда он постучал в стекло и попросил меня подойти. Спросил, как я чувствую себя после первого сеанса химиотерапии. Пожелал мне всего хорошего, и… тогда я видел его в последний раз. Через два дня он умер. Это был один из первых моментов, когда появилась мысль, что и со мной может произойти всякое. В последующие недели таких моментов было больше. Тогда я познакомился со многими людьми, которых сейчас уже нет в живых.

Это не сломило твоего оптимизма?

Говорят, что отношение к болезни может иметь ключевое значение. Не знаю, правда ли это, но думаю, что так оно и есть. Даже если у меня и были моменты сомнения, то я старался отогнать от себя плохие мысли. Я нс хотел умирать. Это было мое кредо. Я не соглашался с тем, что моя жизнь может быть прервана. У меня было слишком много дел, которые надо сделать.

Каким было лечение?

Я называл это «сброс напалма». Так ласково. Понадобилось несколько дней, чтобы определиться с лечением. Наиболее

важные решения принимал профессор Анджсй Гельман, ординатор клиники. Именно он предоставил мне вначале два варианта на выбор. Он много о них рассказывал, но это было не по мне. До меня дошло только то, что один из них — достаточно сильная химиотерапия, а второй — еще больший хардкор.

Ты должен был сам решиться на один из них?

Я не стал рассуждать долго. Мне в жизни не нужны полумеры, поэтому я выбрал второй вариант — радикальный. Лейкемия атаковала меня быстро и брутально, я знал, что должен отплатить ей тем же.

Ты не боялся, что не выдержишь этого?

Нет, наверное. Я чувствовал себя лучше, гораздо лучше. Стратегия тотальной войны с раком оказалась даже захватывающей. Все было пропитано военными метафорами. Это была не больница, а линия фронта, а я был в окопе. Дороги назад не было. Я действовал, как написано в книге «Искусство войны» Сунь Цзы: «Если знаешь врага и знаешь себя, твоя победа несомненна».

Сколько химиотерапий ты пережил?

Перед облучением два полных цикла, или четыре сеанса, химии. Позже стандартно — еще один перед трансплантацией.

Как ты себя после них чувствовал? Было тяжело?

Сначала было плохо. Я сгибался пополам, в буквальном смысле. Помню, что через несколько дней был настолько слаб, что совсем не мог выпрямиться. Я чувствовал себя полностью бессильным, все время лежал. Но самой большой проблемой была рвота, а точнее ее отсутствие. Несколькими годами ранее я чуть не умер, подавившись собственной блевотиной…

Очень роковая смерть…

Бон Скотт так умер. Джимми Хендрикс тоже. В моем случае я был близок к этому. Это было после последнего концерта из тура в поддержку альбома *Demigod.* Мы играли в Гдыне, в клубе Ucho. После концерта, естественно, была вечеринка. Я не много выпил, но опрокинул несколько бокалов отвертки. Домой приехал около двух часов ночи. И сразу пошел спать. В пять часов проснулся от чувства тошноты. Я жил один. Дотащился до туалета и стандартно сунул два пальца в рот. Проблема в том, что содержимое желудка не достигло гортани, а застряло и забило пищевод. Дыхание перехватило, глаза вылезли из орбит, а я упал

на пол. Через несколько секунд, может, через минуту, я уже прощался с жизнью. В конце концов, что-то сдвинулось и я начал возвращаться в этот мир, дыхание медленно восстановилось. С того раза я просто не могу блевать. Физически. Это травма.

Тебя ни разу не вырвало после химиотерапии?

Ни разу. Удалось. Конечно, не без помощи космических доз противорвотных препаратов, о которых я почти умолял врачей. Мне повезло, что на меня они действовали, а вокруг было немало людей, которым они не помогали. Они блевали, как коты при смерти.

Другие «развлечения» тебя минули?

По-разному бывало. Бывали ночи, когда я бредил и мне являлись какие-то странные видения. Вероятно, препараты так действовали. Случались моменты непривычной ясности мысли, почти озарения. Мне хотелось взять тетрадь и записать все, что вертелось в голове. Но я был очень слаб. Измотан. Самым худшим была химиотерапия, побочным эффектом которой было разрушение слизистой оболочки полости рта. У большинства пациентов все заканчивалось израненными деснами, кровотечением и отсутствием возможности нормального приема пищи. Тогда их кормили внутривенно. Перед тем как броситься в омут прикладной химии, я разговаривал с людьми, которые уже пережили все это. Кто-то из них дал мне ценный совет: класть в рот и рассасывать кусочек льда.

Сработало?

Видимо так, потому что я прошел через это лечение более-менее нормально. У меня возле кровати стоял полный термос, а во рту всегда был кусочек льда. Я рассасывал его постоянно, без остановки. Когда один таял, я выплевывал остатки и клал другой.

Против выпадения волос способов не было?

О нет. Волосы полностью исчезли по всему телу. Я чувствовал себя очень странно. Весь белый, без волос на лице, как младенец-переросток. Я подслушал разговор двух медсестер. Они пересматривали мои документы, и вдруг одна удивленно посмотрела на другую и, указав на меня, спросила: «Этому парню тридцать четыре года?»

Нельзя было не заметить, что ты выглядел очень необычно.

Я сам на себя смотрел с большим удивлением. Но и с

интересом. Было что-то захватывающее в метаморфозе, которой я подвергался. Это было мое тело, но вместе с тем не до конца мое. Я старался смотреть на себя как на участника необычного эксперимента, подопытного кролика. Я не чувствовал отвращения, когда смотрел в зеркало. Присматривался к себе.

Держался на расстоянии?

Можно и так сказать. Кроме того, я стараюсь всегда смотреть на себя со стороны, это облегчает жизнь. Борьбу с болезнью тоже.

Фотографии того периода не попали в желтую прессу. Папарацци смотали удочки?

Гиены тянутся к падали. Как минимум три раза меня сфотографировали. Но эти фотографии нигде не засветились. Сам не знаю почему, но не могу обвинять редакторов польских таблоидов в заторможенности.

Каким образом папарацци удалось тебя щелкнуть?

Это долгая история.

Рассказывай.

Когда я попал в больницу, началось настоящее сумасшествие. Как только информация о моей болезни попала в прессу, у дверей больницы выстроилась очередь из угрюмых типов с фотоаппаратами. В течение нескольких дней они ограничивались погоней за Доротой. Щелкали, когда она входила в больницу, щелкали, когда выходила. Со временем им надоело это занятие, и они начали охоту на меня.

Они пытались добраться до отделения, где ты лежал?

Они ворвались туда силой. Оскорбляли персонал. Несколько медсестер встали у них на пути, поэтому папарацци начали с ними перебранку. Я был так взбешен, что хотел выйти из палаты и сам надавать по морде этим болванам. Это был момент, когда я проходил стероидную терапию, поэтому некоторые эмоции чувствовал сильнее. Внутри меня что-то переключилось в тот день. Я поговорил с Доротой, и мы решили нанять телохранителей. На самом деле она предположила, что другого выхода нет. Сама все очень быстро организовала и оплатила. У меня не было ни сил, ни средств на это.

Они всегда находились возле тебя?

Да. Их было несколько. Работали посменно, один — днем, второй приходил и оставался на ночь. Я и сегодня поддерживаю с

ними контакт. Они очень мне помогали. И оказались на самом деле сердечными людьми. Не только охраняли меня от злоумышленников извне, но также помогали в обычных ежедневных ситуациях.

Нергал, совершающий паломничество?

Если только к могиле Бона Скотта из AC/DC.

Сдерживали папарацци?

Если падальщики почувствовали кровь, то их ничто не остановит. Как-то раз двое стервятников приперлись в медицинских халатах. Они ходили по палатам, будто делая обход. К счастью, их быстро обнаружили. В другой раз один из телохранителей ворвался в мою палату с большим зеленым куском ткани и стал занавешивать окна. У меня округлились глаза. Оказалось, что отделение, в котором я лежал, ремонтировалось, а рабочие как раз устанавливали леса. Самые отчаянные из папарацци стали взбираться по ним вверх, только чтобы сделать мою фотографию. Как я потом узнал, одному из них в тот день удалось все-таки запечатлеть полуголого Нергала, лежащего на больничной койке. До сих пор жду, что эти фото появятся в каком-нибудь таблоиде.

Может, все-таки у редакторов желтой прессы есть тормоза?

Не думаю.

А ты не думал о том, чтобы лечиться за границей? Ты избежал бы этого цирка, и условия могли оказаться лучше.

Я слышал это довольно часто. «У тебя есть деньги, ты можешь выехать и лечиться в какой-нибудь спокойной больнице». Мне так говорили. Не скажу, что с деньгами было все хорошо, но такая мысль приходила мне в голову. Проблемой было время. Болезнь атаковала, и действовать нужно было быстро. Поиск другой больницы мог быть рискованным. До сих пор, наверное, выплачивал бы долги. Кроме того, в лечении лейкемии нет места креативности. Это стандартная терапия, во всем мире она одинаковая. И лекарства те же самые. Я быстро разведал, спросил людей, которые в этом понимали и узнал, что такого специалиста, как профессор Гельман, днем с огнем не сыщешь. Но у меня были и другие заботы.

Какие?

Здание Гданьской медицинской академии не назовешь новым. Это тоскливое, темное и угнетающее место. Я задумывался, особенно вначале, помогут ли такие условия в моей борьбе? В конечном итоге другие факторы возымели верх. Рядом был мой дом, родители, друзья — те, на чье участие и поддержку я рассчитывал. Я остался в Гданьске.

Мама и папа были со мной все время. И это было для меня чертовски важно. Я мог позволить себе многочасовые разговоры по телефону, что тоже было для меня важно. Кроме того, бывали дни передышки, и меня выпускали из больницы. Десять-пятнадцать минут на машине, и я был дома. В своих собственных четырех стенах.

Часто тебя выпускали?

Несколько раз. В перерывах между курсами химиотерапии. Но это были короткие перерывы. Большинство времени я был заперт в больничной палате.

ТРУД ОСВОБОЖДАЕТ

Как ты каждый день справлялся с этой ситуацией?

Я работал. Ну или, точнее, пытался работать. Короче говоря,

я делал все, чтобы мобилизовать себя. Я не думал о настоящем, я строил планы. И если я что-то замышлял, то старался этого достичь, пусть и небольшими шагами.

Каждый пункт плана был важен. Благодаря этому я чувствовал себя лучше. Труд придавал всему смысл. Я боролся не только за себя, но и за группу тоже.

Но как может работать человек, который болен лейкемией и прикован к больничной кровати?

Дел было действительно много. У меня был компьютер, был телефон и возможность всем этим заниматься. Несколько недель заняла работа над нашим DVD. Я разрабатывал обложку, весь эскиз целиком, добавлял детали. Часами висел на телефоне и разговаривал с дизайнером, издателем и коллегами из группы. Когда я был настолько слаб, что просто не мог пошевелить рукой, то — на минуту — все перехватывал Орион, тянул мою руку дальше. Когда я снова чувствовал себя лучше, то возвращался в игру. Когда DVD вышел, я сидел и подписывал диски для фанатов, целую тысячу. Я делал это битых два дня.

Нергал два дня подписывал тысячи дисков Evangella Heretlka. Он не был уверен, что это не последние автографы в его жизни.

Ты не думал о том, что это могут быть последние автографы в твоей жизни?

Такие мысли проскакивали в моей голове, но я боролся с ними. Честно говоря, на каком-то глубинном уровне мне было необходимо чувствовать себя полезным постоянно. Я не смогу? Не справлюсь с болезнью? Если и так, то по крайней мере тысяча фанатов останется довольной. Я применял принцип, которым руководствуюсь и сегодня: любое дело может стать последним в моей жизни, поэтому я отдаю ему все свое сердце. Это давало мне толчок.

Что еще давало силы для борьбы?

Помнишь такой мультсериал «Жила-была жизнь»?

Помню.

Так вот, похожее видео я представлял у себя в голове каждый день перед сном. Представлял себе армию красных кровяных клеток, которые выдвигались на последнюю битву, готовые побороть болезнь. Это был ритуал. Он помогал мне запрограммировать психику, настроить себя на борьбу. Я хотел быть все время сосредоточенным, готовым к действию. Избегал состояния ступора, мнимого покоя. И делал все, чтобы ему не поддаться. «Peace is only for the dead and the dying», как поют New Model Army. А я был все еще жив.

Как тебе удавалось поддерживать режим?

Это было несложно. Больница немного напоминает армию. Или тюрьму. Каждый день похож на предыдущий. Подъем в шесть. В мир меня возвращала медсестра. Обычно я встаю гораздо позже, поэтому в основном я был еще в полубессознательном состоянии. Я просто вытягивал руку, а медсестра брала у меня кровь и ставила капельницу. Когда она уходила, я старался заснуть. Окончательно просыпался к завтраку, который всегда подавали в восемь. Потом я проверял почту и брался за работу.

На отдых не было времени?

Времени для всего было предостаточно. Я решил изменить внешний вид моей палаты. Начал с распятия. Снял его со стены и на его место повесил четки с фигуркой Бафомета. Сбоку повесил портреты Брюса Ли, Кроули и Ницше. Это люди, которые в различных жизненных ситуациях мотивировали и вдохновляли меня. Позже возле них появилась золотая медаль. Мне ее принес знакомый. Оказалось, какой-то абсолютно незнакомый мне

человек пробежал гданьский марафон. Он выиграл медаль и попросил передать ее лично мне как символ поддержки. Это действительно много для меня значило… Когда моя палата выглядела уютнее, я начал пересматривать сериалы. И просто влюбился в сериал «Спартак». Главную роль в нем играл Энди Уитфилд. Я случайно узнал, что еще во время съемок у него диагностировали лимфому. Через какое-то время появилась информация, что он справился с этим и начинает съемки в новом сезоне. Все это отлично переплелось с темой самого сериала, а я нашел вдвойне героический пример. Так же, как и он, я хотел вернуться. Ведь больше всего я боялся, что уже никогда не выйду на сцену. Она меня сформировала, закалила, стала моей стихией. Представляешь, сколько это дало мне сил?

Но Энди в конце концов проиграл в битве с раком.

Я узнал об этом несколькими неделями позднее. Это меня остудило. К счастью, у меня были и другие примеры людей, которые выиграли в этой битве. Я большой фанат «Декстера». Это один из моих любимых сериалов. У исполнителя главной роли, Майкла Холла, тоже был рак лимфоузлов. Он прошел химиотерапию между съемками сезонов сериала. И победил болезнь. Вернулся и снялся еще в двух. Это было для меня мощной мотивацией.

Ты читал что-то в больнице?

Взахлеб. Наверстывал упущенное за несколько лет.

Что именно?

Огромное впечатление произвела на меня книга Роберта Хайнлайна «Чужой в чужой стране». А также Кормака Маккарти «Кровавый меридиан».

Вот эта последняя не особенно оптимистичная.

Но отличная! Но, вообще, я читал разные вещи. У меня с собой была Библия и, для контраста, книги Ричарда Докинза. У него я обнаружил то, что меня сильно подстегнуло. Он описал эксперимент, проведенный над двумя группами серьезно больных людей. Человек из первой группы отправился на мессу и помолился за ее членов. В свою очередь, люди из второй группы были предоставлены сами себе. Естественно, обе группы получили хорошее лечение. Разница в состоянии и самочувствии пациентов обеих групп была незначительная, в пределах допустимой погрешности.

В сумме ничего нового.

Но послушай дальше. Это не самое интересно. Самое интересное — это результаты второго этапа эксперимента. Тогда группе, той, за которую молились, было сказано, что они получили ту самую божественную поддержку.

Они выздоровели?

Как раз наоборот! У пациентов из той группы стали наблюдаться худшие результаты.

Докинз как-то это объяснял?

Не помню, но вроде он никак это не прокомментировал.

А ты как это объяснишь?

Подумай. Ты болен и узнаёшь, что кто-то за тебя молится. «Раз кто-то за меня молится, должно быть, со мной на самом деле что-то серьезное». Это первая мысль, которая появляется. К тому же, если ты религиозен и знаешь, что кто-то за тебя молится, если веришь в то, что это тебе поможет, то доверяешься богу и расслабляешься. Расслабляешься, потому что считаешь, что исход битвы не от тебя зависит.

За тебя тоже молились.

Я даже получил специальный сертификат от одной из польских католических общин в Берлине. В официальном документе подтверждается, что члены этой общины собрались и помолились за меня. В больницу также приходил мой друг, Kikut из группы Pneuma, самый настоящий католик.

Он тоже пробовал за меня молиться. Я сказал ему: «Черт, старик, хватит, пожалуйста; хотя бы при мне этого не делай…»

Он прекратил?

Не знаю, но я не думаю, что он бы так легко поддался.

Но результат тебе не повредил?

И не мог, поскольку я не верю в этот бред. Скорее всего, это действовало по-другому. Kikut ужасно меня веселил.

Были и другие, кто иначе понимает заповедь о любви.

Они говорили, что болезнь — это наказание за грехи, что у Нергала есть последний шанс, чтобы измениться…

Читал такое. Получал письма, полные яда и ненависти. Иногда мне хотелось сесть и ответить, на самом деле зло. Но я не делал этого. Для чего? Единственный эффект, которого эти люди добились, — я остался при своем мнении.

ВСЕ ЗНАЮТ ДЗЮБУ

Так у тебя не было желания подружиться с Богом?

Нет, но благодаря болезни я подружился с человеком, которого много лет искренне и безосновательно ненавидел.

И кто был тем счастливцем?

Я имею в виду Томаша Дзюбинского, или Дзюбу, как назвали его Kat в одной из своих песен, ныне покойного главу студии Metal Mind.

Он был не самой популярной персоной в своей среде.

Я познакомился с ним в 1997 или 1998 году. Тогда он предложил издание целого бэк-каталога Behemoth со всем материалом, который у нас на тот момент имелся. Я был тогда в таких жизненных условиях, что посчитал это огромным шансом. А на самом деле это была ловушка.

Он обманул вас?

Скорее воспользовался моей неопытностью. Дзюбинский был архетипом кровожадного капиталиста, бизнесмена без каких бы то ни было угрызений совести. Контракт, который я с ним подписал, был полон так называемых крючков. На практике он полностью лишал меня прав на то, что я сотворил. Конечно, я сам был в этом виноват. Да никто и не посоветовал мне просмотреть контракт, поговорить с адвокатами. Тогда я был просто-напросто глупым. И предпочел поверить тому, что говорил Дзюба, а не тому, что написано в контракте.

И это стало поводом большой взаимной ненависти?

Нет, она была однобока. Я Тому нравился. По той же причине, по которой любят курицу, несущую золотые яйца. Думаю, что он много на мне заработал. Это я его ненавидел. И тогда, наверное, его смерть меня бы обрадовала…

Даже так?

Даже так. Я помню, как когда-то сказал, что никому на свете не желаю смерти, кроме одного человека.

Речь шла только о деньгах?

Речь шла о способе, которым он провернул эту сделку. Чашу переполнила ситуация с бокс-сетом *Historica. Я* уже смирился с тем, что Metal Mind забрала права на весь наш материал и зарабатывает на этом деньги. Но собирался показать средний палец. Тогда мне пришла идея записать все старые песни еще раз и издать бокс-сет под названием *Historica.* Во время одного из телефонных разговоров я упомянул об этом. Проходит несколько месяцев, я открываю издаваемый им же Metal Hammer, смотрю на страницу со свежими изданиями и глазам своим не верю… Этот парень выпустил на рынок бокс-сет с нашими старыми песнями и назвал его *Historica.* Я был взбешен.

Долго это чувство не отпускало?

Несколько лет. Не то чтобы я просыпался с мыслью о том, как я ненавижу Дзюбинского, но она возвращалась ко мне бумерангом. Со временем, конечно, все поутихло. Даже один раз встретил его на концерте, по-моему, это были Soulfly. Я сидел в баре клуба, а он подошел ко мне.

Ты не подал ему руки?

Подал, даже улыбнулся. Мы проговорили несколько минут. Я был удивлен… Особенно своей реакции. Между нами не чувствовалось сильной вражды, а скорее типичная вежливость с обеих сторон. Он пожелал мне успехов, я поблагодарил. Подумал тогда, что время залечило раны.

Вот так просто?

Когда мы пожали руг другу руки, я почувствовал облегчение. Моя ненависть к нему была отравой. Она заставляла меня чувствовать, будто что-то гниет внутри. И это было плохо. Прежде всего для меня.

Ты поддерживал с ним контакт в последующие годы?

Он обратился ко мне несколькими годами позже. И

предложил нам выступить на фестивале Metalmania. Словно ничего и не произошло. Мы даже начали обсуждать условия. Но, в конечном счете, нам предложили другой тур и мы должны были отказаться. Помнится, мы договорились вернуться к этому вопросу через год.

Вернулись?

Нет. Он заболел. Я узнал от Томаша Даниловича, который был нашим дизайнером, но также принимал заказы от Metal Mind. Как-то раз, во время одного из наших телефонных разговоров, он рассказал, что у Томаша Дзюбинского обнаружили рак. Это не было большой тайной, информация об этом распространилась в прессе моментально, а через мгновение уже сыпались комментарии о том, что он доигрался, что так ему и надо.

Ты тоже так считал?

Я бы сказал, что новость о его болезни меня расстроила, просто по-человечески, я волновался. Тем более что мое отношение к нему стало чуть лучше.

Но ты ему пожелал смерти.

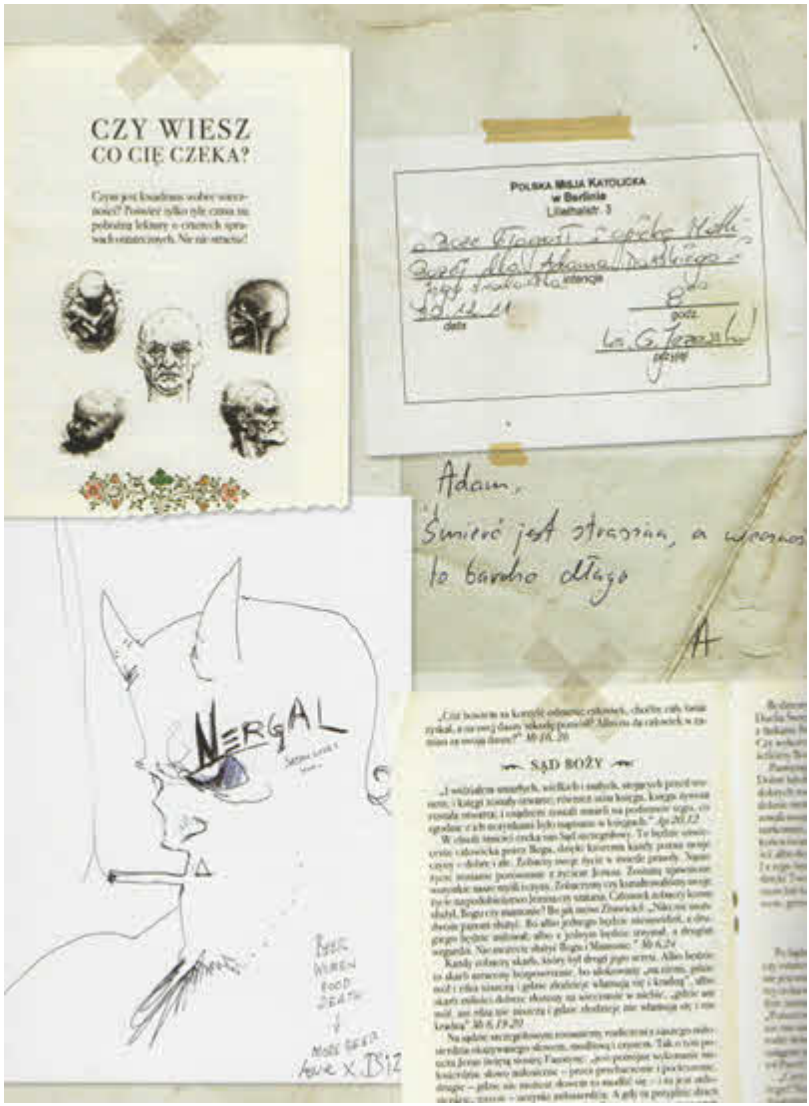
Чего только люди не говорят со злости.

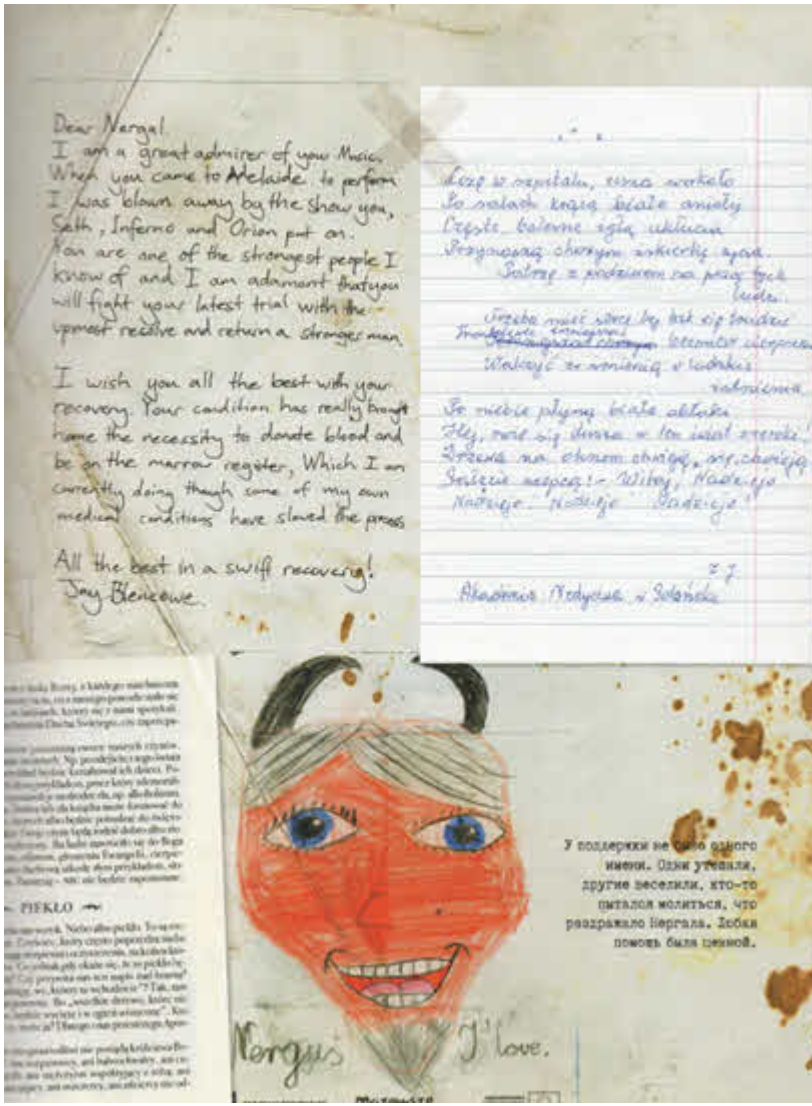
«We would like to see most of the human race killed olf, because it is unworthy, it is unworthy of the gift of life». Знакомо звучит?

Да, этими словами начинается наш пятый альбом, *Thelema.6*. Наверное, это взято из какого-то фильма, но я нс дал бы голову на отсечение. Мне показалось, что в этой фразе столько силы, что она станет идеальным вступлением к альбому.

Это тоже было со зла? Ты согласен с этой цитатой?

Я никому в принципе не желаю смерти.


CZY WIESZ
CO CIĘ CZEKA?
Czym jest koniec świata? Powinieneś wiedzieć!
POLSKA MISJA KATOLICKA
w Berlinie
Adam,
Śmierć jest straszna, a wieczność
to bardzo długo
A.
SĄD BOŻY
NERGAL
Adam X. Bis



У поддержки не было одного имени. Одни утешали, другие веселили, кто-то пытался молиться, что раздражало Нергала. Любая помощь была ценной.

Но?

Человек — это животное. Каждый несет в себе божественное предназначение, у каждого есть возможность добавить что-то от себя и одарить этим мир. Мудрость и креативность наших трудов кажутся мне бесконечными. Бесконечной может быть также наша лень. Так же, как и наша глупость. Большинство людей просто-

напросто выбирают образ жизни червяка, пустой и не имеющий цели, а я не собираюсь оплакивать людей, которые впустую тратят дар жизни.

Я надеюсь, убивать ты их не собираешься…

Мир отлично сам себя очищает.

Может, это звучит несколько безразлично. День ото дня мы насыщаемся картинами смерти и страданий, но я бы соврал, если бы ответил, что такая информация глубоко трогает меня. Во мне есть сострадание, но оно появляется в основном тогда, когда меня что-то связывает с теми, кто страдает. Но если кто-то будет убеждать, что его одинаково трогает как смерть, свидетелем которой он является, которая влияет на его близких, так и смерть кого-то на другой стороне земного шара, о которой он узнал из телевизора, то он, естественно, соврет. Я же не собираюсь никому пудрить мозг.

Неужели тебя не трогает смерть на другой стороне земного шара?

Это не значит, что я пожимаю плечами и усмехаюсь. Я не бесчувственный. Такие истории дают тему для размышлений. Я просто принимаю смерть. Это часть цикла. Мы рождаемся и умираем. Мы чувствуем и счастье, и страдание. Войны, конфликты, катаклизмы, болезни — все это часть нашей жизни.

И лейкемия тоже?

Конечно. Я сам не считал болезнь метафорическим воплощением зла. Была для меня просто врагом. Тем, что я должен победить.

НА МИЛОСЕРДИЕ НЕТ МОНОПОЛИИ

Ты победил рак, Томаш Дзюбинский нет. Как получилось, что вы сдружились?

Все началось с его письма, присланного на электронную почту.

Ты ему написал?

Нет. Это он мне написал, когда узнал, что я болен. Я ответил, и дальше все пошло само собой. Я рассмотрел человека за маской безжалостной акулы бизнеса. Вдруг оказалось, что все то, что нас разделяло, в свете последних событий, смерти — просто глупости.

Вы выяснили все недоразумения?

Не было такой необходимости. Мы переписывались, много разговаривали по телефону. Без обиняков или намерений делать бизнес. Мы могли часами разговаривать о еде, о спорте, обо всем. Мы играли в одной лиге, у нас был общий враг. Он боролся с лимфомой, я с лейкемией.

Кому удавалось легче?

Казалось, что ему. Его часто отпускали из больницы. Он все время работал, организовывал концерты и ездил по миру. Он был болен в течении долгого времени, освоился со своей болезнью и хорошо умел скрыть, что ему плохо. Я понял это потом, когда мы встретились.

Как это произошло?

Меня перевели в Гливице на облучение. Еще раньше я написал ему, что буду там лечиться на протяжении некоторого времени. У меня в голове крутилось, что и он там лежит. Он мне ответил, что лежит в больнице в Катовице. Я удивился, но не придал значения. Наконец, когда я собрался ехать в Гливице, я снова ему позвонил. Тогда он признался, что лежит в той самой больнице, куда я еду. До сих пор не понимаю, почему он пытался это скрыть. Наверное, потому, что он находился в гораздо более плохом состоянии, чем хотел казаться во время наших разговоров. Может, ему просто было стыдно.

Но вы встретились?

Да. Договорились встретиться сразу, как я приеду. Честно говоря, он выглядел не лучшим образом. Каждый, кто был с ним знаком, знал, что он был довольно крупным парнем. Он просто был сильным. Такое у него было строение тела. Однако тогда в Гливице я увидел только тень Дзюбы. И был поражен тем, что болезнь сделала из сильного мужчины узника Освенцима. Он был очень худой, очень бледный. Мне показалось, что передо мной стоит смерть.

А сам разговор? Каким он был?

Он был другим, не таким, как по телефону. Как будто снял маску и перестал прятаться. В нем не оставалось ни капли жизни.

Ты ему об этом сказал?

Нет, я не хотел его расстроить. Скорее, это он много говорил о моем внешнем виде. Наверное, был удивлен тем, что я так

хорошо держусь.

А ты держался?

Я чувствовал себя отлично. Если вообще в такой ситуации можно чувствовать себя хорошо. Я выглядел посвежевшим после приличной дозы стероидной терапии, с десятью килограммами на лице. Оно так распухло, словно его в улей сунули. Меня было просто много. Но настрой был боевым. Я чувствовал, что это финишная прямая. Меня ждало еще облучение. Или нет: это я ждал облучения. С открытым ртом.

Тогда ты видел его в последний раз?

К сожалению. Мы лежали на разных этажах. Но все время разговаривали по телефону или переписывались. К тому же, нас лечил один и тот же врач, доктор Себастьян Гебель. Иногда я спрашивал его о Томе.

Он рассказывал тебе о его болезни?

Нет, стойко хранил врачебную тайну. Том тоже не много говорил о своем состоянии. Именно на эту тему он не откровенничал. Как и в тот день, когда я говорил с ним в последний раз. Со времени моего приезда в Гливице прошло несколько дней. Вечером я позвонил ему, спросил о самочувствии. Он ответил, что все в порядке, если не считать лихорадки. Мы немного поговорили, и я пошел спать. Утром на обход пришел доктор Гебель. Я знал, что он не ответит, но, как повелось, спросил о своем друге. На этот раз доктор ответил… Ночью Том умер. Вечером, после того как мы закончили разговор, у него поднялась высокая температура, и он не справился с ней. И все.

Это подрезало тебе крылья?

Это был удар. От которого невозможно защититься. К несчастью, таких ударов было много. Люди вокруг меня умирали. И сегодня умирают. Теоретически я здоров, но все время должен проходить обследование. Весной я был у моего врача, доктора Агнешки Пекарской. Спросил, как чувствуют себя люди после пересадки, которые покинули больницу одновременно со мной. Оказалось, что один из тех людей прожил только два месяца. Он подхватил грибковую инфекцию и умер. По собственному желанию я снова получил но морде.

Курирующая Нергала доктор Агнешка Пекарская. Снимок сделан во время одного из контрольных визитов.

А если бы кто-то сказал, что это просто мир очищается.

Я понял бы. Меня с теми людьми связывали близкие отношения. Их проигрыш было сложно принять. Я поклонялся их борьбе, мы поддерживали друг друга. Они были для меня товарищами по оружию. Они ушли, с этим нелегко жить, но жизнь продолжается.

Тебе не кажется, что твоя дружба с Дзюбой несла в себе тонкую христианскую черту? Любовь к ближнему вместо ненависти, сострадание, прощение?

Я не думаю, что христианство монополизировало право на прощение и сострадание.

Они — основа этой религии.

Как и двуличие, и вечное оценивание. Что хорошо, а что плохо. Что черное, что белое. В моем мире больше двух цветов. Ницше написал книжку «По ту сторону добра и зла», ее название — слоган, пусть и избитый, но отлично отражающий мой подход к этому вопросу. То, что я отвергаю христианскую мораль, не значит, что моя мораль ей противоречит. Отрицание любви также глупо, как и отрицание ненависти.

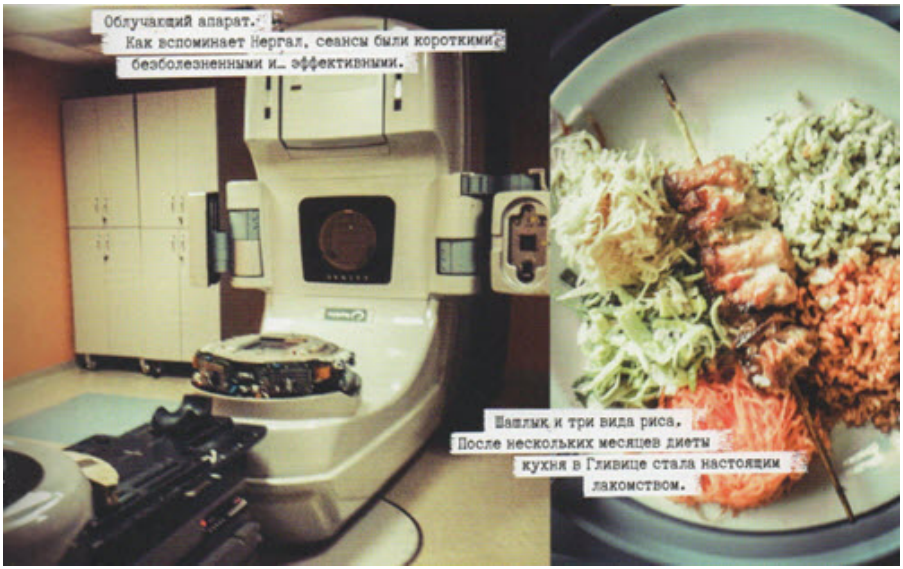
Но откуда изменение ваших отношений, само желание дружить?

Такие вещи просто происходят, сами по себе. Сначала его болезнь, потом моя — все это способствовало тому, что былые занозы, ненависть и обиды перестали быть важными. Мне просто хотелось с ним встретиться и пожать его руку. Я чувствовал необходимость. Это не было результатом навязанных свыше моральных основ — это было сострадание, исходящие глубоко изнутри, альтруизм в чистой форме.

Ты чувствовал сострадание к другим больным?

Конечно. Меня радовало то, что благодаря распространению новости о моей болезни, удалось найти много потенциальных доноров костного мозга.

Нергал в больнице. «Да, да, знаю. Абсолютно ни на кого не похож», — комментирует он сегодня.



Облучающий аппарат. Как вспоминает Нергал, сеансы были короткими, безболезненными и эффективными.

Шашлык и три вида риса. После нескольких месяцев диеты кухня в Гливице стала настоящим лакомством.

Ты таким же образом нашел донора?

С профессором Гельманом связались представители фонда доноров стволовых клеток Польши, DKMS. Он, в свою очередь, рассказал мне о них во время одного из обходов. По его мнению, они отлично зарекомендовали себя в поисках доноров. Я вручил им свою судьбу и не жалею об этом.

Как быстро нашелся донор, костный мозг которого подходил тебе?

Наверное, с момента постановки диагноза прошло не более месяца. Мне позвонила Дорота и рассказала, что разговаривала минуту назад с Киндой Дубицкой, главой фонда. И для меня были хорошие новости: на примете были целых три потенциальных донора.

С Киндой Дубицкой, главой фонда DKMS. Друзья навек.

Но вы держали эту информацию в тайне.

Намеренно. Когда в прессе появилась информация о том, что для Нергала ищут донора костного мозга, началось настоящее национальное движение. Когда я установил контакт с DKMS, в их польской базе данных было едва пятьдесят тысяч доноров. Для сравнения, в немецкой было около двух миллионов таких людей.

Статистика начала меняться?

Очень быстро. Несколькими месяцами позже зарегистрированных было двести тысяч. Каждый из них был потенциальным спасителем чьей-то жизни. Я не хотел этого портить, поэтому информацию о том, что у меня уже есть! донор, мы обнародовали перед самой пересадкой.

ЗАНОВО РОЖДЕННЫЙ

Но перед этим тебе необходимо было пройти облучение.

Да, как я и говорил, для этого я поехал в Гливице. Если условия в Гданьской медицинской академии были не лучшими, то в Гливице меня ждал люкс. Плазменный телевизор на стене, электрорегулировка кровати, Интернет, собственная ванная комната. Иногда на обед подавали шашлык! Хотелось жить, а нс

умирать! К тому же, мне разрешалось гулять по всей больнице. Само облучение занимало около пятнадцати минут в день, так что у меня была куча времени, которое надо было убить.

Чем ты его убивал?

Сериалами. Вначале, в течение нескольких дней, со мной была Дорота. Позже, до конца курса облучения, я был один. На скуку, однако, не жаловался. Меня навещали знакомые и друзья, живущие в той части страны. Был у меня Михал Вардзала, глава студии Mystic, часто заходил один дружелюбный музыкант, Necrolukas из Anima Damnata. Он работал в этой больнице. Постоянно приносил мне домашний жур и другие вкусности. Приезжал Томаш Данилович со своей женой Агнешкой. Она боролась с опухолью в течение нескольких лет. Врачи не обещали, что она выживет. Но она победила болезнь и сегодня чувствует себя хорошо. Их визиты были очень важны для меня.

С каждым днем приближалась операция по пересадке.

Честно говоря, пересадка — это формальность. Только звучит серьезно. В тебя просто втыкают очередную капельницу. Длится это час, может, полтора. На самом деле важно то, что происходит дальше. В течение двух недель организм находится в опасности. Иммунитет ослаблен, существует риск заражения инфекцией. Есть опасность, что организм не примет чужой костный мозг.

Твой принял.

Да, хотя я не попал в группу счастливчиков, чей организм принимает новый костный мозг без проблем. Как и у большинства людей в подобной ситуации, у меня появились небольшие жалобы. Хотя было больше неприятно, чем опасно. Сравнить это можно с аллергией. У меня в основном проблемы были связаны с кожей. Были, конечно, и другие. Перед самой пересадкой я прошел последнюю химиотерапию и был полностью простерилизован. До этого я принимал огромное количество иммунодепрессантов. По-разному мой организм на них реагировал. Особенно тяжело проглотить таблетки циклоспорина…

Они пахнут почти как пиво.

Что-то в этом есть, хотя для меня скорее воняли. От них тошнило. В конце концов я не выдержал….

А как же твоя травма?

Пришлось научиться.

А нельзя было выписать другое лекарство?

Выписали. Я попросил своего доктора и получил замену, которую мой организм принимал гораздо лучше. Я почувствовал огромное облегчение от того, что это сработало, что первый шаг к полному восстановлению сделан. Мне казалось, что каждая клетка моего тела кричит о том, что дальше будет только лучше.

Но пересадка все-таки была риском.

Тем не менее в моем случае прогноз был хорошим. Прежде всего, костный мозг моего донора показал самую высокую совместимость с моим. Я не допускал мысли, что что-то пойдет не так. Я играл ва-банк.

Ва-банк играла также и пресса, не только третьесортная. Практическивживую транслировали последний этап твоего лечения.

До определенного момента о моих приключениях в больнице были осведомлены многие. Кончилось тем, что папарацци досконально знали, когда я выхожу из нее и когда возвращаюсь. Но это имело й положительный эффект. В больнице работала моя знакомая, она терапевт. Мы знакомы много лет. Она навещала меня. Смогла выслать мне сообщение, в котором говорилось, что видела мои результаты и они хорошие. Это было приятно. Как-то раз она сказала, что врачи постановили ограничить доступ к моим данным. Очевидно, кто-то отслеживал их и выносил информацию из больницы. Естественно, это ни к чему не привело, и лакомые кусочки все-таки достались прессе. Не знаю как, но могу себе только представить, насколько велика сила денег.

Во время химиотерапии. Виден центральный катетер. «Это мои стигматы», — с гордостью говорит Нергал.

Shining like gods. New body, new blood.

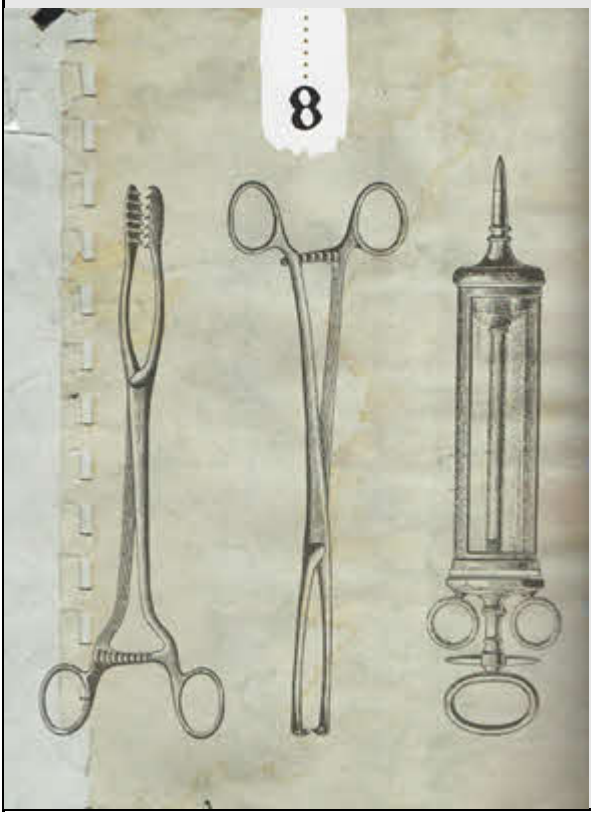
КАПЕЛЬНИЦА С КОСТНЫМ МОЗГОМ

Ты помнишь дату своего нового рождения?

Конечно. Возможно, что это самый важный день в моей жизни. Мое личное второе пришествие. Это случилось семнадцатого декабря. Медсестра принесла капельницу около шести часов вечера. По такому случаю я надел футболку Watain. Осенью 2010 года мы должны были поехать с ними в тур. Болезнь перечеркнула планы. Но я показал лейкемии средний палец. А с Watain мы все-таки отыграли, полутора годами позже. Проехались с ними по США.

Глава VIII

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА



Почему ты бросил Дороту?

Какой-то странный вопрос.

В газетах писали, что именно ты был плохим в этой ситуации.

Ты веришь в этот бред?

До людей доходит только информация, не суть.

Соблазнил, использовал и бросил. Это подходит к твоему образу. И сам говорил, что ты альфа-самец.

Но не двадцать четыре часа в сутки. Вот именно с этим у

Дороты и были проблемы. Она ждала, что я буду им всегда, больным или здоровым, в плохую погоду или в хорошую.

Ты не мог показать слабость?

Я решил провести с Доротой несколько дней за границей, и мы полетели в Прагу. Я простудился. Бывает. Ничего страшного, просто температура и насморк. Но от Доды не было пощады. Она бесилась, что у нас есть только три свободных дня, а я болен.

Может, ты слишком много капризничал?

Мне нравится капризничать. Каждому нравится, особенно когда болеешь. Я ценю людей, которые в таких ситуациях не давят, а позволяют быть в центре внимания. Я плачу им тем же.

Может, Дорота боялась, что ты начнешь капризничать в любой ситуации?

Но ведь обычно я так себя не веду, никого не дергаю. Может, она просто не знала об этом…

А вот когда боролся с лейкемией, ты не капризничал.

Это была борьба за жизнь, а не насморк. Сталкиваясь с комаром, ты ведешь себя не так, как при встрече с тигром. Конечно, у меня были моменты слабости. Лежа в больнице, я тоже ворчал, но не все время.

Болезнь испортила ваши отношения?

Скорее ускорила процесс расставания. Она была катализатором, зародила сомнения. Но тогда я на многое закрывал глаза. Когда человек влюблен, он многие сигналы игнорирует. Или они вовсе остаются в подсознании. В больнице все эти мысли завертелись у меня в голове. Я начал рассуждать, что же на самом деле связывает меня с моей девушкой. К сожалению, видел больше различий, чем сходств.

Но все остальные видели другое. Общественность знала одно: ты борешься с раком, а она поддерживает тебя на каждом шагу.

В каком-то смысле так и было. Я слова плохого не скажу об ее участии. Она делала все, что было в ее силах, и делала это от чистого сердца. В этом не было стратегии и игры на публику, как некоторые думали. Если что-то и начало тогда гнить, то не из-за злых намерений, а из-за большой разницы наших характеров и жизненных целей. Мы с разных планет. Кризисная ситуация это показала.

Но трещины появились раньше?

Гораздо раньше. Я начал задыхаться, несмотря на все мои искренние чувства к этой девушке. Я действительно сильно был ею заинтересован, может даже слишком сильно. Я с такой страстью бросился в эти отношения, что в самом начале уступил очень много своего пространства. Любые отношения — это компромисс. Но в нашем случае было по-другому. Никогда прежде в отношениях я не был так терпим и миролюбив. Хотя все больше чувствовал, что наша совместимость сломана.

Ты говорил о химии, воодушевлении…

Это было увлечение. Все красиво расцветало в самом начале. Мы хотели быть вместе, несмотря на все препятствия. Не обращали внимания на то, что нас разделяло… Но розовые очки в какой-то момент стали сползать с моего носа. Еще до болезни у нас было несколько серьезных ссор. К тому времени я уже два раза собирал свои вещи и съезжал от нее…

Так что вас разделяло?

Ради Дороты я переехал в Варшаву. Оставил в Гданьске друзей и знакомых… Но мне нужен контакт с ними: я часто сидел на телефоне и разговаривал с близкими. Она считала слабостью то, что в кризисных ситуациях я ищу помощи или поддержки, звоню друзьям. В Варшаве мне не с кем было поговорить, тем более рациональный диалог с самой Доротой был почти всегда невозможен.

Ты сам на это пошел.

Потому что вначале я видел только прекрасную, привлекательную женщину. Но со временем до меня дошло, что в наших отношениях не хватает какой-то интеллектуальной связи, отношений извилин. Это был мезальянс. И вроде бы ничего серьезного, ведь вся моя жизнь основана на крайностях. Я искренне верил в тот мезальянс. Все сомнения прятал как можно глубже…

А что советовали друзья?

Вопреки всему, они сумели сохранить дистанцию. Я горжусь тем, что мои близкие — взрослые и зрелые люди. Они не оценивали ни меня, ни Дороту. Но старались дать хороший совет. Даже когда я просто изливал им свои обиды. Легче было бы сказать: «Знаешь что? Брось ее, не трать время». Но чаще я слышал: «Если ты счастлив с ней, то хорошо. Мы рады за тебя».

Но ты не мог радоваться.

Я всю жизнь был независимым. У меня был свой дом, своя машина, работа, увлечение… Я ценил эту свободу и свое пространство. Но вдруг все изменилось. Я был гостем в чужом доме. Мне выделили место в шкафу и зубную щетку, на этом мое личное пространство закончилось. Я был поражен. С каждой стены на меня смотрела Дода: фигурка Дороты, фотография Дороты, рисунок, на котором изображена Дорота. Казалось, я нахожусь в музее. С каждым днем было все теснее.

Так она была плохой женщиной?

Скорее это вопрос ее природы. Дорота любит доминировать. Сама говорит, что у нее много мужских черт. И в этом что-то есть. Это женщина-тестостерон. Она обожает соперничество. Как-то мы с нашими знакомыми отправились играть в пейнтбол. Я хотел играть в одной команде и повеселиться. Но Дорота предложила играть в разных командах. Я спросил: «Зачем?» А она ответила: «Затем, что я хочу тебя победить!» Конечно, это была только шутка, но в целом ситуация отлично отражает ее отношение к мужчинам.

Но она гораздо младше тебя. Возраст много значит.

Я делал на это поправки. Ты спросил раньше, почему бы мне не встречаться с женщиной старше. В принципе, таких отношений в жизни мне не хватает, но не обязательно в любви. Я думаю скорее о старшей сестре. У меня есть брат, но он живет в Испании, и у нас разные характеры. А женщина? Здесь я чувствую пустоту. Наверное, мне нужна подруга-учитель. Кто-то, кто все разъяснит, иногда утешит, возьмет за руку и проведет по жизни. Как в песне Doors: «Girl you gotta love your man, take him by the hand, make him understand…»

Словно у тебя нет матери…

Родители только до определенного момента заботятся о тебе, а потом все меняется. Ты становишься независимым, обрезаешь пуповину… И теперь уже они нуждаются в твоей помощи. Становятся так по-милому наивны, как дети. Я тоже постепенно становлюсь проводником Ирены и Зенона по современному миру. Конечно, они нужны мне, они самостоятельны, до сих пор мне помогают, но отношения другие, не такие, как несколько лет назад, и я часто беру эстафетную палочку.

А у Дороты ты эстафетную палочку выхватить не смог?

Обычно я просто ударяю кулаком по столу, в большинстве моих отношений так и происходило. Но в этом случае было по-другому. Как уже говорил, я много своего пространства уступил в самом начале. В определенный момент мне начало казаться, что я стою перед каменной стеной и бьюсь головой. Но стена была непробиваемая. Я не знал, что делать. Но продолжал, потому что был искренне и по уши влюблен. Любой ценой хотел сохранить отношения.

Может, ничего не получилось просто потому, что один эгоцентрик столкнулся с другим?

У артистов, людей сцены, очень часто имеются такие наклонности. Я эгоцентрик, и не отрицаю этого. Наверное, поэтому я и стал музыкантом. Но в этих отношениях отпускал, не давил. А Дорота? Может быть, мы просто были магнитами одного полюса, которые отталкивались друг от друга. Семья артистов. Она приходит домой из театра. Он: «Сейчас включу тебе охренительную песню». А она: «Может, позже? Я устала, потому что сама сыграла роль восхитительно». И все время только: «Я, я, я! Мое дело важнее, мой мир лучше».

РАЗРУШЕНИЕ

Когда ты понял, что стройка в конце концов развалилась?

В больнице. Лекарства, химиотерапия, близость смерти — все это заставило меня по-другому посмотреть на мир. Я начал задаваться вопросами: «Что мне нужно? Что меня волнует? Чего я жду от жизни?» Мне хотелось говорить об этом с Доротой. Когда кто-то из близких болен, может даже смертельно, ты отходишь на второй план. Все отходит. Нет места для упрямства и толкотни. Дорота видела это по-другому. Мне нужны были близость и понимание, а не шахматная доска и игра в доминирование…

А другие?

В больницу приходили мои близкие. Родители терпели все. Я мог рассказывать им обо всех разочарованиях, а они даже глазом не повели. Через день меня навещал Кшиштоф Садовский, фотограф группы, приносил суп, приготовленный его мамой, Лидией. Он заходил только на полчаса, но считалось то, что я мог с ним поговорить, он посвящал это время только мне. Приезжал Kikut. Молился. Я бесился, но чувствовал, что он на самом деле хочет помочь. Гжегож Савиньский как-то раз появился с большим лотком суши. Мне нельзя было есть сырое, поэтому я отдал их

родителям. Первый раз в жизни они ели это лакомство. И влюбились. Меня навещала подруга Патрисия. Готовила мне куриный бульон. Поляки верят, что это чудодейственное средство. Я не верю, но было вкусно. Еду в больницу, и даже такую, которую теоретически мне нельзя было есть, привозили Мацей Груша и его жена Агнешка. Теперь ты можешь представить. Каждый поддерживал меня как мог. Я помню, как приехал мой приятель Рафаэль Шиер, музыкальный педагог и продюсер. Он хотел, чтобы мы вместе сыграли что-нибудь. Но у меня не было сил, даже чтобы просто сидеть. Я лег и впал в какой-то летаргический сон, а он взял инструмент и начал играть. В течение двух часов он не говорил ни слова. Не было необходимости. Я лежал и слушал его музыку. Даже думал, что это был бы прекрасный саундтрек к смерти, потому что чувствовал, что умираю. К счастью, несколькими месяцами позже мы с ним играли уже вместе.

Нергал с Гжегошем Скавиньским

Дорота тоже приезжала.

Она могла сидеть со мной даже по двенадцать часов. Но находилась возле меня только физически, я чувствовал недостаток сопереживания и понимания.

Может, она просто устала от ситуации?

Наверное. Что меня не удивляет. У меня правда нет к ней никаких претензий. Тогда я мог на вещи смотреть по-другому, но я был болен, боролся с раком. Сейчас я здоров, пришел в себя и ни в чем се не виню. Она была такой, какой была, а я видел ее такой, какова она есть.

Ты пробовал с ней разговаривать о своих чувствах?

Я взял себя в руки, забыл все обиды и сказал: «Любимая, не надо сидеть со мной по двенадцать часов в сутки, будет достаточно и часа, но посвяти это время мне. Поговори со мной». А она сидела и искала в Интернете новые туфли.

Горько слышать.

Наверное, тогда я и принял решение. Почувствовал, что скоро все развалится.

Но вы не расстались, пока ты был в больнице.

Несмотря ни на что, я пытался продлить это. Меньше чем через месяц после выписки я сел в машину и поехал в Варшаву. На День святого Валентина. Это был стресс, я разрывался на части. Одна часть хотела провести время с Доротой, а вторая кричала: «Нет!» Сам праздник получился отличным. Мы вместе готовили суши. Снаружи светились, но внутри все рушилось. Мы красили траву зеленой краской, видя, что под ней все сгнило. В ту ночь я не ночевал в спальне, а лег в гостиной. Рано утром проснулся и просто расплакался. Не мог сдержать слез. Я смотрел в потолок и понятия не имел, чем себя занять. Я знал, что Дорота встанет после полудня, а мне некуда было пойти. Позвонил одному приятелю. Это моя варшавская родственная душа. Он заехал за мной на машине, и мы поехали выпить кофе. Долго разговаривали. Когда я вернулся, мне было лучше, я справился с эмоциями. По дороге домой я почувствовал облегчение. Еще пять часов — и я буду дома. Ни борьбы, ни волнения. Я все время волновался. Дорота тоже. Но все уже сгнило. Я начал намекать. Каждый раз все более настойчиво. Раньше я относился к ней как к ребенку, именно я всегда был мудрецом. И больше так не могло продолжаться. Она, в свою очередь, работала над новым альбомом. Все развалилось само собой, в конце концов развалилось окончательно. Очередной телефонный разговор, очередное отсутствие понимания. Это был последний раз. Я повесил трубку. И почувствовал, что мне вернули крылья.

Она сожгла твои вещи?

Я видел фотографию уже сгоревших. Она отреагировала как обычно, очень эмоционально. Я не был удивлен.

Что было потом?

Мы встретились еще раз, в Варшаве. Я знал, что это конец, но… Это была агония. Нет смысла об этом рассказывать и ковырять раны. И мои, и ее. Я вернулся к моей реальности, а Дорота — в свой мир.

Что ты имеешь в виду?

Был один папарацци. Ездил за нами всегда, следил за мной неделями. Мы тогда жили в ее квартире, в районе Мокотув на юге столицы. Как-то раз я поехал в клуб Stodoła уладить какие-то формальности. Он все время сидел у меня на хвосте. Я лавировал, использовал разные уловки, но так и не смог от него отделаться. Чаша терпения переполнилась, я разозлился. Остановился посреди улицы и просто начал сигналить. Хотел вызвать у него хоть какую-то реакцию. Он не сделал ничего.

Прошла минута, и я поехал дальше. Был запредельно зол. В таком состоянии и припарковался возле клуба. Он тоже. Единственное, чего мне хотелось, — врезать ему по морде. А он устроил мне «семейный» скандал: «Ты охренел? Почему ты так усложняешь нам жизнь?!» Он указал на свою машину, на вмятины, и заявил, что забрав Дороту из ее мира, я лишил его средств к существованию. Он кричал, что с тех пор, как она начала со мной встречаться, он должен гоняться за нами, что с тех пор у него нет денег на хлеб, не говоря уже о ремонте машины. Это ее мир. Она была для них деревом, а они льнули к ней, словно грибы-трутовики.

ТАРАКАНЫ

После расставания с Доротой папарацци тебя не отпустили.

Даже хуже. В Гданьске есть музыкальная школа Music Collective. Ведет ее Рафаэль Шиер, тот самый, который играл мне на гитаре в больнице. Мне нравится туда приходить, джемовать с другими музыкантами. Эти гниды с фотоаппаратами узнали и об этом. Я сижу в классе, смотрю через окно и замечаю там двоих. В желтой прессе каждый день я видел новые дурацкие статьи о моих романах. Началось это тогда, когда я еще был в больнице: будто бы я, больной лейкемией, изменял Дороте. Я ни отрицал, ни подтверждал. Я вообще не разговаривал с ними. Хотя меня это

немного задевало. Речь не шла о моем образе. Красивая женщина никогда его не испортит. Если хотели меня разозлить, должны были бы написать, что я трахаю коз. Меня больше раздражал сам факт, что за мной следили. Я повернулся к Рафаэлю: «Старик, такая шутка: мы выходим, держась за руки, подходим к моей машине, ты ласково меня чмокаешь, и я уезжаю. Сломаем систему к черту!» Мы расхохотались. Но через минуту Рафаэль развел руками: «Я не могу. Я ведь и детей учу! Их родители уже подозрительно смотрят на школу, зная, что ты сюда заходишь. Если еще появится сплетня, что я гей, то меня по миру пустят». Польша.

Они все равно бы этого не проглотили.

По крайней мере, было бы смешно. Недавно я познакомился с Радославом Майданом, бывшим мужем Доды. Мы давно друг к другу присматривались. Я уже был знаком со многими его друзьями. И часто слышал, что он простой, приятный парень. «Вы должны познакомиться», — так говорили наши общие друзья. Если так посмотреть, у нас с Радославом одинаковый опыт, мы были похожи друг на друга, можно сказать, делили одну постель. Естественно, я хотел с ним познакомиться. И это случилось на вечеринке, где была тьма фотографов.

Мы поздоровались друг с другом и разговорились. Проговорили около получаса. Выпили несколько коктейлей и обменялись телефонами. Было ощущение, что я знаю его с пяти лет, а не пять минут. После вечеринки ко мне подошел парень из журнала Fakt: «О чем ты разговаривал с Радославом? Наверное, это не тайна? Расскажи нам!» Он подлизывался, как собака, хотя больше был похож на слизняка. Я сделал удивленное лицо и ответил: «Так ты ничего не знаешь? Мы встречаемся!» Посмотрел на него с сожалением и пошел своей дорогой, даже не обернулся…

Первые «джемы» в Music Collective. Возвращение в форму под присмотром Рафаэля Шиера.

В тридцать пятый день рождения с Петром Вельтровским (на втором плане) и Кшиштофом Sado Садовским.

Но ты говорил, что иногда не мог сдержать злость, когда на горизонте появлялись парни из желтой прессы.

Они как тараканы. Иногда ты не обращаешь на них внимания, а иногда гоняешься с тапком. В студенческие годы в своей первой квартире я часто на них охотился. Пьяный, я заходил домой. На цыпочках в темноте шел к кухне с дезодорантом и зажигалкой. Резко открывал дверь. Их было много. Я боролся с ними огнем. Классно шипели. Папарацци мне тоже случалось гонять.

Ты ударил кого-то из них?

Нет.

Писали, что все-таки ударил.

Он сам упал. Это случилось через несколько месяцев после выписки. Утром я запланировал тренировку по северной ходьбе. Сразу стало понятно, что за мной кто-то следит. Через минуту я узнал парня, который часто маячил возле моего дома. Был одним из самых отвратительных типов, полный урод. На машине я обычно уходил от него за полминуты. Он не видел меня, поэтому я подумал, что неплохо было бы его припугнуть.

Я побежал в гараж и сел в машину. С визгом сорвался с места и перегородил ему дорогу. Когда я вышел из машины, парень бросился наутек. Я пытался его догнать, но все еще был слишком

слаб после болезни, мои ноги стали ватными, и я шмякнулся лицом об асфальт. Краем глаза я заметил, что по другой стороне улицы бежит мой тренер. Он видел все издалека. Я крикнул: «Лови его!» Он тоже попытался схватить папарацци, но тот неловко отвернулся и упал на свой фотоаппарат. Мы его поймали, а он начал кричать: Полиция! Полиция!» Я не трогал его, просто с отвращением посмотрел в глаза и сказал: «Убирайся из моей жизни на хрен!»

Но он сообщил в полицию об избиении.

И ждал меня на выходе из отделения полиции со своими друзьями. Фотоаппарат на изготовке. Все красиво провернул. Подал заявление о совершенном преступлении и сразу же отправился в засаду, чтобы сделать очередную фотографию. Оппортунист хренов! Я не хотел дать ему возможность заработать, поэтому мой адвокат провез меня в участок в багажнике своей машины. Полицейские оказались адекватными ребятами. Отлично поняли, с каким дерьмом я сталкиваюсь каждый день. Я дал показания и поехал домой. По этому поводу меня больше не вызывали, так что я думаю, дело прекращено. Что не изменяет факта: парень сам нарывался на неприятности.

В апреле 2012-го Нергал начал первые физические тренировки под руководством его друга и тренера Якуба Кжижака.

Почему?

Несколькими месяцами ранее я вышел из больницы между циклами химиотерапии. И поехал в аэропорт встретить девушку. Тот самый папарацци ждал там с коллегами с самого утра. Произошла похожая ситуация: они вывели меня из равновесия, а я попытался преследовать их. Я был обессилен и просто упал лицом вниз. Руки и колени разодрал до крови. Когда поднял голову, то увидел, как этот урод стоит в нескольких метрах от меня и смеется.

В такие минуты ты жалел, что попал в тот мир?

На самом деле, я все время живу в двух мирах. Один из них мой. В нем я себя воспитал, в нем все идет своим чередом, в своем ритме. Это моя жизнь. В другом мире, в свою очередь, я играю роль. Не знаю, кто и зачем заставил меня ее играть и маячить на страницах таблоидов. Я просто это делаю. В какой-то степени это моя реальность. Я не принадлежу к ней, я в ней просто гость. Наверняка есть и другие люди, которые живут на границе двух миров. Как-то раз я разговаривал с журналистом Томашем Лисом. Тоже о папарацци.

Он бывал в похожей ситуации. Поймал одну из этих гиен, а поскольку он парень крупный и высокий, то папарацци буквально повис в воздухе. Было огромное желание ударить его, но в последнюю минуту Томаш сдержался. Не переступил черты. И я его понимаю.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ БОМБА

Тебя не раздражает, что ты не можешь встретиться с девушкой, потому что это сразу же попадет в таблоиды?

Кто сказал, что не могу?

Но все-таки появляются сообщения о новых девушках Нергала…

В Гданьске я могу встретиться с кем угодно без проблем. Это мой город, и меня трудно здесь поймать. У меня много подруг и приятельниц, с которыми я иногда могу выбраться пообедать или поужинать. Я не скрываюсь, но есть места, где я могу встретиться с девушкой и быть уверенным, что никто не сфотографирует меня и не отправит фото в таблоид. В Варшаве сложнее. Просто выпив кофе с подругой, я на следующий день нахожу заметку о моем очередном романе.

После Дороты у тебя были другие отношения?

Нет.

Так все эти сплетни в прессе — ерунда?

Я встречался с несколькими девушками. Но это не были серьезные истории. Я нахожусь на таком этапе жизни, когда просто не хочу отношений. Я понял себя, вернулся на собственный путь и сосредоточился на реализации своих целей. В настоящее время в моей жизни нет места для другого человека. *А* если и есть, то очень мало. Я играю в открытую. Если встречаю

кого-то, то сразу расставляю точки над i: «Дорогая, я могу быть с тобой, но недолго. Я еду в тур на целый месяц. Мы можем встретиться снова, но на большее не рассчитывай». Я думаю, что это справедливо, ведь так?

Ты не боишься что какая-нибудь «дорогая» захочет сесть тебе на шею?

Наверное, я наивен, но нет. Я не встречал таких девушек. Ну, может, одну встречал. Но я быстро порвал с ней.

Выбил мысли о Варшаве из головы?

Не совсем. Я люблю Варшаву. Но живу в Гданьске.

У тебя есть квартира в столице?

Нет, но я подумываю об этом. А пока Чеслав Мозил сделал мне ключ от своей. Я пожаловался ему, что, как только меня видят с девушкой, сразу делают из нее любовницу. Он улыбнулся и сказал: «А где ты с ними встречаешься? Приглашай их тогда в какой-нибудь захудалый и никому не известный бар или ко мне!» И отдал ключ от квартиры. Когда его нет, я пользуюсь его предложением, иногда…

Вы близкие друзья?

Он отличный парень, нас многое связывает.

Некоторые даже говорят, что ты немного ему подражаешь.

Мы выбрали похожие пути, мы птицы одного полета. Чеслав — тоже человек из ниоткуда. Он не родился в мире бомонда, а вошел в него по воле случая, но зато как! Я познакомился с ним, когда он жил в Дании. Он просто пришел на наш концерт, мы разговорились, так все и пошло. Нас связывает сильная любовь к независимости. Сегодня мы в телевизоре, а завтра — уже пьем пиво в каком-нибудь кафе. Он правдив и искренен в том, что делает, а я отношусь к нему как к младшему брату. Мы звоним друг другу. Я поддерживаю его во всем. И с его стороны могу рассчитывать на то же самое. Он настоящий эксперт в женщинах. Часто дает мне ценные советы и указывает на ошибки.

Отношения с Доротой тоже были ошибкой?

Ни одни из отношений не научили меня столькому. Сложно назвать ошибкой что-то, что дает нам знания и делает внутренний мир богаче. Я никогда не узнал бы столько о людях, сколько узнал, пока жил в Варшаве. За эти знания, и не только за

них, я очень благодарен Дороте. Кроме того, она показала мне много необычных вещей. Иногда мелочей, но жизнь складывается из таких мелочей. Может, это прозвучит глупо, но благодаря ей я открыл индийскую кухню, стал ее большим фанатом.

Ты говоришь о Дороте довольно осторожно. Боишься выдать свои обиды?

Это вопрос воспитания. Я говорю открыто о своих чувствах, в конце концов, мы именно о них и говорим. Но я не хочу играть нечисто. Некоторое время назад я отказался от интервью с журналистом, который много раз не очень красиво обращался с Доротой. Я просто сказал ему, что считаю его дерьмом. У него было лицо, словно я его им и накормил.

Ты дружишь с Кубой Воеводским, он вроде бы тоже подшучивал над Доротой. Проблем не было?

Это очень умный парень, с отличным чувством юмора, которое мне нравится. Даже если он и перегибает палку, то иногда это даже полезно. Он говорит то, что думает. И достается всем, так он устроен. Мне тоже досталось. Но я всегда за этими шутками чувствовал симпатию. Мы немало ссорились из-за него с Доротой. Вечером она переключала каналы и на минуту задержалась на его программе: «Подожди! Стой! Я смотрю!» — сказал я. И началось. Она заявила, что я не преданный. Наверное, по ее мнению преданность состоит в том, чтобы всегда чувствовать то же, что и она. У Дороты был специфический взгляд на подобные вещи. Иногда мне казалось, что она хотела, чтобы я зарегистрировался на каком-нибудь интернет-форуме и защищал ее от атак анонимных злопыхателей. То же самое с Кубой: она вообразила, что я сяду в машину и отправлюсь разбираться, потому что он пошутил о ней в своей программе.

А если бы ее кто-то действительно обидел? Ты разобрался бы?

Конечно. С Доротой я в такие ситуации не попадал, но помню, как давно какой-то козел обидел Селину. Мы были на вокзале. Собирались ехать в студию в Торуни. И вдруг к нам прицепился какой-то алкаш. Вел себя нахально, по-хамски. Я ничего не говорил, ждал. Когда он начал лапать Селину, не выдержал. Ему досталось.

Ты легко ввязываешься в драку?

Даже в жизни черепахи есть такие моменты, когда она должна кому-нибудь врезать. Когда-то я был настоящей

эмоциональной бомбой; в двенадцать лет я делал такие вещи, над которыми сейчас смеюсь. У меня была девушка, Кася. Она и сейчас остается моей хорошей знакомой. Тогда же был влюблен по уши, хотя ситуация была довольной сложной, поскольку на горизонте появился другой парень. Такие вещи разрушают любой фундамент. Ничто так не раздражает парня, как знание о конкурентах. Нет ни единого шанса, что все останутся невредимыми.

Так ты избил его?

Он вышел из этой ситуации покалеченным физически, а я — эмоционально. Даже в парне средних габаритов в такие моменты просыпается титан, способный уничтожить целый мир.

Это было давно, а сейчас?

Мой характер не так легко изменить. До сих пор, если мне что-то не нравится, мои негативные эмоции резонируют на всех. С другой стороны, когда я счастлив, то все чувствуют мою любовь. С возрастом, однако, во мне все больше гармонии. Я не так остро чувствую злость, но мне также сложно испытывать чувство радости. Наверное, я понял, что сила мужчины заключается в умении скрывать некоторые вещи, а не ввязываться с эмоциональную драку. Хорошо, когда мужчина умеет сохранять стоическое спокойствие. Нельзя быть дворнягой, которая бросается всем под ноги. Большой и сильный пес не обращает внимания на маленьких.

Нергал со своим другом Чеславом Мозилем.

Глава IX

ВЗГЛЯД И ГОЛОС

Приятный член жюри из телевизора или радикальный блэк-музыкант? Какой Нергал настоящий?

Оба. Или ни один из них. Зависит от взгляда.

Так это только маски?

Настоящий Нергал находится в движении. В постоянном поиске. Сбегая от одной формы, я принимаю другую. Но не остаюсь в этом состоянии долго, когда-нибудь и оно изменится. Прежде всего, я музыкант, но я не ограничиваюсь этим и не прячусь в этом гетто. Я принимаю новые вызовы. Пробую писать, ищу место на экране. Кто знает, что будет дальше?

У тебя проблемы с самоопределением?

Скорее, речь идет о комфорте, а не о проблемах. Мне не нужно придерживаться определенного канона, а если и придерживаюсь, то только потому, что в данный момент мне нравится такой порядок вещей.

Которому тебе нравится?

Всем «мне». Нергал — это процесс. Panta rei — все течет. Это же касается музыки, которую я пишу. С Behemoth я тоже сбегаю от схем.

Это не очень заметный побег.

Все относительно. Конечно, мы не настолько радикальны, как, например, Ulver. Мы не лавируем, как они, между примитивным блэк-металом, акустическим фолком и современной электроникой. Они известны, я восхищен их отношением к музыке, но мы называемся Behemoth, а не Ulver. Но мы и не AC/DC, которые так воспитали своих фанов, что каждое отступление от стиля считается святотатством. Мы наших фанатов воспитываем по-другому. В нашей музыке есть неизменные вещи. Есть в ней всегда одинаковая доза экстрима, есть также, я надеюсь, качество. Неизменной остается наша искренность. Остальное находится в движении. Мне нравится это сочетание и тот факт, что мы можем как прекрасно играть сложные вещи, так и восхищать простотой.

Но вы не выходите за границы метала.

Потому что мы любим его! Наверное, это моя самая сильная музыкальная любовь, и я хочу ее сохранить. Это наш мир. Но поверь мне: если придет момент, когда я перестану это чувствовать, я уйду с этой сцены и начну играть что-то другое. Behemoth никогда не будут притворяться.

А что будет с другими? Инферно, барабанящий в альтернативном проекте…

Ты бы удивился! Именно Збигнев изменил мое мнение, например, о Janes Addiction, которых я раньше не переваривал. Барабанщик-имбецил — это стереотип, появившийся в музыкальной среде. У Инферно слух, какой редко у кого бывает. Он играет на гитаре лучше, чем я на барабанах, да и в клавишных даст сто очков вперед. Со стороны может казаться радикальным металлистом, но я знаю его и знаю, что чувства бегут в разных направлениях. Ему нравятся Killing Joke и другие проекты новой волны…

Наверное, это сейчас в моде.
Я не так много знаю о моде.

А Behemoth сейчас в моде?
Я надеюсь.

Есть разные артисты, в том числе те, кто посчитал бы это оскорблением.

Некоторые хотят плыть по течению, некоторые — бороться с ним, а меня это не волнует. По крайней мере, когда я нахожусь в согласии с собой. Остальное менее важно. В конце концов, речь не идет об одной только музыке. У меня такое впечатление, что мы стали модны из-за наших взглядов.

А ты можешь быть «фанатом взглядов»?

Morbid Angel, одна из моих любимых групп, записала последний альбом, на котором объединились дэт-метал, андеграундное техно и индастриал. Оглядываясь назад, я могу назвать это не вполне удавшимся экспериментом. В контексте всего их творчества я бы даже назвал этот их альбом слабым. Но я фанат, преклоняюсь перед их бескомпромиссностью. Парни хотели сломать систему. Не вышло? Жаль. Но они показали свои стальные яйца.

Behemoth — это коммерческий проект?

Как-то я обедал в компании коллег из Anthrax, музыкантов Оззи Осборна и ребят из ню-метал группы Ektomorf. Мы разговаривали о коммерции. Я сказал, что меня эта тема не касается, потому что Behemoth — это группа из андеграунда. Парни из Ektomorf чуть не подавились. Один посмотрел на меня как на сумасшедшего и сказал: «Вы — андеграунд?! Ты не представляешь, о чем говоришь; посмотри ваши клипы!» Я ответил, что это неважно: ни то, сколько денег уйдет на съемку клипа, ни то, что в Интернете его посмотрят несколько миллионов человек. Это говорит скорее об узнаваемости или популярности. Можно быть популярным, но быть далеким от мейнтсрима. Андеграунд — это прежде всего послание, которое несет музыка, а наше послание экстремально. Данциг в начале девяностых был популярным, но радикальным. Он собирал стадионы, но это не имело никакого значения, он не покорился популярности. Другой пример — Laibach, также одна из моих любимых групп. Они все время экстремальны, провоцируют слушателей, но вот уже на протяжении тридцати лет не выходят

из мейнстрима.

Laibach смеются над поп-культурой.

Это часть их концепции. Я согласен, но мы называемся Behemoth, а не Laibach. У нас другая концепция.

Более коммерческая?

Если уж Behemoth играет музыку для масс, то как описать музыку Red Hot Chilli Peppers или Ленни Кравица.

Может, в вашем случае речь идет о металлическом мейнстриме?

Я был на концерте Rammstein. На танцполе десять тысяч человек. На наш концерт придет тысяча. С ними в тур едут триста разных работников, с нами — три. Каждый вечер они вместе с дымом выбрасывают на ветер тридцать тысяч евро, наша пиротехника не стоит даже трех тысяч злотых… Я думаю, что Rammstein — это тот самый металлический мейнстрим. Даже моей маме они понравились бы. Во всяком случае она себе под нос напевала *Reise, Reise,* когда я включал эту песню в машине.

A Slayer?

Наверное, нет.

Каждый ребенок их знает.

Все знают, кто такой Дьявол, но разве это значит, что он

фигура мейнстрима? Дьявол из андеграунда. А из мейнстрима Бог.

PECUNIA NON OLET[34]

А телешоу, как The Voice of Poland[35], это коммерция или андеграунд?

Это приключение.

Удачное или неудачное?

Удачное.

Что заставило тебя согласиться на участие в этом проекте?

Две вещи. Веселье и чек. Много месяцев я боролся с болезнью. Концертов не было, я ничего не заработал. Сбережения начали таять. Здоровый или нет, я должен был платить налоги, да и лечение стоило недешево. Конечно, часть расходов покрыл Национальный фонд здоровья[36]. Но не все. Я лег в больницу богатым человеком, а выписался должником. Концерты были назначены только на осень. Так что сам Дьявол подтолкнул меня к этому шоу.

Или все-таки деньги?

Может быть, они стали решающим фактором, но не единственным.

Ты много заработал?

Этого было достаточно, чтобы спокойно думать об осенних концертах

Сколько нулей?

Шесть злотых и шестьдесят шесть копеек. Плюс то, что перед ними. Я говорю о каждом взносе.

Ты не сомневался?

Я слишком долго был наедине с собой.

Как вообще появилась перед тобой эта дверь?

Мне позвонила девушка с канала Rochstar и пригласила на собеседование. Я как раз валялся у друга в Кракове и страдал из-за своего возвращения на сцену.

НОВЫЕ ТЕЛО И КРОВЬ

Ты говоришь о выступлении вместе с Fields of the Nephilim?

Да, это удивительная история. Когда-то, в девяностых годах, я сосредоточился в основном на экстремальной музыке. Но было немного неметаллических артистов, которые завладели моим сердцем, как, например, Dead Can Dance, Диаманда Галас и,

собственно, Fields of the Nephilim. Я познакомился с их музыкой еще подростком. Они очень сильно повлияли на формирование моего вкуса.

Ты был знаком с ними еще до концерта?

Да, ранее мы с Behemoth записали кавер на их песню *Penetration*. Именно эту часть я потом и спел на сцене. Карл Маккой, с которым я познакомился несколько лет назад, мне помогал. Я написал ему письмо. Он ответил. Оказалось, его дочка, Скарлетт, — наша большая фанатка, поэтому попросил меня подписать специально для нее диск. Мы начали общаться. Некоторое время спустя моя подруга Илона, которая работает в варшавском клубе Stodoła, позвонила мне и рассказала, что Fields of the Nephilim будут у них выступать и приглашают на концерт всю нашу группу.

Тогда мы впервые встретились с Карлом. Несколькими месяцами позже мы выступали вместе на одной сцене на Tuska Festival в Финляндии. Дальше появилось предложение о том, чтобы на следующем польском концерте я исполнил вместе с ними *Penetration*. Но я должен был отказать, поскольку мы с Behemoth отправлялись в тур на противоположный край земли. В конечном счете я забыл об этом, заболел… Но на мою удачу, Fields of the Nephilim должны были снова играть в Польше, через несколько месяцев после моей выписки. Снова появилось предложение выступить вместе, а я решил, что стоит попробовать.

«Постболезненный» сценический дебют. Плечом к плечу с богами готической сцены Fields of the Nephilim. Вероятно, один из наиважнейших дней в жизни Адама.

В первый раз на сцене после выхода из больницы

Ты чувствовал, что тебе это по силам?

Уровень моей выносливости равнялся нулю. Но я должен был

выступить на этом концерте. Чувствовал, что это станет волшебной минутой. Я помню всю дорогу от Гданьска до Катовице. Когда я вошел в клуб, то был еле живым. Мало того что я был слаб, так еще был разбит морально. Но сразу почувствовал характерный запах. Любой клуб в мире пахнет именно так. Это странная смесь грязи, дерева, пролитого пива, сигарет и пота. Это мне нравится.

Я сразу понял, что нахожусь там, где должен быть, ведь сцена — это моя жизнь. Перед концертом мы с Карлом поделили вокальные партии. Обычно он между песнями просто молчит и только после концерта говорит короткое «спасибо». Но тогда он представил меня как своего друга. Это вызвало сильные эмоции. На сцене я увлекся… и у меня моментально пересохло в горле. В больнице у меня уже были проблемы со слизистой, которые продолжались долгое время после выписки. Паника парализовала, и я не смог даже поднести ко рту стоящую рядом бутылку с водой. Несмотря на весь дискомфорт, я вдруг понял, что в эту самую минуту постиг смысл жизни. Когда начал петь, по телу побежал озноб. Никогда раньше я не вдумывался в смысл слов того отрывка. Только тогда, на сцене Mega Club, до меня дошло их значение: «Сияю, как бог: новые тело и кровь». Едва несколько месяцев назад я перенес пересадку костного мозга, в результате чего у меня изменилась группа крови! Я видел людей на танцполе. Они смотрели на меня горящими глазами…

Ты справился?

На следующий день я чувствовал себя фатально. Плохо стало уже ночью, все симптомы указывали на ротавирусную инфекцию. Пришлось ехать в больницу. Вот тогда на меня нахлынули сомнения. Я задумался, смогу ли вернуться на сцену после болезни, или, может, пришло время с этим покончить. Лечением занимался мой друг, хирург, Пётр Тузик. Он отвел мне комнату в своей квартире. Я лежал там под капельницей, которую Беата, медсестра и его девушка, подвесила к люстре. Они очень обо мне заботились.

Меня окружали тысячи винилов, практически сам heavy metal. Мама Петра приходила каждый день и говорила: «Это все потому, что ты мало ешь. Идем, я котлет тебе нажарила». А я отвечал: «Простите, пани, не могу, у меня понос, я должен соблюдать диету». — «Нет! Ты должен поесть, иначе у тебя не будет сил!» И дожарив очередную отбивную, она подавала ее с картошкой. Они опекали меня три дня. Вот тогда и позвонили с Rochstar.

Гленн Данциг желает скорейшего выздоровления.

ИДТИ ИЛИ НЕ ИДТИ?

«Пан Адам, не примите ли вы участие в польской версии The Voice?»

Скорее: «Пан Адам, мы работаем над проектом, который мог бы вас заинтересовать. И приглашаем вас в Варшаву на неформальное собеседование»

Ты знал, о чем идет речь?

Я понял, что речь идет о телевизионном продукте. Честно говоря, подумал: «Только через мой труп», но согласился на встречу. Я задержался в Варшаве по пути в Гданьск. В офисе все

были очень вежливы. Тепло меня приветствовали, усадили в удобное кресло перед экраном и включили западную версию The Voice. В тот момент я уже понял, в каком направлении пойдет разговор. Внимательно смотрел программу и думал, что нет ни единого шанса, что я приму в ней участие… Я просто не смогу петь. Как я мог бы кого-то научить, не используя свой собственный голос?

Ты сказал об этом людям из Rochstar?

Они ответили, что в The Voice у меня будет абсолютно другая роль, а об обучении участников и технической стороне позаботятся профессионалы. Я должен буду сосредоточиться на поиске талантов. Они рассчитывали на мой взгляд и опыт, ведь я сам смог пройти путь из подвала до вершины, поэтому считали, что смогу увидеть кого-то, кто не только умеет хорошо петь, но несет огонь внутри. Аргументы они привели неплохие, но у меня еще были сомнения. Я искренне поблагодарил их за гостеприимство, пообещал позвонить им и отправился в Гданьск.

Тогда они говорили о гонораре?

Нет. Во всяком случае, я не хотел слышать ни о каких цифрах. Только позже я позвонил Кубе Воеводскому и разведал ситуацию. Он рассказал мне, чего можно ждать, дал несколько ценных советов. На самом деле, он убеждал меня участвовать. Но я продолжал бороться с собственными мыслями. Мне было хорошо в моем мире. Из-за отношений с Доротой я стал узнаваем, несколько раз появился на каких-то вечеринках, позволил себя сфотографировать, но меня все равно не тянуло в их мир. Тем не менее что-то созрело…

Ты уступил?

Я взял в Rochstar записи программы. Включал, смотрел. Впервые у меня промелькнула мысль, что это не так уж плохо… Но все-таки я не думал, что возьму на себя эту задачу…

ТОНКИЙ ЛЕД

Почему ты изменил свое мнение?

Я рассказал обо всем другу, к мнению которого прислушиваюсь. Просто завалил его вопросами: «Должен ли я в это ввязываться? А фанаты? Как это повлияет на группу? Как мне перенести стресс и ответственность?» Я услышал, что не должен

себя останавливать, что ограниченность — грех. Тогда я почувствовал себя уверенней. Сделал список аргументов за и против. Я все еще был слаб для возвращения на сцену, до первого тура оставалось несколько месяцев… Казалось, что участие в The Voice станет для меня выходом на только что замерзший лед. Когда понимаешь, что корка тонкая, не выбегаешь на середину озера и не прыгаешь. Но ты можешь ступить одной ногой на лед, другой ногой стоя на твердой почве. Поэтому я только коснулся корки. Именно так я решил относиться к участию в этой программе.

Одна нога на льду, другая на земле — так и разорваться можно.

Есть множество примеров, среди музыкантов тоже. Знаешь Джареда Лето из 30 Seconds to Mars? Он всемирно известен и как актер, и как вокалист. Он отлично сыграл в фильмах «Оружейный барон», «Бойцовский клуб», «Реквием по мечте»… Эти названия говорят сами за себя. В музыке тоже неплохо себя показал. Мне не нравится его группа, но они добились успеха, значит, есть в нем что-то… Похожих примеров много: Том Уэйте, Игги Поп, Кит Ричардс, который является живой легендой, гигантом гитарного риффа. Он сыграл в кино и не потерял себя. В конце концов, он не должен был никого играть, просто вошел в кадр и был собой — харизматичным, как тысяча человек одновременно!

Это правда, но все эти люди не встали перед камерой, выйдя из мира метала.

Есть тот, кто вышел к элите из пещеры. Зовут его Йонас Акерлунд. Он дебютировал барабанщиком с первым альбомом шведской легенды Bathory, предтечей блэк-метала. Работу с камерой он начал, делая клипы для других блэк-метал групп, для Dimmu Borgir например. Сегодня он является одним из самых востребованных клипмейкеров. Он работает для таких артистов, как Duran Duran, Леди Гага или Мадонна. Для Польши выход кого-то подобного в мейнстрим — это новая ситуация, но на западе уже не раз люди из музыкальных кулуаров заражали поп-культуру.

Но Акерлунд покинул свою нишу и сосредоточился на другой деятельности.

А я нет. Программа, большой экран, проба себя в других музыкальных жанрах — все это хорошо, но я знаю свою почву и твердо на ней стою. Есть те, которые утверждают, что я давно переступил черту, но сам я так не считаю. Я не выступаю на

корпоративах и не снимаюсь в рекламе. От всего, что делаю, я получаю радость. Если я чувствую адреналин в животе, то все окей. Программа давала мне такие ощущения. Не думаю, что у меня плохо получилось.

Как ты себя чувствовал в роли тележюри?

Наверное, хорошо. Но это не значит, что вначале у меня не было проблем. После первого дня съемок мы с Аней Домбровской[37] решили выпить кофе. Мы подружились с самого начала. Я начал ей рассказывать о своих сомнениях, а она только улыбнулась и сказала: «Адам, несмотря ни на что, у тебя все получится». Наверное, каждый в жизни должен суметь сказать себе такие же слова. Я вошел в абсолютно другой мир. Но не был напуган, это не в моей природе. У меня в принципе нет проблем с установлением контакта с людьми, так что я быстро нашел правильный путь. В какой-то степени программа еще больше меня раскрепостила. Я хорошо понимал окружающий мир, а после The Voice стал понимать его еще лучше. Встретил много замечательных людей: работников Rochstar, членов технической команды, работников телевидения. Они отнеслись ко мне без предрассудков, искренне и дружелюбно. И я отплатил им тем же.

ВОТ ЭТО ПОВОРОТ!

Нергал с Анджеем Пясечным во время генеральной репетиции The Voice.

А другие члены жюри? С Аней ты быстро установил контакт, а с Анджеем Пясечным?

Артисты, такие как Анджей, — это люди, над которыми мы, мятежные и дерзкие, обычно смеемся: «Ха-ха, парень с радио, комнатное растение». Наши стили находятся друг от друга на расстоянии световых лет, мы из совершенно разных окружений, но оказалось, что эти два разных мира занимают одно и то же пространство.

Анджей — просто хороший парень со здоровой самоиронией. Есть в нем значительная доля интереса к миру, в том числе и к моему. Хотя сначала я не знал, как себя с ним вести. Подошел к нему перед программой, пока он накладывал грим. Я представился, сказал, что рад работать вместе с ним. Он ответил серьезно: «Я слышал, что ты нормальный парень. Надеюсь, это правда». Я не очень понимал, что конкретно он имел в виду. Но расстояние между нами сокращалось. Несколько съемочных дней

— и оказалось, что мы с ним на одной волне. Между нами все время происходило что-то вроде пинг-понга. Я постоянно пытался осторожно над ним подшутить, но мне так и не удалось сказать последнее слово. Наоборот: он, может быть, не очень умело и тонко, но всегда мне отвечал. Я чувствовал, что мы с ним находимся на одном и том же уровне, и с каждым днем наша взаимная симпатия росла. Мы уважали друг друга. Я и сейчас поддерживаю с ним контакт. Также я очень подружился с его менеджером, Юлитой.

А с Касей[38], еще одним членом жюри?

Касе, особенно вначале, не хватало такта. Даже не по отношению ко мне. Также напряженными были отношения с Анджеем, а особенно с Аней. Как обычно бывает между женщинами… Бывало, мы с Анджеем переглядывались, потому что сказать было нечего. Кася очень эмоционально реагировала на такой обычный обмен взглядами, внешний вид или ругательства… Но я привык к этому, и позже все пошло как по маслу, и с ней я нашел общий язык. Конечно, между нами было некоторое трение, иногда ситуация накалялась, но я думаю, что мы всё хорошо смогли уладить. Аня, всегда сдержанная, иногда даже печальная, такой у нее образ. Кася, очень эмоциональная, иногда взрывная, иногда даже истеричная. Анджей, цитирующий классиков русской литературы. А я… Не буду себя оценивать. Я был непредсказуем: немного клоун, немного мудрец.

С Магдаленой Мальцаж и Хубертом Урбанским, ведущими программы, ты тоже нашел общий язык?

Это были только профессиональные отношения. Потому что они профессионалы, холодные профессионалы, я бы сказал. Но это не претензия.

У тебя не было ощущения, что тебе там не место? то ты не сможешь вписаться в программу?

Были ситуации, которые меня раздражали. Особенно в первые дни, когда мы отбирали людей в свои команды только на основе голоса и исполнения. Тогда я чувствовал себя странно. Я не был уверен в правильности своего выбора. Было впечатление, по крайней мере пока не появилась Моника Урлик, что у меня в команде нет никого на самом деле хорошего. Команды остальных членов жюри казались сильнее. Меня это расстраивало, хотя я старался не забывать, что программа — это прежде всего игра. Кроме того, я делал ошибки. Не хочу называть конкретных ситуаций, но некоторые вещи в студии звучали хорошо, а когда

позже я смотрел по телевизору повтор, у меня вяли уши.

Может, это происходило из-за недостатка мастерства?

Может быть. Остальные члены жюри иногда давали мне понять, что я не певец, не вокалист и многого не понимаю. Так произошло, когда я выбрал Ареса Хаджиниколау. Сумасшедшего грека. Он был очень эффектным, хотя его вокальная техника и сценический образ были довольно однообразными. В чем-то он похож на меня. Но и для него есть своя ниша, куда он сумел войти. Я знал, что он не выиграет программу, не является

выдающимся вокалистом, но и он оставил нескольких человек позади. Так же, как и представитель метала в моей команде, Филип Салапа. Я надеюсь, что они придут к чему-нибудь и завоюют свое место в музыке.

Ты тоже не являешься выдающимся вокалистом, но, в конце концов, тоже спел в программе, или, скорее, попытался.

Я кричащий вокалист, а не поющий. В этом большая разница. Моя музыка требует крика, чего-то первобытного и дикого. Атавизма. Я понимаю, что для кого-то парень, рвущий горло на сцене, может казаться странным, но для меня это глоток свежего воздуха. Петь наверняка я не умею, а делать вид — умею.

БУРЯ

Но не твой голос вызвал самые громкие споры, связанные с The Voice.

Как говорится, у каждого дурня своя винокурня. Мое участие в этой программе стало занозой в заднице многих людей. Как раз это и происходило во время выхода первого эпизода. Я только начал первые репетиции с группой, готовился к туру, программа отошла на второй план. Но вдруг мое участие в ней стало темой общенационального спора.

Я чувствовал себя героем комикса. Только стоял сбоку и наблюдал за событиями. Священники, политики, люди, о существовании которых я не подозревал, вдруг посчитали делом чести заявить, что Нергал — вульгарный сатанист, или, наоборот, их единомышленник. Я знал, что это пройдет, старался не реагировать слишком эмоционально. Чаще всего, если до меня доходил какой-то из этих комментариев, он вызывал лишь улыбку.

Ты не боялся, что тебя удалят из шоу?

Это было невозможно. Ни продюсеры, ни телеканал не потянули бы этого финансово. Должны были бы выплатить мне отступные. У меня прекрасный адвокат. Я поинтересовался этим еще до подписания контракта и чувствовал себя уверенно. Было также огромное количество людей, которые меня поддерживали и защищали. Сотрудники Rochstar встали за меня стеной. Но больше всего рисковали продюсеры…

С их стороны не было давления? Они не хотели тебя

заставить подписать дополнения к контракту?

С Ринке Руйенсом у меня были идеальные отношения с самого начала. Хотя на самом деле он боялся, что я сделаю какую-нибудь глупость во время прямого эфира. Но только я пошел на The Voice не для того, чтобы оскорблять людей. Был разговор о дополнениях, но я ничего не подписал. Так мне посоветовал юрист.

Были какие-нибудь другие предложения со стороны продюсеров?

Скорее, со стороны телеканала. Еще до того как программа вышла на экраны, у некоторых людей появилась проблема в голове. Они знали, что я согласился, но, как только мы обсудили. условия, кто-то предположил, что идея поставить меня перед камерой не самая удачная. Мне позвонил Ринке, очень расстроенный. И сказал: «Нер, тебе надо принять участие в какой-нибудь передаче, лучше всего у Шимона Маевского. Покажешь, что ты приятный парень, что не кусаешься». Я отказался. Даже не о чем было говорить, потому что у Маевского, хоть он приятный и интеллигентный человек, очень странные шутки. Либо я дебил и не понимаю такого юмора.

Миллионам поляков нравятся его программы.

Я до сих пор не знаю почему. В этих разговорах нет содержания, сплошное кабаре: много конфетти, перья в заднице и шум. Определенно, он не Монти Пайтон. А если он кому-то и нравится? Как писал Ежи Лиц: «Ешьте свое говно, миллионы мух не могут ошибаться». Идеально подходит. Поход к Маевскому навредил бы моей интеллигентности. Ринке уважал мое мнение.

Но буря в СМИ не утихла.

Ее немного успокоило мое появление в программе Збигнева Холдыса. Это настоящий авторитет, у которого на все есть свое мнение. Я уважал его и уважаю сейчас. Когда я появился в его программе, все увидели, что Нергал не такой страшный, как его рисуют. Тем не менее моралисты наезжали на меня снова, и Rochstar делал все, чтобы сгладить мой имидж. Они хотели, чтобы я поехал в больницу и сфотографировался с больными детьми.

Ты сделал это?

Я еду в больницу, навещаю людей, но не среди фотовспышек. Это был бы чистой воды оппортунизм. Ненавижу такие вещи. На мой взгляд, того, что я участвую в программе в качестве члена

жюри, было достаточно.

Но фигурка Бафомета висела у тебя на шее.

И что с того? Кто-то носит крест, кто-то дьявола. Кому что нравится. Я не отношусь к людям, которым мешает религиозный символ, болтающийся на груди. Такие вещи вообще не должны никого волновать. Как-то я встретился за ужином с Фрэнком Бело из Anthrax. Он родом из религиозной семьи. Не скрывая своих взглядов, он носит на груди крест. Вы думаете, что я перегнусь через стол, чтобы сорвать его? Это абсурд. Я уважаю его взгляды, а он уважает мои. Мы разговаривали несколько часов, и эти две темы не встали у нас на пути. Очевидно, есть люди, которым не следует выставлять напоказ свою веру таким способом. Я имею в виду учителей, политиков или полицейских. Но другие пусть носят на шее, что хотят.

Напоказ ты был благочестивым, хуже — в закулисье.

Произошла афера с инвалидами…

Наверное, это стало вершиной всего того бреда, который обо мне писали. Уровень абсурда достиг апогея.

На концерте Times New Roman ты делал вид, что исцеляешь людей в инвалидных колясках.

Каждый, кто знаком с этой группой, знает, что это кабаре. Парни играют не так давно, но организовали концерт в честь своего пятидесятилетия… Идея состояла в том, что они вышли в образе самих себя в будущем. Должно было быть просто смешно, а мое выступление было полностью спонтанным. Не было ничего общего с провокацией. Роман и Патрик — мои хорошие друзья; когда они пригласили меня на сцену, я просто на нее вышел… Иногда мне кажется, что мне нельзя даже улыбаться на публике, потому что этому сразу приписывают какое-то особое значение и ищут второй смысл.

Духовное утешение?

Но появились обвинения в том, что ты насмехаешься над инвалидами.

А кто его высказал? Пресса и политики или, может, сами инвалиды? Я никогда не слышал критики со стороны людей, обиженных судьбой. Но факт в том, что множество людей вообще не поняло того, что произошло на концерте. Меня обвинили в том, что после победы над лейкемией я стал насмехаться над больными. И это неправда. Я показал что-то абсолютно другое. Что я иронично смотрю на себя, смерть и окружающий меня мир. Тема болезни не табу для меня. Людей в инвалидных креслах нельзя считать другими или худшими. Это ненормально. Я знаю, что они находятся в мегахреновой ситуации. Недавно я подписывал диски в магазине Empik в городе Щецин. Первая фраза, которой я приветствовал фанов, была: «Ну, что, пришли посмотреть на мертвеца?» В общем, я не хочу позировать и казаться лучшим. Но мир должен, в конце концов, привыкнуть к некоторым темам. К тому же нет более целительной силы, чем смех. Через несколько недель после концерта Times New Roman мы с Behemoth выступали в Торуни. После концерта меня поймала знакомая, Агнешка Крысюк. Она сказала: «Там ждет парень в инвалидном кресле, который хочет сфотографироваться с тобой». Я подошел к нему, чтобы поговорить. Потом повернулся к камере, а он в этот момент достал карточку с надписью: «Ищу целителя». Хорошо, что у него, находящегося в фатальной жизненной ситуации, такое отношение к миру. У меня очень

много таких знакомых. Вы думаете, я и над ними буду смеяться?

Я тебя знаю. А люди, которые читают желтую прессу, — нет.

Взять хотя бы Адриана Кованека из Decapitated. Когда я с ним познакомился, он был молодым жизнерадостным парнем, с целой жизнью впереди. В 2007 году он отправился в тур к нашим восточным соседям. Произошла трагедия. Один из музыкантов, Витольд Келтыка, погиб. В свою очередь, Адриан до сих пор в инвалидном кресле. С ним в принципе невозможен контакт, хотя врачи считают, что он осознает все, что происходит вокруг. Я встретился с ним в этом году, во время нашего концерта в Кракове. Улыбнулся, пожал руку, но внутри меня все разрывалось от боли. Я чувствовал страшное горе и беспомощность. Он был выдающимся вокалистом прекрасной группы. Удивительно то, какой любовью окружают его близкие и друзья. Относятся к нему как к здоровому человеку. Разговаривают с ним, берут на концерты…

КОРОТКАЯ ДОРОГА

Вернемся к The Voice. Ты был хорошим наставником?

Я не могу это оценить.

Попробуй.

Представь: совещание. Впереди финал, на котором каждый из участников должен спеть свою собственную песню. Она должна быть авторской, написанной либо участником, либо его тренером. Мы не решили заранее, что приготовить для Дамиана Укейе, поэтому уже несколько дней у меня в голове вертелась мысль о том, как и где найти песню для него. Знал, что сам ничего не выдумаю. Мозг кипит, стресс нарастает. Обстановку нагнетают остальные тренеры, потому что у каждого из них давно готов репертуар для своих воспитанников. Тем временем на моем листке, напротив фамилии Укейе, красуется «Ничего нет». Все говорят о своих выступлениях. Доходит очередь до меня. Я начинаю объяснять ситуацию, говорю, что было мало времени… Слегка паникуя я, в конце концов спрашиваю у кого-то из продюсеров: «Что будем делать?» На меня смотрят как на сумасшедшего и говорят, что у Дамиана уже есть песня. Я показываю им свой лист и объясняю, что, к сожалению, у нас ничего нет… Все расхохотались. Оказалось, что «Ничего нет» —

это название песни. Вот такой из меня был наставник.

Но в итоге ты выиграл.

Дамиан выиграл. А я только подбирал репертуар.

Признайся, ты немного его выделял.

С самого начала я говорил, что пришел на The Voice, чтобы найти сильного рок-вокалиста, которого очень не хватает в Польше. Но это не значит, что я выделял Дамиана. Довольно долгое время я думал, что программу выиграет Моника. Укейе победил ее в честной борьбе; как исполнитель, он рос от эпизода к эпизоду. Я горжусь им, как, впрочем, и всеми участниками моей команды, которые дошли до выступлений вживую.

Они были хорошей командой?

У меня перед глазами стоит сцена, когда они вместе спускались со сцены. Я плакал от смеха. Камеры этого не передали, но видок был тот еще: на первом плане сумасшедшая блондинка с синдромом дефицита внимания, за ней длинноволосый Салапа, следующей шла беременная Моника, а шествие замыкали Укейе, вылитый сержант Боско из сериала «Команда А», а рядом Арес, чем-то напоминающий православного попа. Не хватало попугая, карлика и деревянной ноги! Каждому из них по отдельности было что показать, но я видел в них также команду…

Дамиан справится?

Через пять лет кто-нибудь будет о нем помнить?

Я свято в это верю. И постараюсь ему помочь. Мы подружились, даже начали вместе работать. У меня своя карьера, у него своя, но мы серьезно думаем о совместном проекте. На сегодняшний день мы находимся на этапе записи демо. Это звучит по-настоящему — настоящий классический рок. Немного от AC/DC, немного блюза, но и что-то в стиле Alice in Chains. Мы даем музыке течь, развиваться, пусть и не в том направлении, которое мы выбирали вначале.

Ты думаешь, что телевизионная программа может взрастить настоящего артиста?

А что значит «настоящий артист»?

Дэвид Боуи и DJ BoBo. Первый — артист, второй — нет.

Такие программы могут сделать только пластмассовую куклу, которая на автомате будет давать толпе примитивные

развлечения. Это естественно. Но это не значит, что телевизионное шоу не может воспитать кого-то, кто покончит с цирком и будет достаточно сильным, чтобы ставить свои условия.

Ты знаешь таких артистов?

Не надо ходить далеко. Шоу Idol взрастило Аню Домбровскую. Уже ее дебют показал, что она не собирается ни перед кем раскланиваться. Она сделала ставку на амбициозную, я подчеркиваю, амбициозную поп-музыку. Другой пример: Моника Бродка, которая выиграла шоу в 2004-м. Она прекрасная. Как-то я попал на ее концерт, где мы и познакомились. Она молодая, но при этом чертовски зрелая как артистка. Она вспыхнула, хотя многие предсказывали, что выйдет из игры.

Короткая дорога через телевизор не ломает людей?

Многие талантливые люди не выдержали такого скачка. Они быстро вспыхивают и быстро гаснут. У славы, как и у страха, короткий век. Я на свою вершину взбирался годами. В большинстве случаев так и происходит. И все-таки нельзя обобщать. Моника и Аня справились, но есть и такие, кто в шоу несли в себе какой-то огонек, а когда оно закончилось, потеряли его. Например, Шимон Выдра, финалист первого сезона Idol.

Ты знаком с ним?

Нет, меня с ним ничего не связывает, но его музыка ужасно однообразна. Надо сажать в тюрьму людей, которые покупают такую музыку. Но есть еще один тип людей. Отлично представляет его Генадзь Лоска, победитель первого сезона программы X-Factor. Он профессионал. Но играет на улице, просто за пиво. Программа дала ему толчок, благодаря этому он издал альбом, но ничего не изменилось: он все так же живет на деньги из шапки, остается самим собой. С той только разницей, что раньше его слушали тридцать человек, а теперь — триста.

Под зорким оком Нергала родился очередной талант

А кроме Дамиана кто-то из The Voice может добиться успеха?

Я рассчитываю на Филипа Салапу. Это талантливый парень, амбициозный. К тому же, неплохой «крикун». Он и не должен был выигрывать программу. У него своя группа, они в самом начале пути. Борются за успех. И я верю, что они далеко пойдут.

ВОСЬМИТЫСЯЧНИК

А ты знаешь молодых музыкантов, которые не выбирали короткую дорогу?

Ты спрашиваешь о Польше или о группах, играющих метал?

Хоть бы и о них.

Blindead — отличная группа. Но можно ли о них сказать, что они молодые? Это знаменитая группа, сделавшая себе имя. Но думаю, что они заслуживают гораздо большего. Я все время слежу за миром андеграунда. Даже больше: группы моей молодости, все эти боги метала, теперь не принесут мне столько ощущений. Поэтому я смотрю вниз, ищу вещи, захватывающие глубже, ищу там, где в музыке есть свежесть и бескомпромиссность. Я могу открыто заявить, что сегодня меня вдохновляют те, кого считают

мусором стиля и звука, группы, которые выпускают альбомы тиражом не больше тысячи. Я знакомлюсь с ними и поддерживаю. Я всегда одной ногой в андеграунде. И выхожу на экран, одетый в футболку Watain…

Для некоторых они уже стали мейнстримом.

А кто-то любит вареный лук. Вернемся к исходной точке и к тому, что есть люди, которые путают узнаваемость и положение на сцене с количеством продаваемых дисков.

А на какой позиции находится Behemoth?

На протяжении многих лет я не отдавал себе отчета в том, насколько мы выросли как группа. Только позже до меня дошло, что мы забрались действительно высоко. Это наши восемь тысяч метров. Конечно, только в нашей среде, потому что Behemoth была, есть и останется экстремальной группой. Выше головы не прыгнешь. Но всегда ведь можно пройти еще несколько сот метров.

Вы видите над собой других альпинистов?

Нет, потому что мы почти на вершине. Конечно, восьмитысячников может быть несколько. На другие тоже кто-то взбирается. Потому что я слышу голоса молодых и талантливых ребят. Есть и те, кто идут с нами бок о бок.

Кто?

Я думаю, что их довольно много. Могу назвать нескольких и с уверенностью утверждать, что мы играем в одной лиге с Nile, Gojira, Electric Wizard, уже упоминавшимися мной Watain… Не считая классиков жанра и групп, которые уже на вершине, хотя не на той же самой, что и мы. Mastodon например. Можно ли их и сегодня назвать экстремальными? Но вне сомнения, они совершенны.

Твое участие в The Voice не ослабило ваших позиций?

Ни в коем случае.

Ты стал узнаваем за пределами своего мира. Нет искушения смягчить звучание Behemoth и играть музыку для более широкой аудитории?

Нет, потому что мне не хочется своими альбомами забавлять народ. Я хочу забавлять себя, потому что я эгоист.

Так, может, на очередное шоу?

Я не говорю «никогда», но не думаю. Эксперимент удался. Для чего мне возвращаться и делать то же самое? Конечно, я снова выиграл бы. Теперь я выбираю то, что действительно важно, — группу. Мы завершили туры и заинтересованы в выпуске нового альбома. Потом продвижение, выпуск альбома, год или два — туры. Потихоньку я начинаю жить новым альбомом. У меня есть черновики и записи нескольких новых песен, и это звучит… иначе, но до боли искренне.

Ты хочешь с помощью нового альбома преодолеть те несколько сот метров?

Мы уже работали с лучшими людьми на этом рынке. Мастеринг последнего альбома нам сделал Тед Янсен, звукоинженер, который работает с Мадонной, «Металликой». Колин Ричардсон, который сводил *Evangelion,* — гуру продюсирования тяжелого метала. Круче только Рик Рубин и Боб Рок.

У тебя уже есть номера их телефонов?

Я работаю над этим, но смотрю скорее в другом направлении. И вижу таких людей, как Стив Альбини, Энди Уоллес, Росс Робинсон или Мэтт Хайд. Ищу кого-то, кто дал бы нам больше непредсказуемости и позволил бы уйти от избитых решений. На следующем альбоме я представляю себе больше асимметрии и шума. Конечно, в разумных пределах. В конце концов, мы играем достаточно сложную и агрессивную музыку, должно быть немного порядка в ее звучании. Стив Альбини сводил несколько альбомов Neurosis. В свою очередь, Робинсон ответственен за отличное звучание альбома *Iowa* группы Slipknot. Не такое это простое решение. Если он сделает то же самое для Behemoth, чтобы получить такое же звучание, то выйдет, скорее, какофония. Есть те, кто говорит, что лучше найти кого-то надежного и проверенного. Но я не хочу. Я хочу рискнуть. Так мне подсказывает интуиция.

Ты говоришь о риске, но уже давно появились обвинения в том, что вы стараетесь добавить в музыку как раз то, что сейчас модно.

Я давно это слышу. Говорят, что мы бежим от блэк-метала и играем дэт. Говорят, что мы повернулись в сторону «религиозного блэк-метала». Но что это такое вообще — «религиозный блэк-метал»? Funeral Mist? Но мы не звучим, как Funeral Mist. Мы никогда не звучали, как Cannibal Corpse или Suffocation, а они играют чистейший дэт-мегал.

А как Morbid Angel?

Они вечный источник вдохновения. Их музыка у меня в крови. Можно найти сходство. Но мы никогда не были и не будем их копией.

УЖЕ ВСЕ СЫГРАНО

А вы в принципе оригинальные?

Я ненавижу эту слово, и его нет в моем лексиконе. У гитары двадцать четыре лада и шесть струн, иногда семь. Все аккорды уже сыграны много лет назад. Как ни старайся, новых не придумаешь. Мы можем играть музыку, но ничего нового не сыграем. Зато я могу сосредоточиться на эмоциях, искренней подаче. Мои друзья из God Forbid признались как-то Дарреллу Даймбэгу, что играют его риффы… Он так им ответил: «Послушайте, мы не крадем друг у друга риффы, мы их одалживаем». Этот человек действительно сделал для метала что-то новое, настоящий guitar hero.

Главный рифф *Conquer All* ты одолжил у Anthrax? Или, может, украл?

Как-то я подошел к ним после одного из концертов, представился и объяснил, что, наверное, нехотя их «скаверовал». Они расхохотались. Отлично знали, о какой песни Behemoth идет речь.

Каким образом в одной из ваших песен оказался рифф-близнец из *Be All End All*?

Я помню день, когда я наиграл этот мотив. Он не идентичен, но, согласен, очень похож. *Conquer All* не с этого началась. Сначала я написал соло и только потом, уже под него, мы писали партии ритм-гитары. Я играю на репетиции это соло и говорю: «Так оно должно и быть!» Начинаю напевать: «Та-дам… та-да-да-да да-дам». Ищу те же звуки на грифе. Все работает, я чувствую мощь. Мы даем музыке свободу. Я знаю, что рождается рифф риффов. В какой-то момент Збигнев говорит: «Нер, я знаю эти аккорды». Я буркнул: «Похер! Без этого риффа не будет песни!» Так оно и получилось.

Как ты реагировал на заявления о том, что кто-то до вас уже сыграл… этот рифф?

Я избегал этого, хотя многие мне говорили, что *Conquer*

All звучит как Anthrax. Когда мне было лет двенадцать-тринадцать, мне очень нравился их альбом *State of Euphoria*… Может, что-то у меня в подсознании отложилось? Но я не хотел слушать этот альбом, понимая, что наша песня немного попахивает плагиатом. Только во время тура, без предупреждения, мне включили оригинал. Сбежать я не мог. В любом случае я помню эту историю.

Есть еще похожие истории?

В одной из ранних песен Behemoth я вдруг заметил фрагмент из песни группы Goblin, написанной для фильма «Суспириа» режиссера Дарио Ардженто. Его сюрреалистические образы страха многие считают культовыми. Еще в детстве, когда я сидел с друзьями возле костра, кто-то рассказывал о фильме и напевал мелодию. Я был поражен. Она запала глубоко в душу. Не скажу точно, в каком моменте фильма она звучит. Пусть фанаты сами посмотрят фильм и найдут. И тем, кому не нравится наша музыка, я все равно рекомендую его посмотреть.

Ты играешь с оригинальностью, часто повторяешь, что у музыки Behemoth есть свой характер.

Я, как губка, впитываю все, что меня окружает. Музыка, фильм, разговор. Когда берешь губку, то из нее не течет та же самая вода. Ты все фильтруешь через свой опыт. Свой характер? На этом стою! Но это не означает оригинальности. Предпочитаю быть вторым, но искренним. Например, Aspergillus Flavus — была когда-то такая группа в Гданьске. Ребята были помешаны на оригинальности и технике. И если кто-нибудь говорил им: «Слушайте, это на Voivod похоже», то они всю песню выбрасывали в мусорку. Они так и не издали альбома, отыграли несколько концертов. Слушать это было невозможно.

С какой целью вы гримируетесь перед выходом на сцену?

От многих вещей отказались, но не от этого. Для чего вам костюмы, маски… это не детское баловство?

Разве? Мне так не кажется… Alice Cooper, Kiss или Celtic Frost до сих пор разрисовывают лица перед выступлениями, но детьми их не назовешь. Я не знаю, откуда взялось убеждение, что зрелым артистам не подобает использовать на сцене дополнительные экстремальные примочки, костюмы или корпспэйнт. Я считаю иначе: любому артисту можно все, если это поможет ему достичь своей цели и высказать свою точку зрения. Естественно, у нашего корпспэйнта есть свои корни, эстетика, которая сродни блэк-металу. Предтечи жанра использовали рисунки и боевую

раскраску на теле. Мы переняли эстафетную палочку, но делаем это по-своему. Сегодня Behemoth выглядят как Behemoth. Для нас это не только эстетика. Для нас макияж имеет гораздо более глубокий смысл. Это алхимия. Макияж нас перевоплощает, наделяет новыми ролями, пространством для которых является сцена. Я часто говорю, что мы находимся на поле боя. Когда мы идем на войну, мы разрисовываем себе лица. Это очевидно.

Но люди оценивают вас через призму этого театра.

«Откуда тебе знать вкус яблока, если смотришь на дерево? Откуда тебе знать о вкусе меда, если смотришь на пчел?»

Это слова с альбома Мацея Маленьчука, ты согласен с ними?

Именно.

PUDELSI

Он тоже любит «перевоплощаться». Как пересеклись ваши пути?

Я смотрел выпуск Idol по телевизору. Вдруг показали Мацея, а он был в майке Behemoth. Я нс подозревал, что он любит такую музыку. Темой оформления этой футболки была фигура Бафомста. Тогда же Мацей играл Воланда в спектакле по мотивам «Мастера и Маргариты». Я подумал, что футболка — кстати, прекрасная работа нашего давнишнего друга, Томаша Даниловича — соответствовала его образу. В любом случае зерно было посеяно, а я… заинтересовался музыкой его группы I Iomo Twist.

Раньше не знал о них?

Название и отдельные песни. Я услышал альбом *Demonologie* и обалдел. Прошло несколько лет, и когда случайно, перед самым началом студийной работы, я написал музыку *Lucifer* к стихотворению Тадеуша Мининского, я моментально подумал о Мацсе. Услышал в голове, как он читает строчки из текста. Позвонил его менеджеру и сделал предложение. Спустя пять минут он перезвонил и сказал, что Мацей с удовольствие примет участие в проекте. Я спросил: «За сколько?» В трубку услышал: «Бесплатно конечно, для него это большая честь».

Он приехал на запись?

Нет. Он записал все буквально за час в своей студии. Еще

через час он уезжал в тур. Весь аудиоряд ему должен был выслать мой друг Kikut, у которого своя студия, и он, в принципе, разбирается в подобных нюансах. Я с нетерпением жду записи, вдруг мне звонит звукорежиссер Мацея и говорит, что запись идет очень медленно, потому что материал, который был выслан, очень странный. «Что значит «странный»?!» — просто кричу в трубку. Оказалось, что Kikut каким-то образом выслал ему часть, на которой был записан только фон. Короче говоря, без всего! Без гитар, баса, барабанов. Я был в бешенстве. К счастью, Мацей успел получить другой материал. На него и записал вокал. Мы должны были немного его отредактировать, но в конце концов все получилось гениально. *Lucifer* — это один из тех треков из *Evangelion,* от которого у меня мурашки по коже бегут.

Маленьчука можно увидеть и в видео на эту песню.

Это было естественное развитие сотрудничества. Я пригласил его, он согласился… Но я ничего не сказал парням. Представь себе их лица, когда во двор места, где мы снимали клип въезжает черный Subaru, из которого выходит Мацей.

В его альбоме ты спел в качестве ответного жеста?

Несколькими месяцами позже, после съемок клипа я встретил Мацея на финале программы X-Factor. Куба Воеводский объявил выступление его группы вместе с гостем, Генадзем Лоска. Также он сказал, что в студии присутствует Адам «Нергал» Дарский, который наверняка оценит их выступление. Они играли действительно здорово. В гримерке Мацей поделился идеей записи кантри-альбома. И предложил мне участие. Мы долго думали над репертуаром. Мне с детства нравятся такие мотивы. Люблю Джонни Кэша, а из новых артистов мне нравятся Стив фон Тилл, Бьорн Берге, Wino & Conny Ochs или Джефф Мартин из The Tea Party. Очень простая формула: гитара и голос. Но эта музыка очень близка моей природе. Той, другой, рассудительной и спокойной. Озарение пришло во время пробежки. Я включил в наушниках песню группы The Highwaymen… и эврика! Все прояснилось. Еле добежал до дома, чтобы позвонить Мацею. Результат можно услышать в альбоме. Я думаю, эта песня очень близка моему сердцу… и жизнеописательна. Должен был быть еще и клип, но, к сожалению, его не будет.

Не удалось договориться?

Сложно сказать. О клипе речь шла с самого начала. Когда я вспоминаю мысли Мацея о записи песни, сразу вспоминаю и придуманный к ней образ. Мог получиться клип, о котором бы

люди заговорили. Все шло хорошо. До определенного момента.

Будучи уже на полдороге к студии, я получил телефонный звонок… Мацей отменил все. Почему? Я не знаю, я не смог с ним об этом поговорить. Одно могу сказать: я очень разочарован. Жаль. Мы могли бы сделать что-то на самом деле выдающееся.

С Мацеем Маленьчуком во время съемок клипа Lucifer.

А как дошло до вашего сотрудничества с Леславом Можджером?

Это музыкант с совершенно другой планеты.

Я столкнулся с ним в студии Radio Gdańsk, где мы записывали *The Apostasy*. Он знал, кто такие Behemoth, а я знал, кто такой Лешек Можджер. Это было приятно. Мы были из разных миров, но оказалось, что разговариваем на одном языке. Еще это был импульс. Мы как раз работали над *Inner Sanctum, я* выбегаю из режиссерской, смотрю по сторонам и вижу этого парня. Он смотрит на меня, я на него. И сразу становится все ясно, словно я его об этом уже просил. Говорю ему, что нам нужна партия фортепиано к песне, которую мы как раз записываем. Он не стал ходить вокруг да около: «Знаешь, почему бы и нет?»

Мы договорились, что в течение нескольких дней он все запишет. Когда он появился, до того, как сесть за инструмент,

попросил текст песни. Я показал ему слова. Это очень искреннее стихотворение, от сердца, но его мотив, безусловно, далек от католических взглядов. Что Лешеку не помешало. Он не хотел играть музыку, хотел сыграть слова. «Я хочу видеть тьму в конце туннеля света» — задержался на этих словах, задумался на минуту, сел за фортепиано, сыграл короткое начало. У нас округлились глаза, играл он виртуозно. Через минуту попросил пустить запись. И записал свою партию, буквально четыре звука. Именно столько, сколько этой песне требовалось.

А в принципе тебе нравится джаз?

Ненавижу. Это музыка для лифтов. В буквальном смысле. У нее нет точки. Нет ни конца, ни начала. Я слушаю джаз только тогда, когда живу в отеле и езжу в лифте с одного этажа на другой. Или случайно в каком-нибудь баре в самом сердце Нового Орлеана, в котором лучшему в мире стейку аккомпанирует настоящее черное трио. Когда контекст верный, то и аккомпанемент подходит.

Это тебе не помешало пригласить на запись Мозджера?

Абсолютно нет! Я его очень уважаю. У меня такое ощущение, что музыканты, актеры, люди сцены пользуются каким-то универсальным кодом. Они понимают друг друга вне зависимости от того, в какой сфере работают. Представь себе такую ситуацию. Я развалился на барной стойке в холле отеля Radisson в Варшаве. Скорее уставший, чем пьяный. Все происходит в мае, поэтому тепло. Я заказываю очередной эспрессо, пробую разбудить себя и вдруг вижу: входит парень. Узнаю его! Он смотрит на меня, становится понятно, что тоже меня знает. Это польский музыкант Станислав Сойка. Мы не знакомы лично, но он подходит и жмет мне руку, словно это обыденное для нас дело. Начинаем разговаривать. Вот так это и работает. В другой раз посреди ночи я делаю покупки в одном из гипермаркетов. Вдруг сталкиваюсь плечом с каким-то мужчиной. Мы оборачиваемся, минуту концентрируемся — и смеемся… Мы никогда не были знакомы лично, но даем пять. Тогда это был польский актер Борис Шиц.

Ты поддерживаешь связь с людьми, с которыми так познакомился?

По-разному. С Борисом мы несколько раз зависали до самого утра. Очень дружелюбный и рок-н-ролльный парень… И наверное, он рад, что я не его сосед, иначе он не выжил бы. С Мозджером я поддерживаю периодический контакт. В последний раз он пришел

на наш концерт в Гданьске. Точнее, пришел перед концертом. Не мог остаться, но привез нам подарки. Я получил от него трусы.

Ты шутишь!

Он долгое время был в Бразилии и решил что-то нам оттуда привезти. Мне достались трусы, теплого розового цвета. На резинке — двуглавый орел, который подозрительно напоминает порочного феникса, символ Behemoth, который часто появляется на майках группы. Как оказалось, мы заразили даже латиноамериканскую моду.

Глава X

ОРУЖИЕ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ

Ты чувствуешь себя обворованным, когда кто-то скачивает из Сети твою музыку?

Нет.

Многие музыканты чувствуют себя именно так.

Я отвечаю за себя, а не за других музыкантов.

Но ты представь: ты записал песню, вложил в нее душу и деньги, а кто-то получает ее даром.

Если он не знаком с моей музыкой, скачает ее, послушает, поймет, что это не его тема и удалит файлы, то все нормально. Нет проблем. Будут другие, которые послушают, им понравится, и

они купят альбом. Есть в этом какая-то гармония.

А если кому-то понравится, но он не может позволить себе купить альбом?

Тогда пусть слушает скачанное. Может, за год у него появится возможность и купит? А если и нет, то придет на наш концерт и купит футболку? Я знаю таких фанатов. Интернет действует как радио. Я отлично это понимаю и не собираюсь бороться с ветряными мельницами.

Ты сам скачиваешь музыку из Интернета?

Конечно.

Но и диски покупаешь?

У меня их несколько тысяч. Когда я нахожу в Сети то, что давно хотел послушать, или кто-то посоветует мне что-то новое, то я скачиваю. Если мне нравится, то на следующий день покупаю диск. Или три. Два потом дарю знакомым. А если альбом по-настоящему охренительный, то могу поохотиться за винилом. Мне не кажется, что я кого-то обворовываю.

А что ты думаешь об артистах, польских в том числе, которые тягают по судам фанатов? Не только за музыку, но и за несанкционированное видео с концерта, фотографии…

Сложный вопрос. Мне не хотелось бы никого учить, как создавать свой имидж. Наверное, у таких артистов много свободного времени. Я бы охотно одолжил его у них.

То есть фанатам Behemoth не стоит бояться, что если они выложат в Интернет видео с вашего концерта, то в один прекрасный день в дверь постучится почтальон и вручит повестку?

Иногда случаются вещи, которые меня раздражают. Но что я могу с этим поделать? Ничего. Мир меняется. Еще несколько лет назад фотосъемку концертов заказывали заранее, а сегодня никто об этом и не подумает. У всех есть камеры и они фотографируют и записывают, что хотят. Я иду с этой толпой, а не борюсь с ней. Даже приспосабливаюсь. Я считаю технический прогресс инструментом, благодаря которому я имею возможность обратиться к людям. К тому же подобные записи не что иное, как цифровая копия бутлегов, а мне нравятся бутлеги. За их издание в виниле я могу заплатить довольно большую сумму…

Так почему ты не выкладываешь свои альбомы в Сеть?

Бесплатно, чтобы каждый мог скачать.

Это тоже неверная дорога. Я музыкант, этим зарабатываю на жизнь. Это моя работа, единственное средство существования. Если я вкладываю в это всю душу, то гонорар — награда. И зарплата. Я должен купить лучшие инструменты, арендовать студию, заплатить самым лучшим специалистам музыкальной индустрии. Так все вращается.

Тогда это бизнес.

Может, и бизнес. Но я не могу относиться к фанатам как к преступникам. Только потому что они хотят поделиться фотографиями, сделанными на концерте? Только потому что они хотят послушать альбом до его премьеры? Успокойтесь.

Чтобы один мог скачать, второй должен выложить что-то в Сеть.

Я взбесился, когда вдруг появился *Evangelion.* Это как с фильмами, которые кто-то снимает на телефон в кинотеатре и выкладывает в Интернет. Режиссер посвящает месяцы тому, чтобы доработать каждый кадр. Борется за качество. Вы сможете оценить это, смотря копию, сделанную камерой в кинотеатре, когда изображение смазанное, а звук пропадает? Я так не думаю. Фильм — это не только сюжет, а альбом — это не только музыка. Это текст, обложка, фотографии, запах бумаги… Тебе нравится запах бумаги?

Но ты же сам скачиваешь музыку из Сети?

И часто борюсь сам с собой. Я из поколения, для которого музыка была тайной. А очередной альбом — труднодоступным. Их покупка была для меня ритуалом. Мы ждали выхода диска, с благоговением брали его в руки, рассматривали со всех сторон. Сегодня мир спешит и в нем нет места таким вещам. Тогда человек неделями ждал премьеру. Потом бежал в магазин за альбомом. Если его там не было, то возвращался на следующий день. И через день. И ругал на чем свет стоит и магазин, и дистрибьюторов.

Мне нравились музыкальные магазины. Нравилось ходить между полок и рыться в дисках. Мне и сейчас нравится, но делаю я это реже. Просто не хватает времени и терпения. Сегодня есть интернет-аукционы, где можно купить что угодно, кликнув один раз мышкой. Это удобно. Из-за этого мир стал хуже? Не знаю. Он просто другой. В нем меньше магии, но я не стану обижаться на новые технологии и достижения.

Вы нашли человека, который выкинул *Evangelioti* в Сеть?

Это было несложно. Журналисты получают некоторые записи. Мы быстро установили, где произошла утечка. Бешенство прошло, потому что я хорошо знал этого человека. Я просто развел руками. Shit happens. Оказалось, что Луиза, главный редактор журнала Terrorizer, случайно рассекретила нашу запись. Случайно сбросила не ту папку, и альбом появился в Сети.

Точно случайно? Ты веришь в это?

Может, я и наивный, но да, я верю. Сегодня это уже неважно. Луиза извинилась и компенсировала ущерб. К этому больше не возвращаемся.

НЕ РАСПИНАЙ ВО ИМЯ СВОБОДЫ

Ты следил за событиями, связанными с подписанием Европейского антипиратского соглашения АСТА?

Да, я следил за ситуацией. Ближе мне была позиция протестующих, чем сторонников его подписания. Мне всегда по дороге с теми, кто борется за свободу.

Но ты не комментировал публично эту тему.

Я чувствовал себя не вправе. У меня нет юридических знаний, так что не знаю, изменит ли это соглашение что-нибудь. Много моих знакомых было против АСТА. Они говорили, что его подписание можно расценивать как ограничение свободы в Сети. Но были и те, кто считал, что для артистов введение таких ограничений будет выгодно.

I AM POLISH MAN в Нью-Йорке.

Как Збигнев Холдыс. Протестующие накинулись на него как волки.

Мне очень нравится Збышек. Он моя икона. И речь идет не только о его жизни и музыке. Я ему очень благодарен.

Когда на меня нападали в прессе, он всегда вставал на мою защиту. Я и не просил его. Он помогал мне, потому что верил, что у каждого есть право говорить, что ему хочется. И если на такого человека нападают и делают из него врага свободы, разве это нормально? Мне кажется, нет.

В большинстве вопросов, хотя бы в вопросах пиратства, у вас абсолютно различные взгляды.

Прекрасно! В этом суть свободы. У него свои мысли, у меня свои. И мы оба имеем права их высказывать. И мы не должны закрывать свои рты. Но тем временем в Интернете Збышека распяли. И рот ему пытались заткнуть люди, которые боролись за свободу. Мне этого не понять.

Отвлекаясь от ситуации с Холдысом, тебя не удивило, что пользователи Интернета смогли организовать такой большой протест?

Я был удивлен масштабом акции. В хорошем смысле. Это

показало, как сильно мы любим независимость. Интернет — ее личное пространство, где информация живет без цензуры. Манипулирование появляется там, где можно поделиться информацией. В Сети таких обменников предостаточно. Вы выкладываете текст в Интернет, и его может прочитать каждый желающий. И никто не может его изменить. Люди знают это и защищают свое пространство.

Можно от них избавиться?

Я думаю, что нет. Это революция. Она длится долго и зашла слишком далеко, чтобы кто-то смог сказать: «Стоп!» Загляни, например, в газеты, не в таблоиды, а серьезные издания. Они начинают рассказывать о событиях в Интернете. Кто-то делает запись в Twitter, и сразу же об этом пишет пресса, это тоже важно. Они чувствуют, где сегодня рождается информация.

Когда мы говорили о мире желтой прессы, ты вспомнил о работе Зигмунда Баумана и сравнении современных форм коммуникации с «блестками». Он имел в виду Интернет.

Согласен. У виртуальной революции есть и темные стороны. Твитнуть может каждый: «Съел суп», «Через час конец работы», «Зацените мою новую прическу». Нас заливает бессмысленной информацией. И сложно выудить из этого болота стоящие вещи. Мы привыкли к тому, что, открывая страничку, каждый день находим на ней что-то новое. Жизнь информации становится короче и короче. Я делаю запись в Facebook. В первый день под ней появляется двести комментариев, на следующий — двадцать, а на третий уже никто не комментирует. Все ждут следующей записи, потому что старая неактуальна и неинтересна. Речь идет не о качестве, но о темпе.

Так Интернет — это хорошо или плохо?

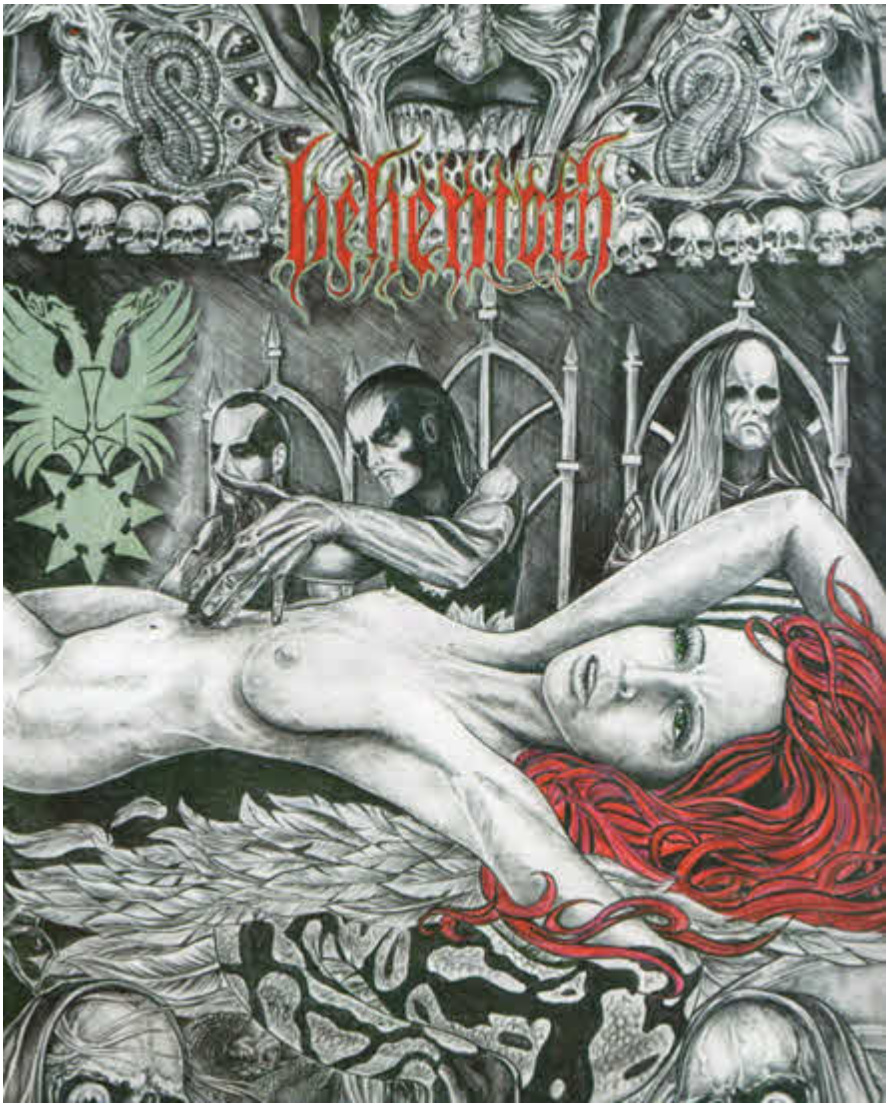
Ни то, ни другое. Это всего лишь инструмент. Но люди об этом забывают. Их жизнь проходит в Сети, а нс в реальности. Один из моих друзей расстался с девушкой. Она сначала удалила его из друзей на Facebook, а только потом порвала в реальности. Когда слышу о таких вещах, то радуюсь, что я из поколения, у которого не было компьютеров. Посмотри, сегодня Twitter или Facebook заменили почту. Классическое письмо — это абстракция. Сесть и написать несколько страниц? Кому бы этого хотелось? А я писал такие письма. И знаю вкус глубоких отношений. Я способен оценить Интернет, но не втягиваюсь в него полностью.

Официальный сайт группы, канал на YouTube, профиль Behemoth и твоя фан-страничка на Facebook, личная страница, интернет-магазин, блог… Много всего. У тебя есть время заниматься этим, не втягиваясь полностью?

За сайтом и магазином следит мой друг, наш вебмастер, Мацей Manticore Груша. Конечно, я ему помогаю и все контролирую. Всем остальным я занимаюсь сам, но только делаю записи, потому что информатика — это черная магия для меня.

Тебе не хотелось узнать этот мир с технической стороны?

К компьютеру я отношусь как к автомобилю. Я умею водить машину. И мне этого достаточно. Я не заостряю внимание на том, как работает двигатель.



Когда ты на самом деле оценил силу компьютера?

Оценил быстро, но пользоваться начал не сразу. По крайней мере самостоятельно.

Тебе не нравятся технические новинки?

Очень нравятся. В принципе, я осваиваю их в один миг. Я настоящий гаджетоман. Когда появились мобильные телефоны, то и у меня он появился. И неважно, что размером с буханку хлеба. Он у меня был, я мог говорить, отправлять сообщения… По началу я мог общаться с двумя-тремя друзьями, потому что только у горстки знакомых было это чудо техники. Общение

всегда было важно для меня. Но вот с компьютерами я запоздал. В конце девяностых ездил за электронной почтой на велосипеде.

Manticore, который уже тогда уговаривал меня освоить Интернет, всегда был в этом вопросе в первых рядах. У пего была электронная почта, а у меня нет. Поэтому я всем давал его адрес. Если кто-то мне писал, Мацей звонил: «Мер, тебе тут письмо от Metal Blade Records пришло». Я садился на велосипед и ехал к нему, чтобы прочитать сообщения от студии. Если у меня не было времени, то он читал мне все по телефону, а я диктовал ответ. Я в этом тогда ничего не понимал, жил в каменном веке и высылал факс на почте.

Долго это продолжалось?

Я зарегистрировал свой собственный почтовый ящик, но компьютера у меня все равно не было. Бегал по интернет-кафе. У многих друзей появились компьютеры, я сидел у них часами, отправлял письма, давал интервью. Через несколько лет я купил себе комп. Помню, что был ужасно горд, когда в конце концов он нашел место в моей квартире.

Сегодня много времени отнимает компьютер?

Я пользуюсь им каждый день. Утром проверяю почту, смотрю новости. Больше не нужно бегать в киоск за газетой: все находится на расстоянии вытянутой руки. Но я стараюсь себя ограничивать. И нс забывать о реальной жизни.

Свое присутствие в Сети ты считаешь работой или развлечением?

Развлечением, но с оружием массового поражения.

Записи на твоей личной странице часто повторяют те, которые появляются на официальной странице группы.

Неудивительно. Я живу группой. Двадцать четыре часа в сутки.

А на Facebook зарегистрировался больше как музыкант или для личных целей?

Назло. Раньше, тоже назло, избегал этого как огня. «Тебя нет на Facebook? Значит, ты не существуешь!» — так мне говорили. Я пообещал себе, что никогда меня там не увидят. И был горд этим…

Это были слова на ветер?

В один прекрасный день я просто туда зашел. Не для того, чтобы зарегистрироваться. Хотел что-то проверить, искал

информацию. Но вдруг увидел, что профилей Нергала больше, чем букв в моем полном имени, что-то меня подтолкнуло. Подумал, что пора навести порядок и дать людям настоящего Дарского. Я быстро во всем разобрался. Мне нравится, что Facebook сбрасывает меня с пьедестала, разрушает дистанцию, которая разделяет меня и фанатов.

Ты отвечаешь, когда тебе пишут?
Часто.

А привлекательным фанаткам?
Тоже.

Виртуальная любовь, интернет-флирт — тебе это знакомо?
Бывает, что я флиртую в Интернете. Но с фанатками редко. Это не этично. Если бы я был гинекологом, то не старался бы переспать с каждой пациенткой.

А если с каждой пятой?
Всегда есть исключения. Но я предпочитаю держать яйца в узде. Хотя часто встречаю фанаток, которые не против таких отношений. Они молоды и привлекательны, влюблены в меня, но также наивны. Я стараюсь не пользоваться этим. Мне не нужна такая фора на старте. Предпочитаю женщин, которые знают, кто я и видят во мне прежде всего мужчину, а не лидера любимой группы.

Когда ты общаешься в Сети, то не можешь быть уверенным, кем является человек по ту сторону экрана.
Я знаю об этом. И всегда стараюсь держать дистанцию. Я знаменит, люди могут меня обмануть. Нс только в Интернете. Разные люди звонят мне. Разговаривая по телефону с журналистом, я не могу быть уверен, правда ли он работает на издание, именем которого представился. Несколько раз я обжегся, поэтому теперь проверяю такие вещи. Определенных границ не переступаю, пока не удостоверюсь, что на другом конце провода тот самый человек. Это касается всех сфер. Не важно, флирт это, деловой разговор или интервью. Я осторожен.

ХАМЛО С ПРИНЦИПАМИ

А вообще, как ты относишься к журналистам?

Я знаю, некоторые называют тебя хамом.

Я бываю грубым. Сознательно. Мне нравится разговаривать с журналистами, которых знаю и уважаю. Я ценю честность. Есть люди, такие как Томаш Лис например, имена которых ассоциируются с качеством. Когда получаю от него сообщение с просьбой об интервью, то не отказываю, поскольку знаю, что он сделает отличную работу, а я прочитаю то, что сказал, а не бред, взятый из космоса. Так же и с Ярославом Шубрыхтом например, с которым я знаком еще с тех времен, когда он сам бегал по сцене с микрофоном. Таким людям я доверяю. Даже если они задают мне сложные вопросы и давят. Так было с Петром Найштубом. Он брал у меня интервью для еженедельника Przekrój. Мне не нравилась манера, в которой он ведет беседу. Но в этом был стиль. И качество. Когда он попросил об очередном интервью, теперь для журнала Wprost, то я согласился, и эффект был совсем другой, не такой, как в первый раз.

Это люди с громкими именами. А у простых журналистов есть шанс поговорить с тобой?

Дело не в имени. Просто пару раз я уже попался на такие интервью. Звонил парень, спрашивал про туры, про группу, про альбом, а потом появлялся материал о том, что Нергал разгуливает по вечеринкам. Я не собираюсь совершать больше таких ошибок. В принципе, избегаю желтой прессы. Их журналисты любят прятаться или выдавать себя за других людей.

Часто звонят тебе?

Недавно мне звонили из одного из телевизионных завтраков. Вроде это так называется, да? Программы, где показывают всякую лайфстайловую ерунду и рассказывают, кто с кем спит.

Да.

Ну, вот. Позвонила мне девушка. Это было весной, в конце марта. Хотела, чтобы я выступил в первоапрельском выпуске программы. Я должен был встать перед камерой, поулыбаться немного и тупо пошутить, что завязываю с металом и записываю новый альбом в стиле регги или еще какое дерьмо. Я вежливо отказался. Но она не поддавалась и звонила снова. В конце концов я не выдержал и сказал, что с большим удовольствием выступлю в этой программе, если они выполнят мои условия. Экспромтом придумал какую-то ерунду: что хочу выйти голым, прикрытый американским флагом, в сопровождении церковного хора в костюмах СС, поющего гимн Ватикана.

И она отстала?

Через два часа перезвонила и сказала, что продюсеру понравилась моя идея. Я потерял дар речи.

Но несколько раз ты появился в телезавтраках.

Два раза, если быть точным. Первый раз сразу после выписки из больницы. Я представлял одну из акций, организуемых фондом DKMS. Во второй раз я обещал такое выступление продюсерам The Voice of Poland. Это было джентльменское соглашение. Я выполняю такие обязательства.

Шла речь о каком-то финансовом вознаграждении?

Я не имею в виду акции, связанные с деятельностью DKMS…

Нет. По крайней мере, я никогда не спрашивал о вознаграждении. Стараюсь избегать таких мероприятий. Нет необходимости в публичном разборе полетов перед двумя миллионами зрителей в семь часов утра.

Ну да, на телевидении ты появляешься уже под вечер, наверное, потому что так часто материшься…

Ругательства — это часть нашего языка. Их использует каждый. Это экзорцизм, который изгоняет плохую энергию. Иногда подчеркивает важность сказанного. Но материться еще надо уметь. Есть у меня такая подруга, Моника. Эта девушка — настоящий гуру обращения с «курвами». Ругательства в ее устах звучат, как симфония. Они как шкварки в идеальной яичнице. Должны там быть. Хуже, если кто-то не умеет ругаться. Есть такое быдло. Сыплют матами, аж уши вянут. И делают это абсолютно без привлекательности, механически. Я смотрю на них, слушаю, и в голове только одно слово: «Пиздец».

«Неграл стал участником очередного скандала!», «Нрегал симулировал оргазм?!»… Ты читаешь такие статьи?

Одну из двадцати. Ради шутки. Предпочитаю серьезную прессу.

Шутки шутками, но разве тебя не раздражает их постоянное присутствие на страницах желтой прессы?

Больше утомляет. Злит редко.

С Робертом Венцкевичем и Юлиушем Махульским во время съемок фильма AmbaSSada. «ЕСЛИ УЧИТЬСЯ, ТО у ЛУЧШИХ», говорит Нергал.

А если они снова отправят тебя в больницу?

Недавно такая статья появилась. Это был уже перебор. Мой телефон не переставал звонить, друзья и знакомые хотели знать, все ли со мной в порядке. Целых два дня я должен был всем объяснять, что я жив и прекрасно себя чувствую.

Ты заявил тогда, что люди глупы, если читают такую ерунду и верят таблоидам…

Какова информация, такова и реакция. В таких случаях нет смысла играть в дипломатию.

Но некоторые обиделись.

Обиделись глупые.

Тебе нравится так провоцировать?

Я люблю вызывать сильные эмоции. Таким способом легче заставить людей думать.

Ты читаешь комментарии к статьям о тебе?

Никогда. Интернет гарантирует анонимность. Я не знаю авторов тех мнений, не знаю, что они собой представляют, и нс имею понятия, для чего пишут. От друга я могу принять самую жесткую критику. И не обижусь. Но от чужого человека, который не видел меня в глаза? Что он может знать о моей жизни?

Я зачитаю тебе несколько. К статье о твоей якобы повторной госпитализации:

«спасибо, господи, я всегда в тебя верил и верить буду, спасибо, что услышал меня»,

«с нергалом покончено, он сгниет в аду в собственном дерьме», «пусть сдохнет этот люцифер», «так ему и надо, к нему должна вернуться болезнь, может, это вылечит его мозг», «где эта тварь лежит, я навещу его с полным шприцем снотворного».

Христианская любовь к ближнему в двух словах. Как всегда. Мне нс нужно читать комментарии, чтобы знать, что я в них найду. Половина будет высылать меня на Луну, вторая посылать к священникам. Интернет предсказуем.

ДИССОНАНС

«Нергал — приятный человек, он мне нравится, но для чего он борется с Богом?» Такие комментарии тоже встречаются.

Их я слышу даже, наверное, чаще. И мне не надо заходить в Интернет. Достаточно выйти на прогулку.

Люди узнают тебя на улице?

Бывает. Подходят ко мне. И чаще я встречаю симпатию с их стороны.

Что им отвечает «приятный Нергал»? Почему он так борется с Богом?

Я не ввязываюсь в споры. Стараюсь не нервничать. Благодарю за каждое доброе слово, пожимаю руку и иду дальше. Я знаю, у

людей полностью неверное представление обо мне. Монитор компьютера, экран телевизора — кривые зеркала. Они искажают.

Речь не о том, как я выгляжу на фотографиях или на телеэкране. А о полном представлении меня, как человека. Людям сложно определиться, потому что, с одной стороны, пресса делает из меня «вульгарного сатаниста» и монстра, а с другой — приятного парня, который расскажет анекдот, процитирует слова философа, улыбнется, поцелует девушке руку.

А какой он на самом деле?

Он любит сеять хаос. Ему нравится подобный диссонанс в образе. Он не хочет ничего менять.

Ты не боишься, что когда-нибудь за этот хаос люди захотят тебя линчевать?

Мое лицо не стеклянное. И я получил пару раз по морде. Но не думаю, что кто-нибудь хотел бы меня линчевать. По крайней мере по-настоящему.

«Близкие тоже считали Гитлера приятным». Так Мартин Меллер, бывший редактор Playboy отвечал на аргументы Малгожаты Домагалик, журналистки и редактора журнала Pani, и Збигнева Холдыса, которые защищали тебя перед атаками консервативных СМИ и утверждали, что ты приятный, воспитанный человек. Это тебя оскорбило?

Развеселило. Парень, который на протяжении многих лет издавал журнал с голыми бабами, должен бы иметь более либеральный взгляд на вещи, правда? Я не стану посылать ему проклятий. Скажу только, что в моих глазах он перестал быть человеком, заслуживающим доверия. К тому же, вся эта акция имела позитивные последствия. Благодаря этому я сыграю в кино.

Гитлера?

Почти. Через несколько дней после той злополучной программы я случайно встретил в Варшаве Юлиуша Махульского с женой Евой. Мы встретились случайно и разговорились. Отправились вместе пообедать. Несколько часов просто разговаривали о жизни, прессе и любимых сериалах.

Вдруг, когда Махульский комментировал этот инцидент с Меллером, Ева попросила меня спокойно повернуть голову в профиль, а потом сказала: «Юлик, посмотри, он идеально подошел бы на роль Риббентропа». Закончилось тем, что мне предложили роль в кино, в комедии о гитлеровцах.

Ты был знаком с Махульским раньше?

Мы обменялись несколькими сообщениями. Когда мое интервью появилось в Newsweek, я получил сообщение: «Пан Адам, сердце радуется от того, что молодые поляки мыслят как Гомбрович, а не как Сенкевич. Юлиуш Махульский». Я онемел. Быстро ответил и спросил, тот ли это Махульский. Через минуту пришло подтверждение и приглашение на кофе при первой же возможности.

Ты думаешь над тем, чтобы попробовать свои силы в кино?

Раньше мне уже поступали подобные предложения. Но преимущественно речь шла об ужастиках и ролях злодеев. Это слишком очевидно. Серьезным вызовом была бы роль кого-то, с кем у меня нет ничего общего. Сыграть гитлеровца, религиозного фанатика, или, может, ксендза — это было бы нечто. Я не оставляю этой мысли.

Мой старый друг, Барт Крысюк, недавно написал мне, узнав о той истории, что я на правильном пути к Каннам. А я ответил, что уж скорее к «Раззи»[39].

Ты получаешь предложения о съемках в рекламе?

Получаю. Снялся в одной рекламе энергетического напитка. Но это уникальная ситуация, потому что за ней стояла хорошая идея. Я поддержал фонд DKMS, который много сделал для меня. Я отдал долг, который давно затягивал. И собираюсь делать это до конца моей жизни. В основном благодаря этому фонду она у меня есть. В какой-то степени, эта книжка будет выпущена по тому же принципу, что и напиток Demon, который я рекламирую. Часть средств, полученных от ее продажи, будет направлена в фонд.

Тебе заплатили за рекламу? Или все средства ты направил в фонд?

Это детали контракта, которые мне нельзя разглашать. Так что я промолчу. В любой подобной акции для меня важно другое, а конкретно то, что бизнес может нести в себе альтруистические ценности. Я предоставляю фирме свое лицо, и благодаря этому оговоренный процент средств от продажи каждой банки или книжки отправляется к людям, которым это действительно необходимо. Не дворовому пьянице, который их пропьет, а людям, которые — если выживут — смогут сделать мир богаче. К тому же, в мир идет простое сообщение о том, что доноров костного мозга никогда не бывает мало. Эта информация доходит

до моих фанатов, а каждый из них — это потенциальный донор.

Нергал разговаривает с Кшиштофом Азаревичем о магии, свободе и искусстве во время четвертой конференции Lashtal Press.

Глава XI

НАШ ЗЕМНОЙ ЭДЕМ

Ты гедонист?

Мне нравится так о себе думать.

Ты не похож на неумеренного в еде.

Думаешь, я похож на недокормленного? К несчастью, я не умею готовить Только яичницу. Узкая специальность, но я освоил ее в совершенстве.

Ты любишь хорошо поесть?

Определенно да. Но я делаю ставку на качество. Такую философию себе выбрал. Или, точнее, одолжил у кого-то мудрого, кто сказал, что мы есть то, что едим. Применяю это правило во всех сферах жизни. Мы есть то, на что смотрим, кого любим, какую музыку слушаем… Мы — то, что нас окружает.

Ты так придирчив?

Это приходит со временем. Когда мы молоды, мы проглатываем все, что сунут под нос. Это оправданно. Молодой организм требует топлива, не смотрит, что кладет в рот. Избирательность приходит с возрастом.

Когда она пришла к тебе?

Пришла постепенно. Я все время ее воспитываю. У меня такое впечатление, что это лучшая вещь, которую несет с собой взросление. Мы говорим о еде, но этот процесс затрагивает все

сферы жизни. Дружбу, женщин, музыку, искусство… Вот пример. Банальный. Я большой кофеман. Обожаю кофе. Вкус и запах этого напитка — одна из самых прекрасных вещей на земле. Год назад я был фанатом крепкого и сладкого кофе. С молоком, сахаром, карамелью и другими добавками. Я пил его без остановки. В конце концов пришло перенасыщение. Сегодня я могу иногда соблазниться такой калорийной бомбой, но очень редко. За всем этим я открыл настоящий вкус кофе. И начал экспериментировать.

Я экспериментирую с приготовлением. Иногда смешиваю сорта кофе. И знаешь что? Каждый раз я чувствую разницу. Кофе не должен быть сладким, а молока можно добавить с наперсток.

Пуристы кофе назвали бы и этот наперсток святотатством.

Я не впадаю в крайности. И я не пурист. К тому же немного святотатства не повредит человеку.

Ты зависим от кофе?

Когда ложился в больницу, я не мог представить и дня без большой кружки сладкого кофе. И больше всего меня волновало то, что я буду на безлактозной диете.

Узнал, что у тебя белокровие и перестал пить молоко?

Белокровие, то есть лейкемия, не способствует кулинарным приключениям. Я узнал, что в ближайшие месяцы мне нельзя будет есть ничего жареного.

Подумал: «Ладно, это не трагедия, я и так редко ем жареное». Но когда я узнал, что не получу свой ежедневный карамельный макиато, то понял, что у меня проблема. Первые дни были тяжелыми. Со временем организм очистился от кофеина и привык. Я скучал по кофе, но мне нельзя было его пить.

Была ломка?

Были периоды, когда мне разрешали пить кофе, но без молока. Тогда я просил друзей, чтобы они привезли мне соевое молоко. Им разбавлял маленькую чашку черного кофе. Вкус был противный, но я и этим был доволен, потому что знал, что снова не смогу пить кофе, даже такой. Все время был на безлактозной диете. Пища на пару, никаких приправ. Нельзя было набивать желудок, ему и так доставалось после каждой химиотерапии. Во время цикла диета была еще более строгая.

Когда ты пришел в себя, сразу набросился на молоко?

Я начал постепенно вводить его в свой рацион. В какой-то момент в моей жизни снова появилась большая кружка сладкого кофе. Но я начал все переоценивать. Чувствовал, что бессмысленно вливать в себя каждый день пол-литра какой-то сладкой жижи. Тем более что других сладких напитков не люблю. Я изменился, и мне нравятся эти изменения.

Речь идет не только о кофе, правда?

Согласен. Я люблю утверждать однозначно, говорить, что что-нибудь в жизни меня не коснется. Но на самом деле знаю, что это только слова. Через год-д-ва я могу попробовать эту вещь. Скажу больше: я почти наверняка уверен, что ее попробую. Изменения — это часть моей жизни. И загадка тоже. Меня воодушевляет то, что должно оказаться за поворотом.

ШВЕДСКИЙ СТОЛ

Так значит, кулинарный вкус Нергала не существует?

Существует, но только в реальном времени. Потому что вкус, как и все в жизни, — это процесс. Он не статичен. Некоторые этого не понимают, рисуют себе карту, накладывают на нее реальность и удивляются, когда через пару лет что-то перестает нравиться. Я же, наоборот, рад изменениям. Это библейское яблоко…

Тянет тебя к этой Библии…

Но это правда хорошее сравнение. Речь идет о яблоке познания добра и зла. Я эту историю понимаю так: сорвать этот плод — значит отказаться от какой-то упорядоченной и последовательной системы значений. В такой системе у всего есть место и ценность. Ничего не изменяется, даже на миллиметр. Это не для меня. Я выбираю изменение, движение и загадку.

Ты сорвешь яблоко, а что дальше?

Передо мной появляется шведский стол. Представьте себе, что ты каждый день ешь один и тот же полноценный обед. В целом, это нс плохо. Этот рецепт передается из поколения в поколение, проверен веками, основан на традициях. Мясо, овощи, специи — там есть все, что необходимо организму. Витамины, углеводы, белок. В первый раз ты съешь его с огромным удовольствием, во второй — чувствуешь мед во рту, в третий — упиваешься гармонией вкуса. Но что ты почувствуешь в девяносто третий раз? И теперь вообрази себе, что ты должен есть это блюдо

до конца своей жизни. Каждый раз одно и то же, из той же самой печи. Понравится тебе такая перспектива? Я выбираюсь из этого бара и иду туда, где сам смогу решить, что положить в тарелку.

А если кто-то в последний момент стащит твой любимый салат? Ты позволишь ему съесть?

Почему бы нет? Я часто пробую вкусности из чужих тарелок.

А если кто-то хочет попробовать что-то вкусное из твоей? Злишься?

Угощаю. Конечно, я не бегаю по ресторану и не собираю еду со столов. Сам тоже не раздаю каждому еду из тарелки, но если см со знакомыми, то такое поведение, и мое, и их, — это нормально. Я больше скажу: это прекрасно. Когда мы с группой в туре, то всегда заказываем разные блюда, чтобы все могли попробовать. Вместо одной отбивной у нас четыре порции, но разных.

А вообще, ты много ешь?

Достаточно, чтобы прожить день и иметь силы на все, что я делаю. А делаю я много.

Ты ешь, чтобы жить, или живешь, чтобы есть?

Я см, чтобы есть, но столько, чтобы жить. У людей есть привычка впадать в крайности. Либо удовольствие, либо энергия. Я выбираю и то, и другое сразу.

Стараешься не переедать?

Переедание — это наша национальная традиция. Я мог съесть щедрый обед и сытный ужин. Весь день не ел ничего, а вечером — порцию размера XXL. Прошло немало времени, прежде чем я отказался от такого стиля жизни. Давно уже питаюсь по-другому. Ем часто, но немного. Я не верю в некоторые мифы. Нет ничего страшного в том, чтобы есть после полуночи, но, естественно, это не будет хлеб с маслом. По вечерам я могу перекусить овощами, фруктами или йогуртом. Днем стараюсь есть то, что дает энергию: продукты, богатые углеводами и белком. Ем очень много рыбы.

А мяса?

Не чаще двух, иногда трех раз в неделю. Но сложно говорить однозначно. Иногда я могу не есть мяса неделями, а потом почувствовать, что должен положить его в тарелку. Это импульс. Я прохожу мимо мясного отдела, и вдруг мне хочется индейки. Так все и происходит.

Ты можешь отказаться от мяса из принципа, определенной идеологии?

Я хищник. Если кто-то мне говорит, что не ест мясо, потому что не хочет обижать братьев наших меньших, то я не понимаю этого. Но собаку я бы не съел. Лошадь тоже, потому что они словно собаки.

А свиньи нет?

Нет. Хотя я не отрицаю наличие у них интеллекта. Это сообразительные, неглупые животные. Я их не перевариваю по другой причине. Это самое плохое мясо, которое существует: нездоровое, жирное, с множеством токсинов.

А говядину?

Говядину иногда ем, но она должна быть правильно приготовленной. У меня есть несколько любимых мест, где ее прекрасно готовят и подают. Тогда действительно стоит ее попробовать.

Ты споришь со знакомыми вегетарианцами?

Всё наоборот. Я часто их защищаю. Когда доходит до спора между ними и мясоедами, и я слышу обычный аргумент о том, что мясо необходимо есть, потому что оно источник силы, жизненной энергии и множества необходимых веществ, то занимаю сторону вегетарианцев. Отчасти потому, что мне нравится быть адвокатом дьявола, отчасти потому, что люблю свободу. К тому же, я не встречал человека, который смог бы опровергнуть аргумент о том, что большинство млекопитающих, слоны или киты например, не являются плотоядными.

Сам говоришь такое, но аргумент о братьях наших меньших тебе не подходит…

Я верю в то, что нельзя взять всю нацию или даже группу людей и сказать, что им необходимы только определенные вещи. О боге идет речь, или о корове — это неважно.

Вы должны верить в бога, потому что это хорошо; вы должны

есть говядину, потому что это здоровая пища; вы должны заниматься спортом, потому что это полезно для здоровья… Что за бред?!

Я знаю спортсменов, которые умерли молодыми, но я также знаю курильщиков, которые дожили до глубокой старости. Я знаю вегетарианцев, которые являются образцом здорового человека, но знаю и таких, кто болен анемией. Я знаю много прекрасных людей, которые ни разу в жизни не были в костеле, но я также имел несчастье встретить множество христиан, которые оказались полными ублюдками. Таких примеров можно привести множество. Ешь то, что приносит тебе пользу. И пошли в задницу тех, кто пытается тебя убедить в обратном.

Но в большинстве случаев разве ожирение может принести пользу?

Толстые люди — это в основном те, кто не задумывается, что кладет в свою тарелку. Они просто наедаются нездоровой пищей, которая всегда под рукой. Нет в этом особого понимания. Это происходит механически. К тому же лишний вес — это прежде всего результат лени, заклятым врагом которой я являюсь. Люди, которые сознательно подходят к проблеме питания, редко толстеют. А если и толстеют, то именно это им необходимо, такие у них приоритеты. Может, если бы ели меньше, они были бы несчастны. Существуют разные культуры, различные идеалы красоты, различные идеалы здоровья. Нам кажется, что некоторые вещи универсальны, но универсальными они являются только здесь и сейчас. Я не хочу их оценивать и сравнивать. Я сам выбираю свой идеал, но не собираюсь его навязывать другим.

Раз уж мы заговорили о культурах, ты считаешь, что кулинарные традиции много говорят о месте, из которого происходят?

Конечно. Я очень много путешествую и стараюсь попробовать характерную для данного региона кухню. Это очень поучительно. Есть люди, которые едут на каникулы в Египет, Мексику или другое место, где греются на пляже и едят то же самое, что и дома. Моя цель не в этом. Где бы я ни был, мне нравится выйти на улицу, познакомиться с местом изнутри. Нравится найти кафе, где подают местные блюда. Хотя иногда я этому сопротивляюсь.

Ты уже говорил, что собаку не съел бы…

Есть такой парень. Зовут его Энтони Бурден. По телевизору можно увидеть его программу. Он ездит по всевозможным уголкам планеты и пробует самые специфические блюда местной

кухни. Когда я вижу, как в джунглях для него готовят хвост ящерицы или гениталии какой-нибудь другой рептилии, то сам про себя думаю, что мне с моим сопротивлением неплохо живется. Но это не значит, что мне не нравится этот парень. Наоборот, я люблю его радикальный анархичный гедонизм. Его программы — настоящий праздник. Для глаз.

И тебе не хочется переступить через свои кулинарные табу?

Есть области жизни, где я пытаюсь переступать границы, есть и те, где сознательно ограничиваю себя.

Ты ешь фастфуд?

Четыре часа утра, много алкоголя… В таких обстоятельствах бывает. Но есть это на трезвую голову и в полдень? Когда я смотрю на людей, объедающихся большими булочками с котлетой, мне кажется, что я вижу голубей, которые устроили пир на чьей-то блевотине. Или крыс, роющихся в помойке. В глазах у таких людей пустота, я словно смотрю на птиц перед убоем. Мне становится дурно от одного только вида.

ХРУПКАЯ БЛОНДИНКА

Хороший алкоголь поставишь рядом с тарелкой?

Я не много пью, но хорошее вино в обед полезно.

Ты разбираешься в винах?

Я люблю белое, это все, что я знаю. Выбираю то, что мне подходит. Чаще ем рыбу, чем мясо, а к ней белое подходит больше. К тому же после него чувствую себя лучше, не так перегружает печень. Это вопрос вкуса.

А другой алкоголь?

Я говорил, что не пью много. Редко решаюсь выпить крепкий алкоголь в чистом виде. Нет желания.

А наркотики? Принимаешь?

Они меня не привлекают.

Ты нарушаешь схему типичного рок-музыканта…

И отлично. Не люблю схемы.

«Пью мало, наркотики — это плохо…»

Я этого не говорил. Нет ничего плохого в наркотиках. Все для людей. Просто некоторыми вещами надо уметь пользоваться. Я могу курнуть травку или скушать кекс с гашишем, но редко и только за компанию.

А «хрупкую блондинку»? Чеслав Мозил так поет о кокаине. Тоже пробовал?

Бывало. Понравился мне больше, чем марихуана или гашиш. Но сам я не покупаю.

Потому что это незаконно?

Нет, не в этом дело. Я за легализацию наркотиков, легких так уж точно. Общество получит доход с дополнительного налога, а полиция — время, чтобы заниматься серьезными делами. Оговоримся: арест подростков с самокрутом в кармане — это не серьезное дело. Речь идет не только о наркотиках. Я также думаю и о проституции. Я ее легализовал бы. Всем бы от этого стало только лучше. Но это не значит, что я каждую неделю бегу в бордель или колюсь.

Ты считаешь, что наркотики опасны?

Есть много опасных вещей. Я уверен, что водка и сигареты убивают гораздо больше людей, чем порох. Правовая система должна строиться на холодном расчете. Если мы запрещаем наркотики, то почему разрешаем продажу алкоголя и сигарет?

Ты поддержал бы такой запрет?

Я думаю, что взрослые люди заслуживают право самостоятельно заботиться о своей жизни. Хотят себя травить, пусть травят. Что мне с того?

А дети?

Мне трудно представить себя в роли родителя. Но мы обсуждали это в кругу друзей. У некоторых из них есть дети, и мы рассуждали, как оградить их от наркотиков и алкоголя. Эти вещи притягивают подростков. Именно потому, что они запрещены. Если бы у меня были дети, а я надеюсь на это, то мне бы хотелось, чтобы они попробовали запретный плод дома, а не на улице. Я сам принесу травку, закурю с ними, выпью первое пиво и объясню, как с этим надо себя вести…

Но ты же не принесешь им героин?

Шутишь? Я сам боюсь пробовать героин. Но знаю, что может

произойти с человеком… Сам видел.

ЛОСЬ И ДЕШЕВАЯ ШЛЮХА

Ты за легализацию проституции. Пользовался когда-нибудь услугами женщин легкого поведения?

Мне не приходится платить за секс.

Но ты пробовал такие развлечения?

Два раза. У меня эмпирическое отношение к действительности. Я должен попробовать, а потом оценивать. В первый раз это произошло во второй половине девяностых. Тогда я еле сводил концы с концами и в принципе не мог позволить себе таких развлечений. Но судьбе было угодно, чтобы после очередной вечеринки я остался ночевать у одного друга в Варшаве. Сегодня это уже остепенившийся человек, у него жена и дети, поэтому я не буду называть его имя. Уже тогда зарабатывал прилично. Мы хорошенько выпили, и он предложил мне заехать в бордель. Я согласился. Выбрали двух девушек, друг заплатил, и мы отправились в комнаты. Моя по крайней мере на первый взгляд казалась симпатичной. Но когда я пригляделся повнимательнее, зрение вернулось…

Не бывает некрасивых женщин, бывает мало водки.

Алкоголя как раз-таки было предостаточно. Но даже мне, пьяному, стало ясно, что передо мной стоит какая-то замухрышка. Вся комната была в зеркалах. Я посмотрел в одно из них и увидел лося в обнимку с дешевой шлюхой. Было очень противно. В какой-то момент раздался стук в дверь. Оказалось, у друга проблемы. Пришла девушка, которую он выбрал, и сказала, что, вместо того чтобы развлекаться, тот заснул. Начала щебетать про то, что это бордель, а не отель, и что я должен немедленно разбудить его. Я вызвал такси, и мы поехали домой. Но он не успокаивался. Пришел в себя и начал меня убеждать, что это была плохая «агентура» и он покажет мне настоящих кисок.

Ты согласился?

Я был пьяным. Но помню, как он взял телефон и позвонил, чтобы заказать девушку. Я сидел рядом и умирал от смеха. Пьяный вусмерть, он вежливо и четко объяснял, какая конкретно девушка нам нужна; давал параметры, цвет волос, все детали. Напоследок говорит в трубку: «Знайте, пани, это все, чтобы не было ни единого шанса на разочарование».

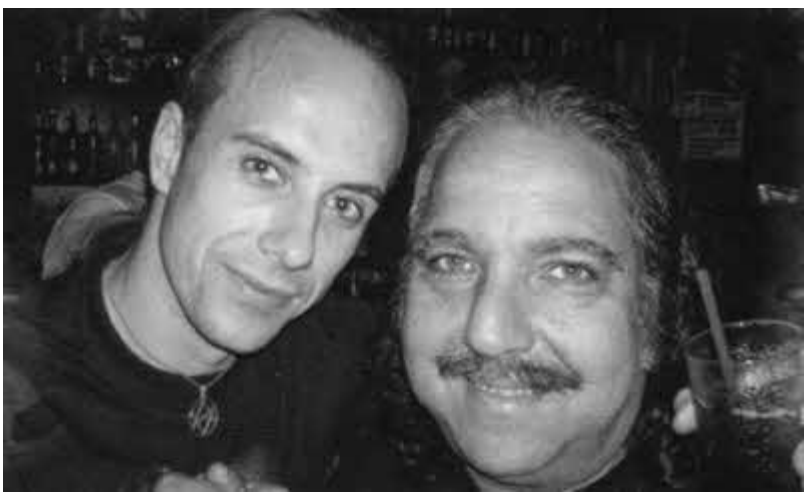
И не было?

Приехали девушки в растянутых свитерах и с сальным волосами. Было очень разочаровательно. У меня уже не было сил, я был растерян. Вежливо отказался и вышел в другую комнату.

Друг оказался на высоте?

Я час слушал, как его кровать стучала в стену, так что он был доволен.

Нет, это не музей восковых фигур



На снимке Нергал со звездой фильмов XXX Роном Джереми во время афтепати в культовом Rainbow Bar & Grill в сердце Голливуда.

Это был первый раз, а второй?

Во второй раз я влюбился в проститутку. Это было во время тура с Carpathian Forest в 2001-м. У нас образовался один свободный день в Амстердаме. Естественно, мы отправились посмотреть на квартал красных фонарей. Дело было зимой, но девушкам в витринах это не мешало. Они извивались, улыбались кокетливо, соблазняли нас. И я увидел брюнетку, темноволосую копию Венеры Милосской. Она была гречанкой, выглядела как настоящая богиня. Я сказал парням, что она должна быть моей. И предупредил, чтобы даже не думали меня останавливать… Не буду вдаваться в подробности. Я снова остался разочарован. И выбил мысли о проститутках из головы раз и навсегда.

Богиня не оправдала ожиданий?

Мы уже говорили об этом. Я идеалист. Ценю интимность и беседу. Не только секс.

У тебя есть сексуальный фетиш?

Я фанат красивых попок. Я из тех парней, которые не считают, что женщина обязательно должна обладать пышным бюстом при условии, что у нее стройные бедра и ей есть на чем сидеть.

У тебя часто появляются эротические фантазии?

Конечно. Но я не стану всем о них рассказывать. Когда встречаю девушку, которая меня привлекает, я стараюсь узнать о ее отношении к сексу. Если она говорит об интимных ситуациях без стеснения — это сигнал, что она не против. А это, в свою очередь, означает, что в постели мы можем дать волю фантазии. Превосходно! Открытость в постели говорит о подобном отношении и к другим вопросам, а я люблю смелых женщин.

Тебе нравится заниматься сексом днем или ночью, как подобает Дьяволу?

Я дневное создание. Мне нравится утро. Хорошая тренировка, хороший кофе, хороший секс. По утрам у меня больше всего энергии. Когда-то я встречался с девушкой, которая не вставала

раньше полудня. Наши биологические часы были совсем разными. Через такое не переступишь.

Эротические журналы любишь?

Порнография — это нормально. Настоящего секса они не покажут, но помогут в преодолении границ: развивают воображение, склоняют к экспериментам. Иногда даже обучают.

Порно — в школы?

Не преувеличивай. К тому же, молодежь прекрасно знает, о чем пойдет речь. Они сами добираются до определенной информации. Я в детстве стащил и читал «Искусство любви».

В биографии Behemoth ты написал, что если бы не стал музыкантом, то сделал бы карьеру порнозвезды…

Конечно, я шутил. Но мне не сложно раздеться при людях. Коллеги из группы могут подтвердить…

Ты раздеваешься при них?

Бывает, что после концерта и бегаю голым по гримерке. Но, серьезно, это не говорит о том, что я попал бы в порноиндустрию. Даже если я занимаюсь сексом из спортивного интереса, то чувствую сильные эмоции, связанные с конкретной ситуацией. Я не машина.

Ты не можешь отделить эмоции от секса?

Я делаю это, но до определенного момента. Когда снимают хороший, дорогой порнофильм, актеры занимаются сексом в присутствии нескольких десятков человек. Я думаю, это не было бы для меня идеальным условием.

Ты встречал кого-нибудь из порнозвезд?

Много раз. В основном в Штатах. Среди них есть наши фанаты. Один парень пришел на концерт в майке Behemoth. А сам он был из студии I Love Vagina. Забавно. Несколько раз я встречал икону той индустрии, Рона Джереми. Всегда в сопровождении грудастых пластиковых блондинок. Хотя сам он низкого роста и подходящей этому росту красоты. Выглядит по-идиотски. На ногах шлепанцы, переходящие в растянутые спортивные штаны. Но он умеет себя преподнести. Мне бы хотелось когда-нибудь встретиться с Рокко. У этого парня смешной акцент. Хотя он производит впечатление спокойного и приятного человека.

Что тебе нравится в его фильмах?

Нравится натуральность. Это настоящее документальное кино. Я думаю, что он умеет видеть красоту каждой женщины. Я ему завидую, потому что сам так нс умею.

А из актрис?

Мне нравится Белладонна. Самая лучшая. Есть в ней что-то от Умы Турман в фильме «Криминальное чтиво». Она извращенная и открытая. Большинство порно — это просто процесс. Словно ты смотришь на улице на парня, который забивает гвозди в забор. Нет утонченности, страсти, блеска в глазах. Фильмы с Белладонной совсем другие. Эта девушка делает безумные вещи, она всегда полна страсти и не только… Для нее нет табу. Ее порнография — это искусство.

У такого «искусства» есть границы?

Детская порнография. В этом случае нет места пониманию.

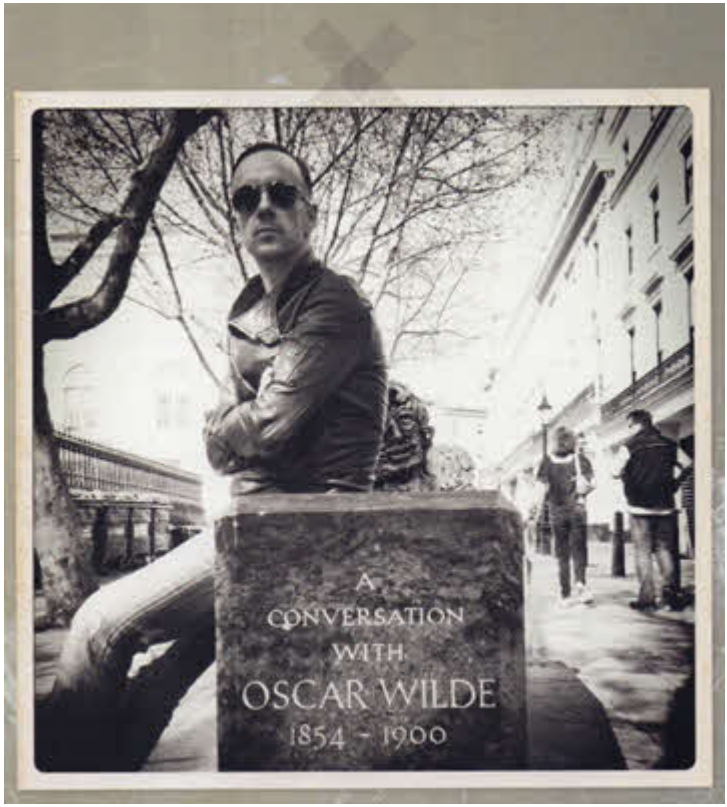
Психологи утверждают, что любая порнография фальсифицирует реальность.

Жаль. Я люблю фальсифицировать реальность.

Так, может, ты изменишь мнение и снимешься в таком фильме? С Белладонной?

Я не уверен, что она еще играет. Хотя ты уже знаешь, что случается, если я говорю, что чего-то не сделаю. Никогда не говори «никогда», правда?

В турах есть плюс — можно посмотреть мир. Нергал на фоне Пирамиды Солнца в Мексике.



САТАНА КРАСИТ ЧЕЛОВЕКА

То, что ты изменчив, видно даже по манере одеваться. Тебе нравится красиво одеваться?

Нравится, потому что я ценю качество. Всегда и везде. Как и в еде, о чем мы уже говорили. Когда я был студентом, на завтрак ел вареную колбасу и запивал кислым молоком. Это было вкусно, но с возрастом я понял, что можно питаться по-другому и вкуснее. С одеждой то же самое. Когда-то мне было достаточно кожаных штанов и бот. Теперь нет. Итальянская обувь из хорошей кожи, что-то исключительное, единственное в своем роде. Мне это необходимо. Кто-то скажет, что это бесполезно. Возможно. Но не настолько. Потому что качество я ищу во всем. Никто не назовет бесполезным то, что кто-то окружает себя ценными людьми. Почему напрасным может считаться окружение себя ценными

вещами?

Пословица гласит: не одежда красит человека.

Чушь! Нас красит все, что мы выбираем осознанно. Презрительное отношение к телу — это результат двух тысяч лет ожидания царства, которое должно наступить только после смерти. Я отвергаю эти сказки, я также отвергаю это презрение к земному. Наряд делает нас, формирует наш образ в глазах людей.

Ты считаешь, что хорошо одеваешься?

Наверняка удобно. Одеваясь, я развлекаюсь. Наверное, в этом и состоит суть моды. Не в подражании конкретным тенденциям, а в собственном развлечении. Иногда и в провокации. Конечно, я не натяну на себя что-то, в чем мне будет некомфортно. Это первостепенный принцип. А другие? А других нет.

Некоторые говорят, что ты одеваешься как метросексуал.

Потому что я должен выглядеть как типичный «металюга», быть грязным и вонючим? Я всегда считал себя металхэдом, но не подписывал никаких условий о том, что должен до конца жизни носить одни и те же штаны. В моем лексиконе нет слова «должен». Мы уже говорили об этом раньше. Ты же помнишь? Я знаю, какая одежда мне подходит. Но и не говорю, что все должны одеваться так же. В любом случае. Пусть говорят, что я метросексуал. Они могут даже говорить, что я гей. Нет проблем. По крайней мере, с тех пор как женщины называют меня мужчиной.

А вообще, ты имеешь что-то против геев?

Металлическое сообщество не принимает их.

В Польше нет, но на Западе это уже в прошлом. У меня есть знакомые геи. Мне нравится над ними прикалываться. Но не из-за гомофобии. Мне просто нравится шутить. Вообще, у меня такое впечатление, что общество постепенно принимает геев, поэтому они принимают шутки, не обижаются. Недавно мы с Дамианом Укейе ушли в загул. Закончили в середине ночи в одном из баров Варшавы. Пришло время «гастропаузы», и нам захотелось перекусить. Мы входим в кафе, подходит парень, «тепленький», и говорит, что они закрываются и заказать уже нечего. Я хочу выйти, но в этот момент Укейе выкрикивает во весь голос: «Ну и хуй вам в жопу!» Официант кокетливо улыбается и отвечает легкомысленным тоном: «Так это как раз самое приятное!» В Радоме или в Рацибуже нам бы по роже съездили за такие слова. Варшава другая. Здесь выходку моего друга восприняли с

симпатией. Ну, и с намеком на извращения.

Если перед тобой поставить гомофоба и гея, ты станешь на сторону второго?

Это понятно. Так же, как и на сторону еврея, цветного, масона…

Иисус тоже всегда вставал на сторону угнетенных.

Смешно. Над евреями весь мир смеется.

А над феминистками?

Над ними тоже люблю посмеяться. Я не чувствую себя шовинистом, мне нравятся сильные и независимые женщины, иногда даже восхищаюсь ими, но некоторых постулатов феминизма не принимаю. Равенство? Но почему в вопросе выбора профессии решающим должен быть пол, а не личная предрасположенность и умения? Любая женщина и любой мужчина обладают потенциалом, и пол их здесь не при чем.

Metal Hammer Golden Gods в Лондоне. Нергал получает награду в номинации «METAL AS FUCK»

Нергал с Джезом Колманом из Killing Joke

Следовательно, ты выступаешь за политкорректность?

Я толерантен, но история с политкорректностью, особенно в Америке, доходит до абсурда. Там могут обвинить в пропаганде расизма фильм только потому, что в нем не сыграл черный актер.

Или если сыграл, но злодея. Это уже абсурд.

Гомосексуальные браки должны быть узаконены?

Да. Я читал последнее интервью с Клинтом Иствудом. Этот человек всегда ассоциировался с консервативными взглядами, но оказалось, что к однополым бракам относится либерально. Он сказал: «Дайте каждому шанс прожить ту единственную жизнь, которую имеет, так, как хочет он сам». Если этот человек так считает, то что говорить обо мне.

А возможность усыновления детей однополыми парами?

Я склоняюсь к тому, что это тоже должно быть разрешено. Почему считается, что две симпатичные лесбиянки могут дать ребенку меньше тепла, чем гетеросексуальная, но неблагополучная семья, где отец бухает, а в перерывах между выпивкой избивает мать? Каждый случай индивидуален. Сексуальная ориентация не влияет на мое отношение к человеку. Но у поляков в головах одни предрассудки. Как в отношении к сексу, так и к моде.

А тебе нравится их ломать?

Я купил в Лондоне штаны. Красные, в шотландскую клетку, с протертыми заплатами на коленях. Покрой как в фильмах «Банды Нью-Йорка» или «Заводной апельсин» Стэнли Кубрика. Накануне я видел театральную постановку по мотивам романа «Мастер и Маргарита», в которой Азазелло расхаживал в очень похожих штанах. Возвращаюсь в Польшу, надеваю их. Встречаю знакомого, а он еще издалека кричит: «Что?! Punks not dead?!» Раз я в красном, раз есть нашивки, то надо делать из меня сразу Джонни Роттена? Жаль.

Носить темные очки в помещении — значит ломать стереотипы?

Мне нравятся солнцезащитные очки, и естественно, я часто их надеваю на нос, даже если не светит солнце. У меня свои причины. К тому же я могу спокойно пялиться на девушек и оставаться незамеченным.

Были предложения дать свое имя какой-нибудь марке одежды?

А я и дал. Марке Behemoth. Я придумываю дизайн наших футболок и толстовок. Конечно, не один, это коллективная работа, но я влияю на то, что носят наши фанаты. Это тоже творчество. Ассортимент нашего магазина широк. Не

ограничивается выпуском черной футболки с логотипом группы. Конечно, это бизнес, мы получаем от него доход, но не боимся делать смелых вещей. Смотря на предпочтения наших фанатов, мы видим большие изменения. Еще несколько лет назад металхэд не купил бы ничего, кроме черной футболки с символикой группы. Сегодня большой популярностью пользуются белые футболки, красные, в спортивном стиле.

ПЯТЬ ЖИЗНЕЙ КОВАЛЬСКОГО

Пай-мальчиком тебя не назовешь, но и в каноны роковых любителей саморазрушения ты тоже не вписываешься.

Потому что гедонизм — это не саморазрушение. По крайней мере мой. Если человек умеет и любит плавать, то он не прыгает в воду, чтобы утопиться. Речь идет о радости, которую приносит сам процесс, очередное преодоление длины бассейна. Я верю, что можно наслаждаться жизнью и не захлебнуться. Мне просто нравится контролировать себя и свою судьбу. Все контролировать.

Есть такой английский термин — control freak.

В этом что-то есть. Когда я начинаю терять контроль, мне становится страшно. Есть, наверное, только одно исключение. Мне нравится летать. Недавно мы разговаривали на эту тему с Ринке Руйенсом. Он тоже типичный *control freak*. Мы пришли к выводу, что ничто другое так нас не расслабляет. Ты садишься в самолет, и это единственный момент в твоей жизни, когда у тебя нет абсолютно никакого контроля над тем, что с тобой происходит. Ты вытягиваешь ноги, достаешь книжку или газету, и с тебя спадает ответственность. Ты доверяешься машине и человеку, который ее ведет. И это прекрасно.

Для некоторых это стресс.

Для меня нет. Я остаюсь спокойным, даже если самолет попадает в зону турбулентности.

ЛЮБИМОЕ ДИТЯ НЕРГАЛА.

Подписанная его именем семиструнная гитара HEX фирмы ESP.

Ты хлопаешь после приземления?

Ненавижу это! Мысль об аплодисментах в самолете меня доводит до белого каления. За это должны отрезать руки. Что это вообще значит? «Ого! На этот раз пронесло, мы выжили!» В чем смысл? Никто в мире не хлопает, только поляки. Скорее кирпич

на голову упадет, чем ты погибнешь в авиакатастрофе. Это факт. Да и к чему так демонстративно благодарить пилотов? Они приземлились, потому что это их работа. Мы же не хлопаем водителям автобуса, когда они останавливаются на остановке.

Наверное, в твоей жизни мало места для риска.

Мне нравится чувствовать адреналин, но до определенной границы. Как со специями. Если их слишком много, они портят блюдо. Но если их мало, то еда будет пресной. К тому же я люблю жизнь и хочу наслаждаться ею как можно дольше. Может, именно поэтому я не балуюсь наркотиками и пью в меру. Мне нравится быть в курсе и самому контролировать ритм путешествия. Бывает, что я несусь сломя голову, но также хочется иметь роскошь остановиться на время и отдохнуть. Я не утверждаю, что это лучше, чем спешить по жизни, просто мне нравится наслаждаться миром. Кто-то думает иначе? Милости прошу.

А если близкий тебе человек встает на путь саморазрушения, что ты делаешь?

Хочешь знать, читаю ли я нотации? Бывает. Но осторожно. Я сам нс люблю, когда кто-то меня поучает. Если знаю, что друг волнуется обо мне и искренне хочет мне помочь, это еще полбеды. Я не должен следовать его советам, но ценю их. Хуже, если кто-то менторским тоном нагло учит жизни. Тогда в меня вселяется бес. Я замыкаюсь и не слушаю.

Сам я осторожно разговариваю с близкими. Советую, но не навязываю своего мнения. Как добрый дух. Ну, или голос рассудка где-то за кадром.

Когда ты лежал в больнице и боролся с лейкемией, тебе не приходило в голову, что ты мог бы и больше рисковать в жизни?

У меня были совершенно другие мысли. Моя жизнь стояла перед глазами, а я думал о том, что шел по ней так, как того хотел. Я узнал много вещей, объехал почти весь мир, познакомился с прекрасными и вдохновляющими людьми. Встретил также много идиотов. Но так всегда бывает, когда срываешь яблоко познания с дерева. Получаешь полный комплект: и приятное, и неприятное. Я не чувствую себя старым, но считаю, что видел уже столько, сколько среднестатистическому Ковальскому не увидеть и за пять жизней.

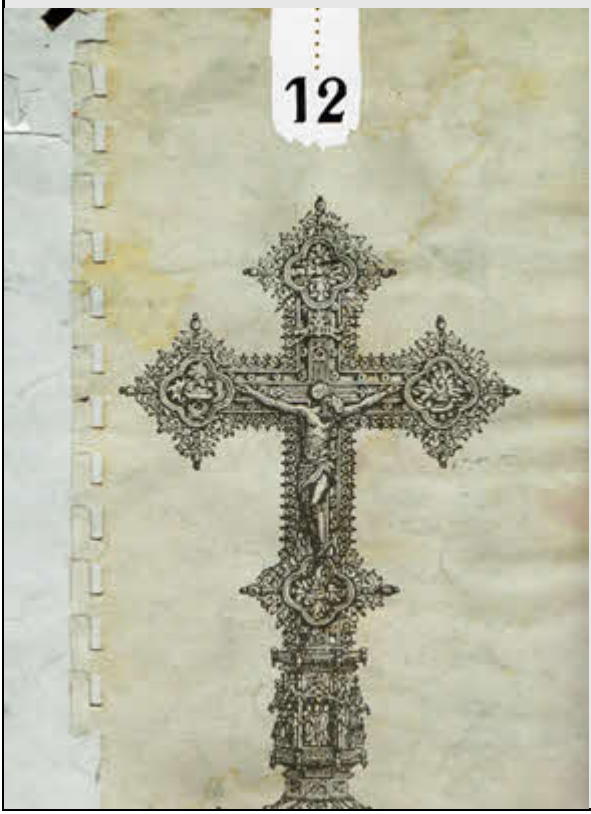
Ты берешь от жизни многое. Что ты отдаешь взамен? Гедонист в принципе может что-то отдавать?

Тот факт, что человек является известным журналистом, не значит, что он должен быть прекрасным механиком или канатоходцем. Нельзя требовать от себя всесилия. Я думаю, что мы можем стать мастерами только в одной, может, в двух областях. На большее у нас нет времени. Да, я много беру от жизни, но я не паразит. Я отдаю свою энергию, творчество, будучи музыкантом. Я осуществляю свои мечты, передаю свои взгляды тысячам людей. Некоторые себя с ними ассоциируют, другим они дают силы. Я верю, что существует равновесие между тем, что отдаю, и тем, что беру. К тому же нет ничего плохо в том, чтобы жадно хотеть жить.

Гленн Данциг поет: I don't mind the pain. Татуировка, сделанная в Аргентине, болит так же, как сделанная в Варшаве. Но в этом вся прелесть.

Глава XII

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ, ЗЕМЛЯ НЕСВОБОДНАЯ



«Лей лей, лей! Все равно через несколько лет я это отрину»

Восемнадцатого июня 2012 года ты получил апостасию. Блэк-метал играешь уже двадцать лет. Почему так поздно решился на этот шаг?

В какой-то мере из-за лени. Решение пришло уже давно. С некоторыми вещами так получается. Когда знаешь, что что-то рано или поздно произойдет, то всегда откладываешь на потом. Прежде всего это касается обыденных дел. Хотя, наверное, я некорректно выражаюсь, потому что сама процедура апостасии довольно сложна. Просто выписаться из костела не получится. Это может занять полгода, как в моем случае. Все это делается, чтобы даже сам антихрист передумал.

Когда ты в первый раз отправился к священнику?

Зимой. Я пошел в костел, который находится в десятке метров от моего дома. Забавно то, что жизнь меня бросала годами по всему Гданьску, а поселился я, в конце концов, неподалеку от святыни, в которой меня крестили. Я всегда словно нахожу что-нибудь связанное с религией. Карма такая… Я зашел в сакристию, где меня встретила милая старушка. К сожалению, она не могла дать всю интересующую меня информацию. Это имеет право делать только священник, которого как раз не было. Я вернулся через несколько дней…

Тебя ждали со святой водой?

Я пришел раньше. У него были какие-то проблемы с машиной, и поэтому опоздал на несколько минут. Оказался приятным непредвзятым человеком. Это был пожилой седеющий мужчина. Он пожал мне руку и пригласил к себе.

Узнал тебя?

Сразу. Сама беседа длилась не больше десяти минут. Он объяснил мне, что я должен сделать, чтобы получить акт апостасии. Раньше информацию по этой теме я черпал только из Интернета. Есть несколько сайтов, посвящен-ных выходу из костела. К тому же у некоторых знакомых уже был подобный опыт. Они тоже дали мне несколько советов. Я был уверен, что нужно идти туда, где меня крестили. Но священник направил меня в другой приход, в Забянку, то есть туда, где я de jure зарегистрирован.

Он убеждал тебя изменить решение?

Не пытался меня переубеждать, отказался от попыток поучения. Я уже собрался уходить, а он сказал, что когда меня показывают по телевизору, я произвожу впечатление интеллигентного и культурного человека. Я улыбнулся и поблагодарил за помощь. Мы снова пожали друг другу руки…

Ты долго должен был ждать встречи с очередным служителем веры?

Началось паломничество. Я много раз приходил и стучался в закрытую Дверь. Священник этот трудился еще и в курии, поэтому каждое его… отсутствие секретарь объясняла избытком обязанностей. В конце концов, я попросил его телефон. Звонил несколько раз, но все время поднимал кто-нибудь другой. Охота на священника заняла несколько месяцев. В конце концов трубку поднял тот, кто был нужен. Разговор был не из приятных. До него ничего не доходило. Я говорил спокойно и по делу. Вежливо объяснял, зачем звоню. Но любой мой аргумент встречал отрицание и агрессию со стороны собеседника.

Суть была в том, что я не мог получить апостасию, потому что не являлся прихожанином. Прихожанином я не был, потому что не ходил на мессу. Он пытался меня убедить в том, что сам факт моей регистрации в его приходе доказывает только то, что я являюсь жителем этого района, но не доказывает, что я верующий, а только верующего может отпустить костел. Все было еще более абсурдно, потому что я не жил в Забянке. Я там только зарегистрирован, но на самом деле живу в другом месте.

А мог стать певчим в церковном хоре

Но тебе удалось добиться личной встречи?

Чудом. Я боялся этой встречи. Знал, что отправляюсь на битву… Но приготовился к войне. Хотя мне кажется, что к ней я подсознательно готовился всю жизнь. Я помню, какую бурю в прессе вызвала апостасия польского политика Януша Паликота. Как Мартин Лютер, он прибил свой акт к дверям церкви. Это

было сделано напоказ, но почему бы нет? Я подумал, что так и нужно сделать.

И пообещал себе, что если мне будут вставлять палки в колеса, то начну третью мировую войну. Один телефонный звонок знакомым журналистам, например Монике Олейник, которой нравятся такие темы, и на следующий день вся Польша будет комментировать эту историю. Также я консультировался со своими адвокатами, но они только разводили руками, объясняя, что церковное право никак не касается гражданского. Вооруженный до зубов, при свидетелях и с двумя диктофонами, я вошел в сакристию.

Но обошлось без приключений и прессы.

Человек, который стоял передо мной, вообще не был похож на недотепу, с которым я говорил по телефону. Он был фамильярен, болтлив, но настроен миролюбиво. Пригласил меня войти и предложил что-нибудь выпить. И вдруг спросил: «Ты записываешь разговор?» Я ответил вопросом на вопрос: «А должен?» — «Не знаю», — ответил он. Теперь я знаю, что это было лишним. Хотя у меня такое впечатление, что мы потратили час на болтовню ни о чем.

Ты не мог просто сразу получить апостасию?

Ксендз обратился к установленной процедуре, которую распечатал заранее на листик. Он тоже подготовился к встрече. Проинформировал меня, что нельзя получить апостасию в тот же самый день, когда проводилась первая беседа. Он признал, что главной целью является удержание потенциального вероотступника среди других ягнят стада. Я понимал это, но все равно не понимал, как можно смотреть на мир так однобоко: все для него было либо белое, либо черное. Каждый раз, когда он бросал слова из разряда «добро», «зло» или «грех», у меня было такое впечатление, что он говорит о какой-то далекой галактике. До моего оппонента не доходило, что могут существовать люди, которые смотрят на мир иначе. Тем не менее атмосфера была спокойной, иногда даже шутливой.

Какие аргументы он приводил?

Утверждал, например, что что-то в этом должно быть, если люди две тысячи лет верят в Христа и придерживаются католической доктрины. Я отвечал ему, что у меня есть друг друид, который придерживается традиции, более древней, чем христианство, и чувствует себя прекрасно. И что? Мы все должны принять веру кельтов?

Священник признал, что ты прав?

Себе под нос буркнул, что его предупреждали, что с этим Дарским не будет никакого сладу, что я хитрый зверь. Но он не поддавался, переубеждал, иногда серьезно, иногда в шутку. Я отбивал подачи, но в основном улыбался и благосклонно кивал. Потому что апостасию я получил уже давно, в сердце. В конце концов, пастору надоел этот пинг-понг и, посмотрев мне в глаза, он сказал: «Вот и встретились два упрямых осла». Он видел, что ни на что не повлияет, но, несмотря на это, все время повторял, что я должен еще раз подумать.

Он надеялся на чудо. В конце добавил еще, что моя апостасия ничего не изменит, потому что крещение смыть нельзя… И что с того? Хотелось символически перерезать пуповину. Я предложил в скором времени встретиться, но он и слышать не хотел о таком коротком сроке, хотел дать мне время подумать… Мне его не требовалось. Я уперся, а он в конце концов сдался. Мы договорились созвониться через две недели.

Он поднял трубку?

Провидение следило за мной. Я позвонил ему одиннадцатого июня, на следующий день после моего тридцатипятилетия. Священник заговорил о футболе. Это был понедельник, а во вторник должен был состояться матч: Польша против России. Он спросил, какой результат я предвижу. Я ничего не понимаю в футболе и не люблю этот вид спорта, к тому же Нострадамус из меня никакой, но для всеобщего спокойствия я ответил, что нам всадят четыре против одного. Он предложил мне шуточное пари. Хотел, чтобы мы перенесли апостасию, если я промахнусь на три гола… Азартный игрок.

Ты ошибся с результатом.

Во время матча я как раз был во Вроцлаве, сидел в отеле Polonia. Это своеобразное, не очень интересное и серое место. Каждый раз до меня доносились возгласы болельщиков. В основном радостные. Я чувствовал, что проигрываю спор. Уже после игры мне позвонил священник. В сотый раз спросил, не передумал ли я. Я ответил, что как раз наоборот, что с каждым днем мое убеждение крепнет. Мы договорились на восемнадцатое июня.

Тебе было трудно найти свидетелей?

Как раз наоборот. Меня сопровождали друзья, Мацей и Агнешка, супруги. Они пришли с восьмимесячной дочкой.

Опережая твой вопрос: ребенка не крестили. В будущем у нее не будет таких проблем, сама выберет путь, который ей подходит.

Каким был твой последний день в лоне церкви?

Это был ужасный день. Рано утром я сдавал анализ крови, потом костный мозг на исследование, еще мне нужно было выпить полтора литра мерзкой жидкости, потому что мне делали томографию брюшной полости и грудной клетки. Я был невыспавшийся, больной и раздраженный. Мне нужен был сон. В такие минуты сложно вести себя дружелюбно. Особенно с ксендзом… Я хотел уладить все быстро. Пастор попросил меня в присутствии свидетелей зачитать свой акт вслух. Потом подписал документ.

Он подтвердил, что бумага пойдет в курию, а затем в приход, где я был крещен. Соответствующая запись также будет сделана в моем акте о крещении. Прощаясь, он указал на мою футболку и сказал: «Я тоже когда-то слушал AC/ DC». И все равно не успокаивался: «Пан Адам, помните, что в течение трех дней все еще можно отменить». Я ответил шутливым тоном: «Пан ксендз, я скорее поверю в то, что через три дня можно воскреснуть, чем в то, что когда-нибудь изменю свое решение».

Как ты думаешь, тот день изменил что-нибудь? Ты что-то утратил? Нашел?

Естественно, все это было очень символично. Вся моя жизнь является доказательством того, на чьей я стороне, но мне не хватало той самой точки над і. Вроде и мелочь, но она тяготила меня. Словно маленькая колючка: незаметная, но раздражающая. Я должен был от нее избавиться. Ради самого себя… Во время очередного визита в костел пастор в очередной раз сказал, что апостасия ничего не изменит. Что ее единственным результатом станет то, что церковь опечалится… Я спросил, не думает ли он, что, может, именно о такой печали и идет речь в моем случае?

Выход из стада не был PR-ходом?

Я не побежал с этим к прессе, не собирал репортеров у костела. На самом деле, повод мне дало именно это интервью. В самом начале ты спросил, не хочу ли я поговорить об апостасии. Я подумал: «Раз так, то, в конце концов, я ее получу; нет лучшего повода, чтобы наведаться в костел».

Апостасия — это отступление, или выход.
Откуда ты вышел тем июньским днем?

Из маленькой, темной комнаты, в которой, по крайней мере

формально, я был закрыт всю свою жизнь. Само слово «апостасия» вдохновляет, это слово-ключ, или, как я иногда говорю, слово-мощь. Речь идет о пароле и символе, несущем в себе ясный смысл, в котором, в свою очередь, много разных смыслов. За этим всем стоит целая философия. Не нужно их объяснять, потому что они говорят сами за себя. Отчасти поэтому для одного из альбомов Behemoth я выбрал название *Apostasy*. Хотя бы поэтому я чувствовал, что должен, в конце концов, ее получить и выкупить свой билет в лес.

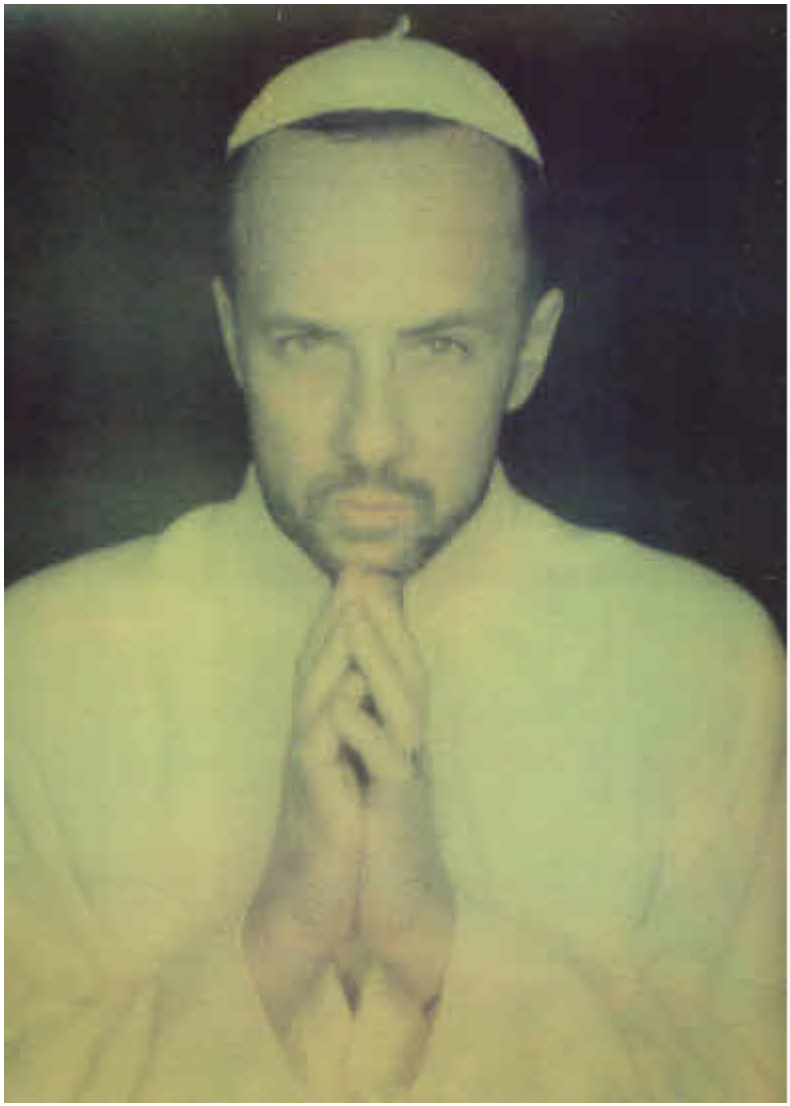
В лес?

Когда я думаю о церкви, у меня в голове появляется картинка зоопарка. Все упорядочено, везде стоят клетки. В одной сидят обезьяны, в другой — слоны, в следующей — жирафы… Сама деятельность церкви является сажанием в клетку, насильное упорядочение действительности. Разница в том, что зоопарк маленький, а христианская идеология посадила в клетку весь мир. Естественно, это относится к любой узаконенной религии, но я связываю это с той, которую знаю, потому что живу в стране, где она доминирует… Удачное слово.

Церковь заявляет о свободе воли.

Основа религии может быть хорошей, но «по плодам их узнаете их»[40]. Свобода воли — это хитрая ловушка. Католики говорят: «Делайте, что хотите, не нам вас судить», а потом все равно судят. Через минуту уже кричат, что их оскорбляет то, что у человека иные взгляды, и он громко об этом заявляет.

Следующим шагом станет продвижение закона, который дает право навязывать их правила абсолютно всем. А если кто-то вспомнит о свободе воли, то начнется последний этап спектакля, или публичный плач верующих, на которых нападает агрессивное меньшинство, как большевики на Польшу. Все для того, чтобы побороть инакомыслящих и навязать им свою точку зрения. «Ковальский трахает всех подряд, а мне религия не позволяет. Так пусть и Ковальскому нельзя будет! Пусть все будут угрюмыми, как мы! И благодарят за это Бога! И радуются, что мы такие щедрые, потому что мусульмане давно бы их поубивали!» Презираю это.



В Польше нет свободы вероисповедания?

Мы живем при удивительной демократии, которая дает нам иллюзию равенства. К несчастью, мы равны только в материальной сфере. Финансы и экономика — здесь нет места суевериям. Л во всем остальном? Только в двадцатом веке удалось освободить мир от феодального строя. Оправдываясь им, с людьми обращались плохо начиная со Средневековья, а церковь всегда была рьяным сторонником феодализма. Веками ксендзы и епископы вещали с амвона, что хороший крестьянин — это послушный крестьянин. Естественно, в этом заключался их интерес. Процветание дворян означало обеспеченную жизнь

клериков. Система изменилась, церковь — не очень.

Духовенство сегодня не призывает к крепостному строю…

Но призывает к голосованию за определенные политические решения. Сохранить status quo и предотвратить любые изменения. Забетонировать реальность. Структура церкви опирается на строгую и непоколебимую иерархию, стараясь сохранить свои позиции и влияние. Об этом речь. Важен каждый ягненок, или, лучше сказать, баран…

Почему ты так некрасиво отзываешься о верующих?

А как назвать того, кто добровольно тянет ярмо несвободы и еще пытается склонить к нему других? Вера не имеет ничего общего с этим. Речь идет о системе духовного тоталитаризма. Если бы мы родились в клетке или под оккупацией, то каждый из нас делал бы все возможное, чтобы сбросить оковы. Но когда речь идет о духовной сфере, мы сдаемся в самом начале. Религия веками была для Польши воздухом. Когда ты дышишь, не задумываешься почему — просто делаешь. Церковникам удалось настолько вписаться в традиции, что никто не задавался вопросом.

Кажется, что и в этой сфере происходят изменения.

Потому что появляется ржавчина. Главная опора католицизма, а точнее среднестатистические верующие, задают вопросы, часто невыгодные. Сложно удержать социальные изменения, и люди начинают шевелить мозгами. Часть из них отворачивается не от веры, а от института. Чувствуя, что религия превращается в политику. Забавно то, что символом всего консервативного стал именно Иисус, который был прежде всего бунтарем и мятежником, борющимся с порядками того времени.

Что сегодня делают мятежники?

Сбегают из зоопарка, о котором я говорил. Он не захватил весь мир, но он огромен. В Польше он охватывает большую часть страны. Но если мы посмотрим на карту сверху, то увидим места, где нет клеток, а звери живут в согласии со своей природой. Своего рода Бегцады[41]. И живет там стая волков. Эти люди, как я, любят свободу. Такого волка можно поймать, но лучше его застрелить сразу, ведь даже если вы его поймаете, он умрет от тоски по свободе. Апостасия — мой билет в лес.

Так ты видишь свое место во Вселенной? Волк?

Я не хочу тратить силы на малопонятные и бессвязные

определения. Лучше процитирую слова известного польского композитора Томаша Станько, вдохновившегося Виткацием[42]. Они всплыли у меня в голове, сложно придумать что-то лучше.

Станько сказал: «Я — Единичная Сущность. ЕС[43]. Ни ассоциация, ни группа, ни патриотизм. Я — поляк. Я здесь родился, на этом языке говорю, но на самом деле я чувствую, что я Томаш Станько. Я — неповторимый набор атомов, нет такого другого в мире, в космосе»[44]. Замени фамилию Станько на Дарений и получишь ответ на свой вопрос.

НЕТ БОГА КРОМЕ ЧЕЛОВЕКА

Ты много говорил о том, во что Нергал не верит. А во что верит?

Я думаю, это понятно из наших бесед. Я верю в изменения, в то, что все течет. Реальность не столько существует, сколько возникает. Я не знаю, как этот процесс начался, не знаю также, когда он остановится. Я никогда, наверное, об этом не узнаю, поэтому и не забиваю себе голову.

Релятивизм?

Называй это как хочешь. Это просто этикетка. Значение слов тоже изменяется со временем.

Если все так изменчиво, может, через несколько лет ты поймешь, что апостасия была ошибкой. Что тогда?

Как человек может укротить течение реки, так же он может управлять своей жизнью. Мы строим дамбы, чтобы вода текла в определенном направлении, а я разрушил мост, чтобы моя жизнь вернулась на неверную тропу. Руководствуясь инстинктом, интуицией, чем-то очень сильным и первобытным.

Чем Бог провинился?

В песне *Chant for Eschaton* я пою: «Remove all gods from my way». В моей жизни нет места другой силе, кроме природы и человека. Я полностью отрицаю веру в другого бога. Как и в то, что на наше счастье или несчастье влияет высшая сила. Человек сам несет ответственность за свою жизнь. Сбрось бога с пьедестала и ты займешь его место. Deus absconditus. В каждом есть незримый бог. Это моя философия.

Поэтому ты часто цитируешь на концертах Остина Османа Спейра, который утверждал, что не встречал

человека, который не был бы богом?

Человек сотворил бога. Даже наделил его своими чертами, одушевил, а потом пал на колени пред своим творением. Словно вытащил из себя все прекрасное, творческое и хорошее, поместил на пьедестал, в то же время смотря на себя и на других, как на полное говно. Зачем? Ни малейшего понятия. Но зато я знаю, что своей позицией, творческим и экспансивным отношением к миру, каждый из нас может реализовать свою божественность. Без помощи фигурок на стене, молитв, возносимых к небесам, и золотых тельцов.

Гордыня — один из смертных грехов.

Я всегда был самонадеянным и тщеславным. И берегу эти черты глубоко в себе. Точно так же, как прячу где-то глубоко любовь к анархии и хаосу. Ницше когда-то сказал, что нужно носить в себе хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду.

Ты подстрекаешь к беспорядкам?

Я понимаю это как метафору. Революция — это прежде всего состояние духовное. Мысль, которая переворачивает систему вверх ногами и провоцирует, всегда полезна. Здесь нет ничего общего с политикой. Меня не интересуют перевороты, но интересует человек и его божественный потенциал.

Ты отрицаешь религии, но часто обращаешься к оккультизму. Не видишь в этом противоречий?

То, что я утверждаю, что бога не существует, автоматически не лишает меня духовности. Есть много вещей, происходящих с нами, но не до конца разъясненных наукой. Мир волшебен. В детстве мы смотрим на него очень простым, часто наивным, но чистым взглядом. Мы понимаем эту магию. Позже появляются определения и понятия, которыми мы ограничиваем реальность. Мы осваиваем и описываем мир. А со временем эти описания уже считаются неизменными и окончательными. Мы забываем, что они являются нашими собственными творениями. Именно так организована религия. Люди тянутся к ней, потому что хотят чувствовать себя в безопасности и получить ответы на все вопросы. Мы боимся того, чего не знаем. Этот страх убивает в нас любопытство и жажду познания. Я же не закрываю двери перед тем, чего не могу понять, назвать или определить.

Ты берешь в руки книжку Кроули или уже упоминавшегося Спейра, читаешь и принимаешь все без

критики?

Я очень скептичен. Подхожу так ко всему. С другой стороны, я эмпирист. Не отрицаю ничего, пока сам этого не попробую. Я не отвергаю идею из-за этикеток, которые кто-то на нее наклеил. С Кроули и Спейром меня связывает убеждение в существовании в человеке скрытого потенциала. Они смотрят на мир глазами вечно любопытных мальчишек. Мне это нравится. Я не бегаю с волшебной палочкой, не совершаю ритуалов при свечах, не являюсь членом школы магии. Но в оккультизме есть вещи, которые меня вдохновляют. Я черпаю из этого источника, как и из многих других. Например, на всю спину у меня вытатуирована иероглифическая монада Джона Ди, астролога королевы Елизаветы. Разве это означает, что я следую той же дорогой? Нет. Это не я. В моей природе — крайний эклектизм. Мы разговаривали о шведском столе. На этом все построено. Я интересуюсь философией, контркультурой, также оккультизмом, но я не хочу идти их дорогой, дорогой, которую уже кто-то протоптал. Я естественным образом отрицаю любой универсализм. Конечно, я с большим желанием читаю, вдохновляюсь, черпаю порциями, заимствую, краду идеи… Любые! Я словно губка, которая впитывает воду. Эта вода становится моей энергией, но создателем системы, которая свидетельствует о том, что я живу и работаю, являюсь сам.

Обложка альбома Behemoth на спине одного из фанатов.

Ты часто обращаешься к политеизму. В мире, где нет места одному богу, есть место для многих?

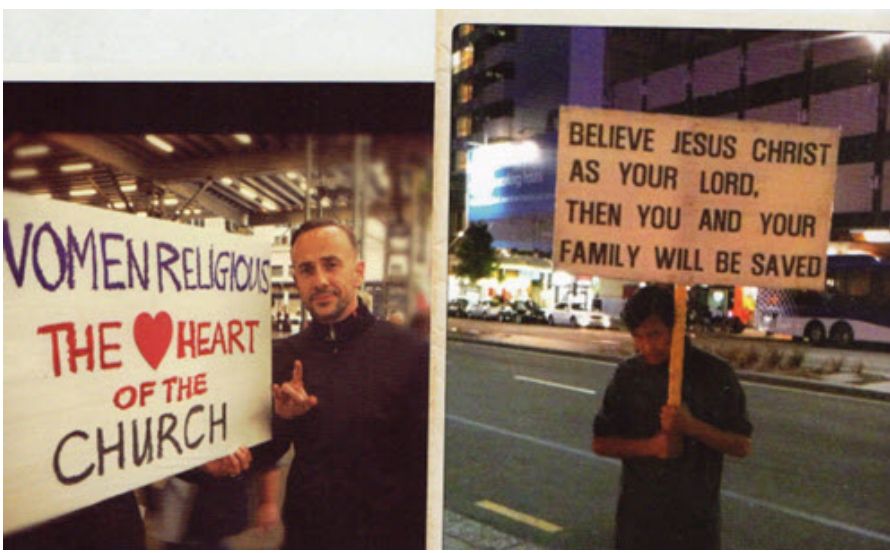
Я использую их в качестве инструментов. Для этого они были созданы. В дохристианских религиях требовался целый пантеон, чтобы назвать природные явления. Люди не понимали их, не знали, как объяснить, поэтому наделяли божественными характеристиками. Это наивно, но красиво. Я не пытаюсь

возродить верования древности. Но хочу пользоваться этим наследием, наделить его новым, актуальным значением. Я перевожу политеизм на свой современный язык.

Боги — это метафоры. Пантеон языческих богов может украсить нашу черно-белую реальность. Во время грозы я не говорю, что у Тора плохой день и он взбешен. Знаю, что гроза — природное явление, которое подробно описано и объяснено наукой. Но когда на меня нападают христиане, я с гордостью отвечаю: «Ваш бог был прибит к кресту, а мой держит в руках молот. Сами делайте выводы!»

Природа против Бога?

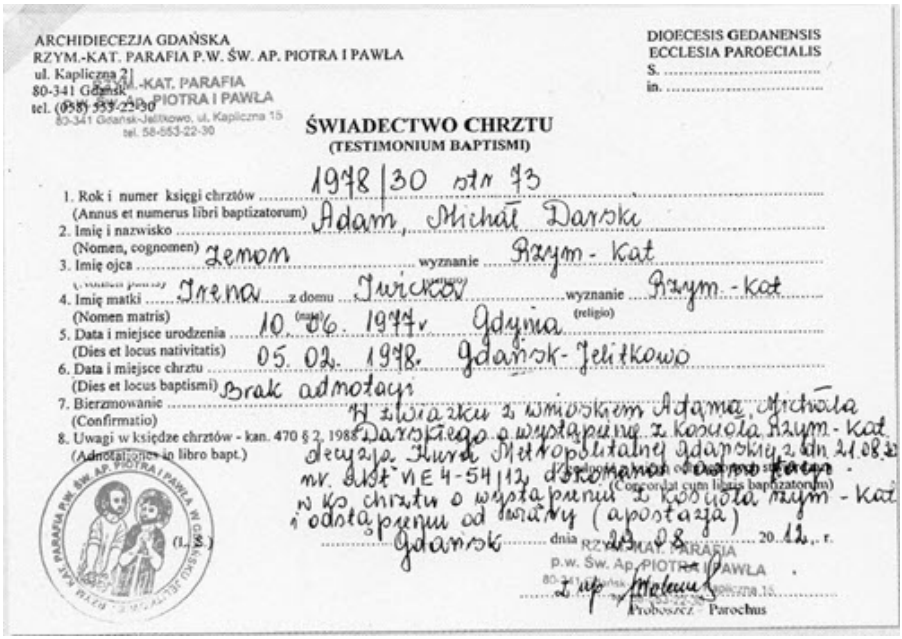
Если природа значит хаос и изменения, а бог — упорядоченный мир иллюзий, то да. Древние боги не были совершенны, наоборот, их описания химерны и изменчивы. Они отражали мир, а не противостояли ему. Человек боится космоса и того, что канет в небытие… Я могу это понять. Отсутствие смысла пугает. Но я не понимаю, почему люди так наивны и думают, что упорядочив этот хаос и поставив во главе бога, они приручают природу. Это все равно что стоять лицом к лицу с огромным торнадо или десятиметровой волной и размахивать кулаками, стараясь доказать стихии, что не она правит бал… Природа сама приведет в порядок такое мышление.



Места разные, а проблема одна и та же.

Нергал — маленький помощник великой природы.

Я просто эффективно борюсь с болезнью. Не важно, рак это или религия.



ARCHIDIECEZJA GDAŃSKA
RZYM.-KAT. PARAFIA P.W. ŚW. AP. PIOTRA I PAWŁA
ul. Kapliczna 2
80-341 Gdańsk
tel. (058) 553-2930

DIOECESIS GEDANENSIS
ECCLESIA PAROECIALIS
S. .....
in. .....

RZYM.-KAT. PARAFIA
P.W. ŚW. AP. PIOTRA I PAWŁA
80-341 Gdańsk-Jelitkowo, ul. Kapliczna 15
tel. 58-553-22-30

ŚWIADECTWO CHRZTU
(TESTIMONIUM BAPTISMI)

1. Rok i numer księgi chrztów (Annus et numerus libri baptizatorum) 1978 | 30 str 73
2. Imię i nazwisko (Nomen, cognomen) Adam Michał Darski
3. Imię ojca Zenon wyznanie Rzym - kat
4. Imię matki Irena z domu Turczyn wyznanie Rzym - kat (religio)
5. Data i miejsce urodzenia (Dies et locus nativitatis) 10.06.1977 r. Gdynia
6. Data i miejsce chrztu (Dies et locus baptismi) 05.02.1978 Gdańsk-Jelitkowo
7. Bierzmowanie (Confirmatio) Brak adnotacji
8. Uwagi w księdze chrztów - kan. 470 § 2. 1983 (Adnotationes in libro bapt.) W związku z wnioskiem Adama Michała Darskiego o wystąpienie z Kościoła Rzym - kat decyzja Kurii Metropolitalnej Gdańskiej z dn. 21.08.2 nr. dst. VIE 4-54/12 dokonano ~~chrztu~~ wpisu w ks. chrztu o wystąpieniu z Kościoła Rzym - kat i odstąpieniu od wiary (apostazja)

(L.S.)

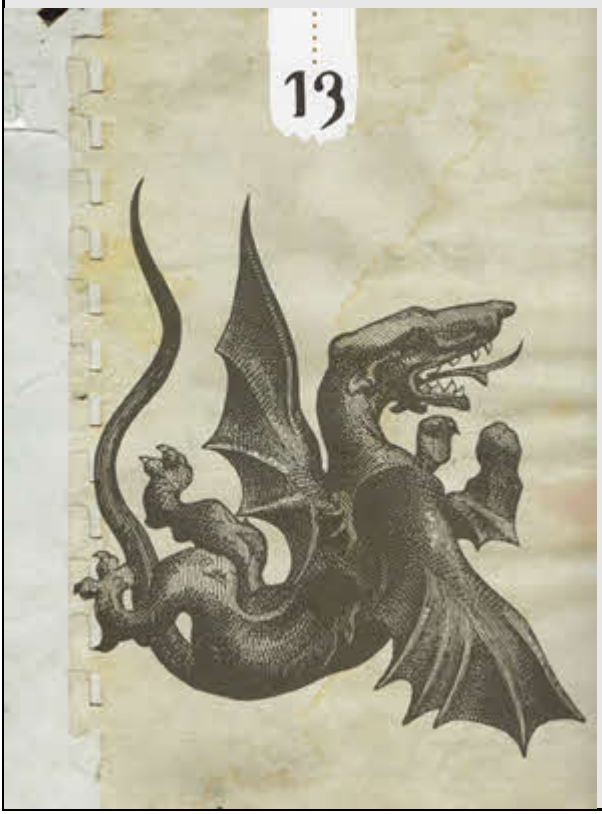
Gdańsk dnia 23.08 20.12 r.

RZYM.-KAT. PARAFIA
P.W. ŚW. AP. PIOTRA I PAWŁA
80-341 Gdańsk, ul. Kapliczna 15

z up. Proboszcz Parochus

Глава XIII

ЧТО ЖИВО, УМЕРЕТЬ НЕ МОЖЕТ



КАК ТЫ СО МНОЙ, ТАК И Я С ТОБОЙ.

С благословением от фанатов.

От болезни не осталось и следа. Behemoth полностью восстановили концертную деятельность. Было тяжело?

Я справился, хотя начинать было трудно. Мы начали с отдельных концертов осенью 2011 года, а весной уже отправились в большой тур по Европе. Возвращение на сцену было для меня

большим стрессом. Сильвия Грухала рассказывала мне, что, когда спортсмены участвуют в соревнованиях, они настолько напряжены, что могут заболеть. Некоторые федерации спорта даже запрещают здороваться перед соревнованиями, чтобы снизить риск заражения инфекцией через рукопожатие. Это удивительно, но именно такой стресс я испытывал перед туром. Осознание того, что через месяц я должен быть в хорошей форме круглыми стуками, рождало сомнения. Казалось, что я не выдержу и заболею. За три дня до выезда у меня появились проблемы с дыханием. Я прошел обследование, оказалось, ничего серьезного, но уровень стресса подпрыгнул…

Как ты с ним справлялся?

Искал хорошее. Наш первый концерт был запланирован в Гамбурге. Мы отыграли его, несмотря на то что перед ним, во время и после я готов был выплюнуть легкие. Потом отыграли еще два, а я считал дни до конца. Двадцать два, двадцать один, двадцать… Напряжение стало спадать только к середине тура. Я почувствовал, что это моя естественная среда. Концертный ритм физически и эмоционально укрепил меня. Изо дня в день я чувствовал себя лучше. Я начал тренироваться, прошли боли в спине, которые мешали мне первые несколько дней, простуды и кашля не было и в помине.

Ты вышел на более рок-н-ролльную дорогу?

Я чувствую ответственность за группу. Сейчас, после болезни, даже больше, чем обычно. К тому же, я являюсь ее фронтменом, мой инструмент — голос. Гитарист может себе позволить ангину, а вокалист? Были минуты, когда я не мог говорить, но, несмотря на это, выходил на сцену. Бывало, я плевался кровью. Своей. Отменив концерты, мы потеряли бы деньги, чего позволить себе не могли. Ты не зарабатываешь, но платить должен за все: автобус, технику, отель. Это адски сложная и утомляющая профессия.

То есть мощные концертные выступления, которые можно увидеть на вашем DVD «Crush. Fukk. Create.», уже в прошлом?

Биологические часы тикают. Сегодня у нас больше рутины. Но это мне нравится. Выспаться, принять ежедневную дозу витаминов, расслабиться, вздремнуть перед концертом, потренироваться, а после — отдохнуть в отеле. И это, в конце концов, прекрасно! Естественно, без вечеринок не обходится. Парни по-прежнему гуляют на славу. После концерта, само собой.

А ты нет?

Когда я немного окреп, тоже пару раз ушел в небольшой отрыв. Но так, благочестиво. Я очень подружился с белым вином. Выпивал бутылку в день, может, две.

Две бутылки вина — мало?

В туре свой микроклимат. Алкоголь, выпитый в туре, не равняется тому же количеству, выпитому дома. Ты словно на каникулах. Встаешь рано и даже не чувствуешь похмелья, хотя дома после такого количества выпивки с трудом поднялся бы с кровати.

Ты выгонял кого-нибудь из группы из-за выпивки?

Нет. Я перестал быть нянькой. Я их партнер. Это вопрос доверия и уважения к правилам, которые мы сами установили. Приоритетом всегда является тур, группа и конкретный концерт. А развлечения — на втором плане. Если кто-то перегибает, как правило, сам себе все и выговаривает. Все понимают, что жизнь с музыкой — это привилегия, так же, как и вечеринки после концертов. Потерять это? Зачем?

А если кто-то не понимает?

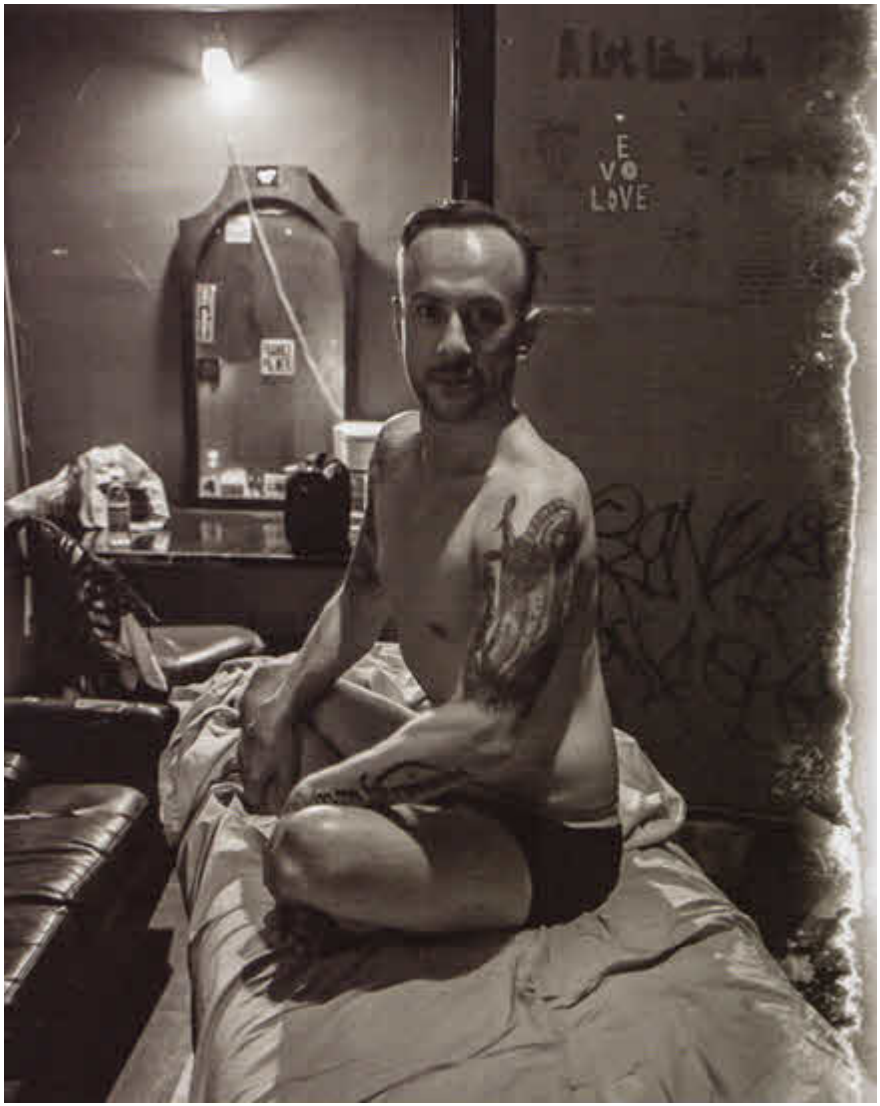
То вся группа поставит его на место. Но я толерантен в этом вопросе. Уговор: перед концертом все должны быть трезвыми. А позже каждый может упиться в стельку, его право. В этот раз происходило что-то подобное. Тур по Европе был очень дружеским. Мы катали с группами, которые знаем и любим. Cannibal Corpse — наши старые друзья. Джордж Фишер, их вокалист, первые несколько дней пускался в алкогольные соревнования с нашим гитаристом Патриком. Сначала они пили наравне.

Я уходил около одиннадцати, а они дальше сидели с пивом в руках, смертельно пьяные. Шли спать и вставали только перед концертом. Все повторялось по кругу. Концерт заканчивался, и Джордж снова сидел у нас в автобусе и пил с Сетом. Хорошо заходило. До одного момента, когда он накидался так, что наложил в штаны. С того дня мы звали его не Джордж Corpsegrinder — его официальный ник, — а Джордж Shitmaster. До окончания тура он был главной жертвой наших шуток. Но таких, сочувственных. Мы, музыканты, — семья. Мы можем жестоко шутить друг над другом, но не перегибаем палку; нет в этих насмешках агрессии.

Предконцертный релакс в туровом автобусе перед выступлением в Сиэтле.

Просто растяжка, не молитва. Обычные ритуалы перед концертом.

Прага, Phoenix Rising Tour, 2012-й.



Массаж перед концертом? Почему бы и нет!..

Сиэтл, 2012-й.

Фанатки соскучились по тебе?

Наверняка. Но я не пользовался этим. Тур — это тяжелое испытание, требующее много усилий. Трахаться в туалете с какой-нибудь девушкой? Я стар для подобных приключений. К тому же я упоминал, что не фанат такого…

А когда был моложе?

Я не святой дух. Бывают ситуации, больше способствующие таким развлечениям, бывают те, что способствуют меньше. Так вот вторые случаются чаще. У меня никогда не было цели бить рекорды по количеству девушек, оказавшихся в моей постели. Но это одна сторона медали.

А вторая?

Есть места, где обстоятельства гораздо более благоприятны. Но там мы бываем реже. Латинская Америка — это эльдорадо для мужчины. У тамошних женщин абсолютно иной темперамент, иные взгляды на жизнь, Для них существует меньше границ. Они настроены на получение удовольствия. То же самое в России. Отношения между мужчиной и женщиной там проще.

Россиянки и полячки одинаковы. И те, и другие — славянки.

Я считаю, что в России женщины гораздо менее расчетливы, чем у нас. К тому же когда мы играем в Москве, я располагаю большей анонимностью, чем в Варшаве. Знаю, что женщина, которая хочет провести со мной несколько ближайших часов, потом исчезнет из моей жизни. А в Польше? Я пять раз подумаю, прежде чем даже допущу мысль о близости.

Полячки корыстны?

Бывает и так. Очень часто складывается такое впечатление, что их попытки начать со мной отношения подкреплены какими-то странными планами. Будто они не столько заинтересованы в моей личности и в получении удовольствия, сколько в моем социальном статусе. Естественно, это рождает во мне сопротивление.

Есть в группе люди, которые его не чувствуют?

Есть, но я не буду об этом говорить.

До того как отправиться в тур по Европе, осенью 2011-го вы вернулись на подмостки польских клубов. Тебе не кажется, что после твоего появления в таблоидах и на телевидении ваша аудитория изменилась?

Появилось мнение, что наши концерты уже не те. Один из моих хороших знакомых даже отклонил приглашение на концерт. Я думал, что он хорошо меня понимает и знает, насколько я искренен, когда речь идет о музыке, которую пишу… Но он

сказал, что воспоминания для него важнее и он хочет запомнить нас, как группу, которая играла для серьезных людей, а не для сезонных фанатов. Что ж, его право.

Он был прав?

Мы с парнями проводили даже социологический эксперимент, проверяя, какие люди появляются на наших концертах. Оказалось, что аудитория состоит в основном из фанатов метала. Может, немного младше по возрасту, чем раньше… Но это естественно. Происходит смена поколений. Конечно, встречались любопытные, которые верили в какую-то сенсацию и приходили, чтобы увидеть парня из телевизора. Но это небольшой процент. В любом случае наш подход не изменился: мы выступаем для преданных фанатов.

СОВСЕМ НЕДАВНО В АМЕРИКЕ

Концерты в Польше прошли успешно?

В большинстве случаев билеты были раскуплены полностью. Люди изголодались по Behemoth. Но мы медленно набирали форму. Начали хорошо, после тура по Европе стало очень хорошо, а в Штатах, куда отправились потом, достигли определенного пика.

Однако Америка встретила вас отменой концерта. «По религиозным причинам».

Концерт был отменен клубом. Его владелец сначала согласился на выступление Behemoth, Watain и The Devil's Blood, а потом передумал. Если бы я был богобоязненным христианином, то посмотрел бы на эти названия и сказал: «Э, нет, господа, у меня вы не выступаете». Впоследствии я посчитал эту шумиху хорошей рекламой. Такой вот подарок на Пасху. Дарят на нее какие-нибудь подарки?

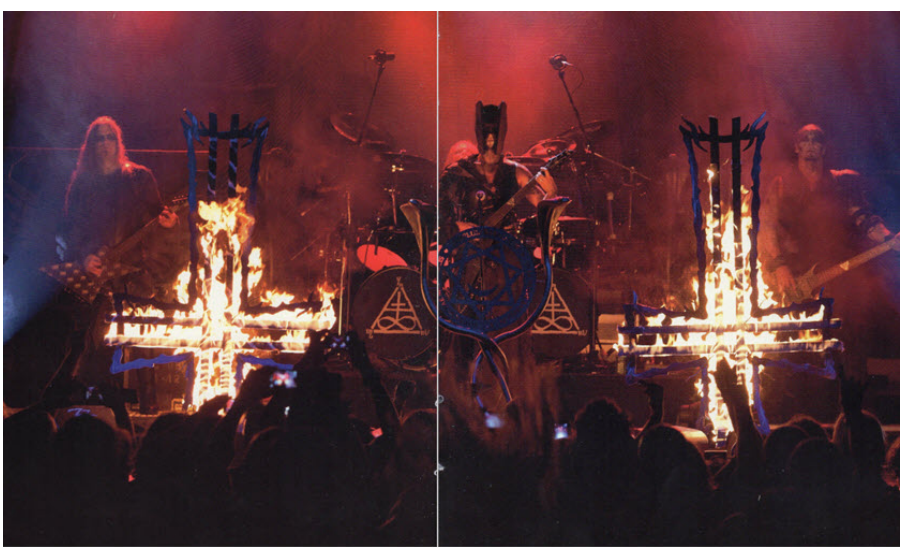
А раньше в Америке происходили с вами такие истории?

Несколько раз нам приходилось отменять выступление, но по техническим причинам. Такое произошло во время тура в поддержку *Evangelion.* Зимой, проезжая по Северной Дакоте, мы попали в самое сердце огромной снежной бури. В полной дыре, пейзаж как в фильме «Фарго» братьев Коэн, не хватало только беременной полицейской… Мы остановились на автозаправке. Знали точно, что один концерт в жопе. Не было ни малейшего шанса, что мы доберемся до него. Но были проблемы похуже: в

автобусе не работала система отопления.

О нескольких часах в кровати мы могли только мечтать, а мело, как в Сибири. Персонал заправки пустил нас в подсобку. Мы купили матрасы, одеяла и шапки. Настоящая ночевка бродяг. В такой же ситуации оказались еще несколько человек. На улицах стояла полиция и контролировала ситуацию. На следующий день мы должны были выступать в Чикаго, а это еще несколько сотен миль пути. Утром нам было плохо. Мы спали на полу, трясясь от холода, сложно в таких условиях отдохнуть… В конце концов, автостраду открыли.

Отопительная система в нашем автобусе все еще не работала, но мы отправились дальше, несмотря на то, что температура внутри была минусовая. Ехали молча, закутавшись в одеяла. Движение было затруднено, поэтому до ближайшего города добирались несколько часов. Мы могли бы вывернуться наизнанку, но все равно не добрались бы на автобусе до пункта назначения. Позвонили организатору. Найдя ближайший аэропорт, мы сели на самолет до Чикаго. С собой взяли только инструменты и необходимое оборудование. Перед концертом успели принять душ и сразу вышли на сцену. Американская зима против Behemoth: один-один.



Fire walk with me. Behemoth на сцене клуба «27» в Швейцарии.

Но на этот раз в Америку вы отправились весной, не было повода жаловаться на погоду?

Было прекрасно. Я пользовался этим, много тренировался, каждый день бегал.

По крайней мере, тебе не нужно было прятаться от папарацци.

Я встретил одного. В Нью-Йорке. Слонялся по Манхэттену с моими друзьями. Мы изучали местные бутики. Зашли в магазин Рика Оуэнса. Я примерял ботинки, когда, посмотрев в окно, заметил на другой стороне улицы парня с огромной трубкой вместо лица, которую он нацелил на меня. Персонал магазина тоже его заметил: занавесили окно. Но парень не отступил. Когда мы вышли, он продолжил съемку. Я окликнул его, он спокойно подошел, улыбнулся и прежде, чем я успел что-то сказать, извинился за то, что нарушает нашу приватность. Оказалось, что он поляк, пять лет работающий в Соединенных Штатах. Пообещал, что не будет за нами следить, пожелал хорошего дня и пошел своей дорогой. Он вел себя совсем не как те, которых я встречал на улицах Варшавы или Гданьска. На прощание я пожелал ему хорошего гонорара за фотографии…

Они появились в таблоидах, наверное, он что-то заработал.

Погода в Америке была хорошая, настроение — тоже, а как проходили сами концерты?

Нас встречали невероятно. Люди знали, через что мне пришлось пройти за последние несколько лет. Я всюду встречал поддержку. Во время концерта мне нравится смотреть на людей, бурлящих на танцполе. Я всегда это делаю. Меня подстегивает вид буйствующих фанатов. В какой-то момент я увидел парня, который высоко над головой держал майку, так что я мог прочесть принт. Там было написано: «Fuck cancer». Вау! Я почувствовал себя чудесно. Наверное, даже немного выпрямился. В другой раз я увидел фаната в футболке с надписью: «Nergal vs Leukemia 1:0». Это дало мне большой толчок энергии. Так образуется связь. Человек понимает, насколько для него важны фанаты. Иногда даже как семья. Чем больше их уважаешь, тем больше твое желание вывернуться для них на сцене на изнанку.

После концерта с Томом Хэмилтоном из Aerosmith.

Еще были такие истории?

Предпоследний концерт мы играли в «Палладиуме» в Новой Англии. Клуб был заполнен до краев. Я рассматривал зрителей и на одном из балконов заметил худощавого мужчину в возрасте. Было впечатление, что мы знакомы. Он внимательно на меня смотрел. Несколько раз я встретился с ним взглядом, но был захвачен концертом и сценой. Спустя примерно полчаса я уже принимал душ. Вдруг в дверь постучал наш тур-менеджер: «Нергал, поторопись, кое-кто хочет с тобой познакомиться». Я одеваюсь, захожу в гримерку, а там этот мужик с балкона. Представился: «Том Хэмилтон, приятно познакомиться». Указав на мальчика, который пришел с ним, он сказал, что это его сын и он наш большой фанат. Все встает на свои места, лицо добавляется к имени: «Охренеть, парень из Aerosmith привел сына на наш концерт!» — думаю я. Тем временем Том начинает делиться своими впечатлениями. Говорит о нашей музыке, а я нахожусь в шоке от того, как много он понял. А меж тем он годится мне в отцы.

К тому же он является одним из создателей хард-рока. Я стою лицом к лицу с легендой и стараюсь не выдать, насколько маленьким себя чувствую. Когда он вспомнил о «своей группе», я попробовал пошутить и сказал: «Ты играл в Bon Jovi, верно?» С серьезным лицом он ответил: «Нет, в Aerosmith». Это никак не нарушило его равновесия. Оказалось, что он знает меня, знает о моей болезни и рад, что я справился с ней. Он показал на свою шею, на место, откуда ему вырезали опухоль. Проходят минуты, мы разговариваем, фотографируемся на память. Еще один особенный день чудесной жизни.

Для тебя важна поддержка людей из музыкального сообщества?

Я горжусь тем, что работаю со многими людьми, с которыми меня связывает не только работа, но и дружба. За двадцать лет я понял, что когда речь идет о бизнесе, надо держать глаза открытыми. Всегда найдется кто-то, кто захочет тебя надуть и всадить нож в спину. Но я встречаю и людей особенных. Я стараюсь окружить себя ими. Прекрасным примером может служить Михал Вардзала, наш польский издатель, глава студии Mystic. Все начиналось хорошо: он предложил нам издание альбома, а я согласился, хотя следил за каждым его шагом. Взаимное доверие росло. Сейчас я доверяю ему как собственной матери. Он мой друг. Возможность работать с такими людьми — это дар. Их поддержка была и будет для меня бесценна.

Ты чувствуешь себя удовлетворенным?

Жизнь музыканта специфична. Легко захлебнуться газировкой. Каждый вечер ты выходишь на сцену и слышишь, как тысяча глоток выкрикивает слова твоих песен. После концерта тебя ждут халявный алкоголь, и не только он, девушки, которые мечтают запереться с тобой в гримерке. Много было тех, кто думал, что так будет всегда. Они быстро выбывали из игры. В мире есть тысяча людей, которые так и ждут, когда ты сделаешь неверный шаг. Они сразу же толкают тебя, чтобы занять твое место. Если ты хочешь жить музыкой, то должен помнить об этом.

Ты помнишь?

Наш автобус останавливается посреди Альп. Я вижу горы, купающиеся в лучах солнца. Выхожу, чтобы размять ноги. Все вокруг настолько красивое, что дух захватывает. Именно в такие минуты мне в голову приходит мысль о том, какой прекрасный дар вручила мне жизнь. Я повторяю себе: «Дарский, не потеряй его!»

Случается иногда творческий кризис?
Часто.

Ты борешься с этим? Или пережидаешь?
Борюсь. Я стараюсь преодолеть его, но появляются сомнения. Должен ли? Будет ли это искренним? Может, он должен пройти сам, без борьбы? Будет ли то, что в ней рождается, правдивым?

Выходит правдиво?
В такие минуты я напоминаю себе, что альпинисту, покоряющему восьмитысячник, борьба тоже не дастся легко и приятно. Или думаю о женщинах.

О женщинах?
Эмоции, которые сопровождают борьбу за женщину, похожи на те, которые появляются, когда я пробую что-то писать. Когда мужчина борется за свою избранницу, то нс все ему удается легко, верно? Ты добиваешься ее, иногда она отвечает на подачу, иногда игнорирует. Это брачный танец. Так и я на протяжении всей моей жизни танцую с гитарой. Это мой инструмент.

Это кажется простым: ты берешь в руку гитару и играешь.
Зависит от того, как к этому подойти. Инструмент — как понятно из названия — для чего-то используется; речь идет не о самой игре, о звуках, но о чем-то большем, даже глобальном. Мне сложно здесь употребить термин искусство, потому что оно подразумевает что-то действительно великое, но речь идет именно о целостности. У тебя появляется образ, картинка в голове, а еще желание выразить его определенным языком. В моем случае — языком музыки. Это рождает множество проблем, поскольку я не являюсь виртуозом. Само собой, я стараюсь быть лучшим в том, что делаю. Работаю над собой, но некоторые барьеры непреодолимы. Поэтому я должен реализовать свое видение при помощи ограниченного арсенала тех средств, которыми располагаю. Однако умение — это только одна сторона медали. Есть еще воображение, оно является движущей силой. Но и оно ограничено.

Страдания молодого Нергала…

Иногда так это и выглядит, потому что музыка часто рождается из боли. Плотник берет кусок дерева, обрабатывает его, шлифует, здесь что-то отсечет, там что-то сточит, но он действует в рамках определенной схемы. В его голове, а часто и на бумаге, готов эскиз, который он должен повторить. Я творю по-другому. Беру кусок дерева и вслепую обтесываю его, ищу подходящую форму. Иногда делаю это неделями. Но тем больше будет радость, когда мне удастся найти подходящие очертания, хоть грубые и угловатые.

Болезненно творчество.

Беспомощность причиняет мне боль. Мучает ужасно.

Как ты это преодолеваешь?

Я должен быть в одиночестве. Это может казаться банальным, но одиночество помогает в творчестве. Если я представляю, когда беру в руки гитару, что кто-то ходит по дому, то чувствую, что ничего бы из этого не вышло. Даже если бы это был близкий мне человек… Сами звуки, которые он производит своим присутствием, бывают помехой.

Следовательно, ты один в доме…

Как сегодня. Я встал, выглянул в окно… Как видишь, я живу возле костела, поэтому увидел огромный крест в струях дождя. Лило как из ведра. Я думаю, что у большинства людей в этот момент появилось скорбное выражение лица. Потому что дождь, потому что холодно, потому что очередной день и надо бросаться в тот же самый круговорот событий… А я был в восторге. И эта пустота дома, эта тишина — все это стало резонатором. И вот он, тот самый момент. Я взял в руки гитару, подобрал несколько аккордов, и все встало на свои места, все совпало до йоты.

А если бы светило солнце, а по дому ходила любимая жена?

Было бы сложно подобрать хорошие аккорды.

СИЗИФ БАЛЬБОА

Нет в этом творческого мазохизма? Говорят, что свои лучшие произведения художник создает в страданиях.

Можно так сказать.

А на самом деле как?

Последний альбом Behemoth, *Evangeliott,* я написал после расставания с женщиной, с которой провел год своей жизни. Мне было на самом деле плохо. Это был единственный раз, когда я принимал антидепрессанты. Они, а также то, что я начал сочинять как сумасшедший, сделали так, что полный упа док вдруг стал самой высокой вершиной. Альбом оказался нашим самым большим успехом, не только с коммерческой точки зрения.

Смело такое говорить. Но тебе не кажется, что антидепрессанты несколько расходятся с твоим сценическим

имиджем?

Я всегда полон энергии, силы, жизни… Но я не стыжусь этого, и для меня это не проблема. Когда жизнь бьет по голове и ты не можешь даже встать с кровати, то почему надо отказываться от противоядия, даже если это химия. Это способ, такой же, как и любой другой, а главное, эффективный. Если мне нужно подняться на верх здания, неважно, какой метод я выберу. Главное, чтобы действовало. Можно быть Человеком-пауком и взбираться по стене. Можно быть бегуном и быстро взбежать по лестнице. Можно быть котом и перепрыгивать с крыши на крышу. К тому же, знаешь, почему панцирь черепах твердый? Потому что они мягкие.

Твердый металлический панцирь прячет внутри чувствительного человека?

Здесь имеется в виду не только моя психика, но в целом моя личность, а также тело. Это как если бы взяли титана и маленького ребенка и сделали из них одного человека. У меня такое строение. С годами я узнаю все больше о своих слабых местах, сферах, в которых я чувствую себя безоружным. И по-настоящему боюсь, что какая-нибудь из них в конце концов возьмет верх. Но с другой стороны, мое положение действует как защита и помогает тому, что я иду по жизни, как солдат.

Как видно, даже семилетняя девочка может влюбиться в дьявола.

А музыка в этом случае что? Меч?

Скорее, звуковая дорожка моего путешествия. Но не пойми меня неправильно: иногда эта дорожка несет в себе много тишины. В последнее время в моей жизни ее все больше. Иногда должно быть тихо, иногда должен играть целый оркестр.

В принципе, в твоей жизни много противоречий, словно ты движешься по синусоиде.

Наверное, так оно и есть. Я должен упасть, чтобы встать и снова подниматься вверх.

Как Сизиф?

Даже у меня в голове появилась мысль о Сизифе, когда я думал о последних годах моей жизни и вспоминал ситуацию, о которой мы говорили. Когда после расставания с любимой женщиной я почувствовал, что упал на самое дно, моя броня была пробита. И я не смог сам ее залатать. Именно тогда я прибег к помощи антидепрессантов. Это был большой удар. С одной стороны, конечно, была химия, что-то извне, но с другой, я установил для себя жесткую дисциплину и снова начал подниматься вверх.

Несколько месяцев я жил как в казарме. Не хватало только ежедневной муштры. Каждый мой день начинался с тяжелой тренировки, потом я надолго запирался с гитарой в домашней студии, вечером читал или ходил в кино. Это был конец декабря. Меня страшно подстегивало осознание того, что где-то рядом со мной разворачивается рождественская кампания, люди, сидя перед телевизорами, набивают животы, а я, укутанный в три слоя одежды и шарф, бегаю по заснеженному лесу.

Как Рокки Бальбоа.

Я всегда был фанатом фильмов, в которых главный герой сначала получает сильный удар от жизни, а потом встает с колен и выступает с открытым забралом против невзгод судьбы. Это та черта, которая так меня привлекает в американской культуре — запрограммированность на победу.

Ты тоже справился со своими демонами?

Я все время ощущал глубокую рану от расставания с любимым человеком. Но и чувствовал, как она заживает. Это ощущение я перевел в звуки и слова. Так получился *Evangelion.* Я думаю, это лучший альбом, который мы когда-либо записывали.

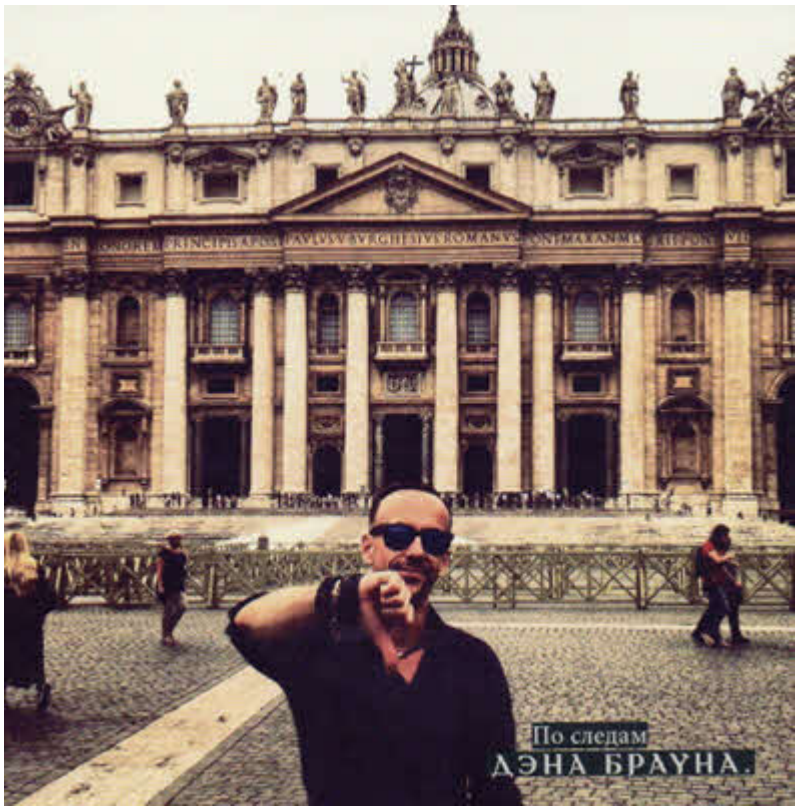
Сизиф, взобравшись на вершину, падал. Ты тоже пережил очередное падение. Более того, ты был близок к смерти.

Мне сложно это оценивать. Я не знаю мер, которые можно применить к таким событиям, не знаю, как их классифицировать. На самом деле, не знаю, является ли смертельная болезнь большим упадком, чем расставание с женщиной. Это все индивидуально и зависит от тысячи факторов.

Ты справился с одной смертельной болезнью, а расставаний пережил гораздо больше.

В какой-то степени я даже научился расставаться. Это не

ослабляет силы удара, я просто знаю, как залечить раны. В такие минуты человек чувствует себя маленьким ребенком в лесной чаще. Темно, и ты не знаешь, в какую сторону идти. И это чувство остается. Но и учит. Я знаю, что вместо того, чтобы идти в темноте наощупь, надо подождать рассвета. Всегда рассветает, хоть и не сразу. Но я действительно не уверен, что в тот момент, когда я снова попаду в подобную ситуацию, я не запаникую и не побегу, не разбирая дороги. Этого человек никогда не знает, верно?



По следам Дэна Брауна

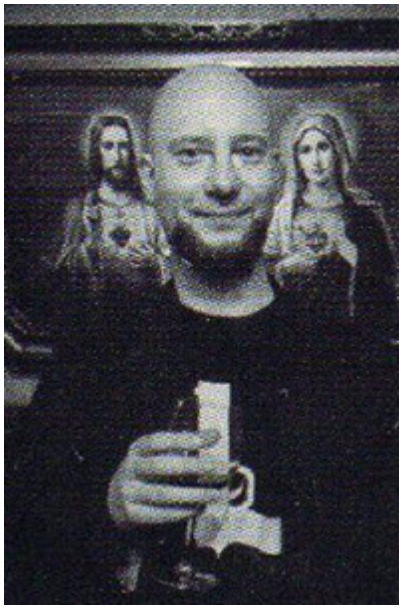
Торговый отдел: тел. (48 22) 360 38 38 | факс (48 22) 360 38 49 Заказ по почте: отдел обслуживания клиентов, тел. (48 22) 360 37 77 Дизайн обложки: Сет Сиро Антон Графический дизайн: Мацей Шиманович Фотография Нергала на обложке: Иво Ледвожив Фотография Кшиштофа Азаревича на обложке: Артур

Мечковский Фотография Петра Вельтровского на обложке: Иво Ледвожив Перевод с польского: Полины Кушнер

Фотографии: личный архив Нергала с.: 10, 13, 15, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 35, 36, 38, 39,41,45,46, 49,63, 73,77, 85, 89,96, 102–103, 114, 117, 119, 129, 144, (внизу), 145, 135, 136, 138, 142, 144,147,48,149,151, 153, 182, 185, 190, 203, 204, 209, 212, 224, 225, 228, 229, 231, 246, 261, 282, 323, 327, 330, 333, 334, 337, 343, 346, 348, 360, 376, 383; Майк Савойа с.: 59,154–155, 214,316–317,367, 370, 336–337;

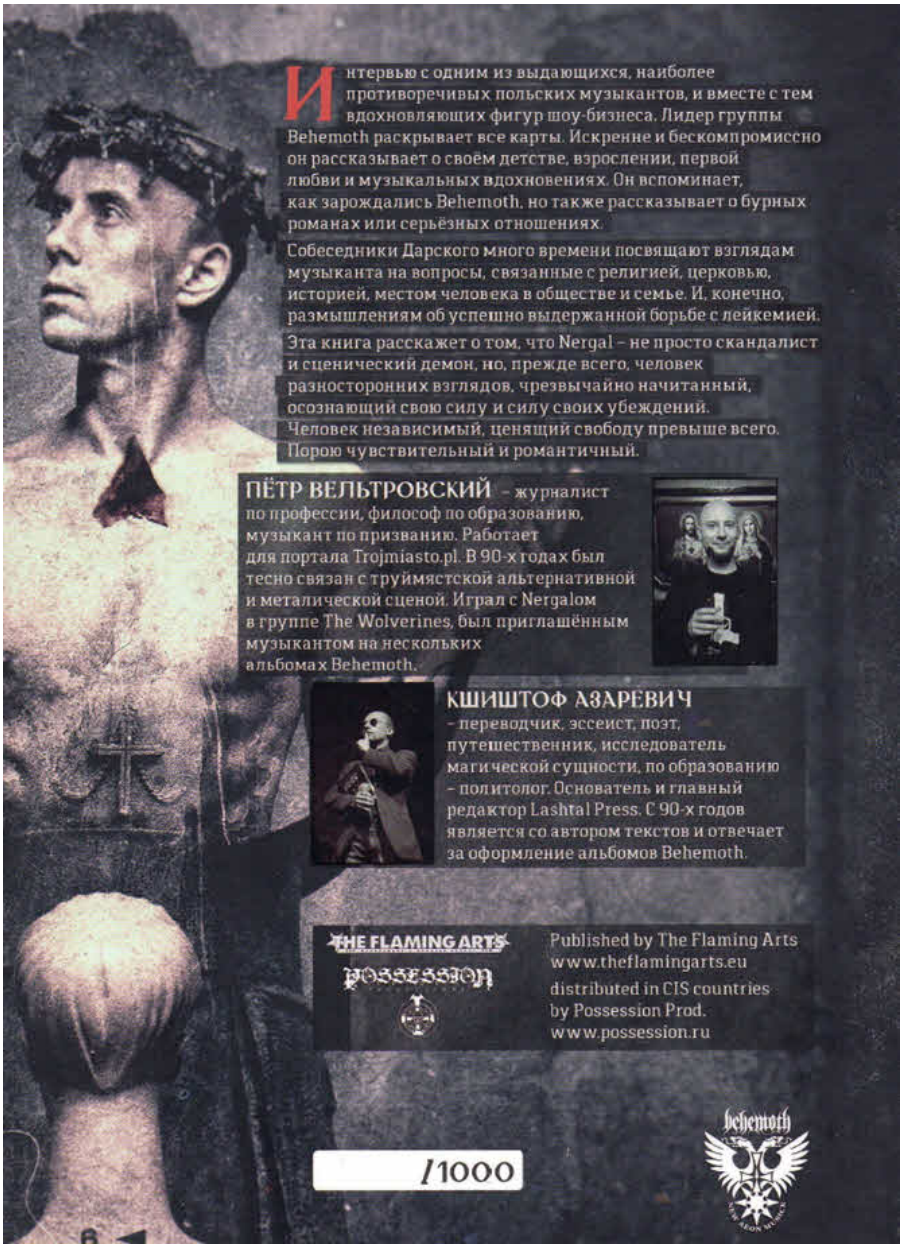
Иво Ледвожив с.: 1, 5,67, 166, 177, 244, 379; Кшиштоф Виктор /www.krzysztof.wiktor.eu с.: 108, 127, 256, 289, 297; Агнешка Крысюк с.: 82, 234, 276, 278; Руди де Донкер с.: 160, 179, 180–181; Кшиштоф «Садо» Садовский с.:53, 132, 241; Наталья Кемпин с.: 163,168, 341; Ядвига Дзиума с.: 309, 310–311; Адам Сивецкий / ROCHSTAR с.: 270, 271, 281; Дамиан Крамский с.: 69, 227, 354; Ян Богач TVP SA с.: 258–259, 268–269; Мартин Дарксол с.: 64, 100; Шарлин Таппер с.: 159, 364; Эстер Сегарра с.: 188, 321; Рафаэль Котылак с.: 368–369; Джимми Хаббард с.: 298–299; Шелли Ямбрешич с.: 374–375; Мирослав Песлак /FORUM с.:70; Лукаш Гавроньский с.:79; Марцин Худзиньский с.: 92; Адам Саги с.: 97; Максимилиан Ригамонти с.: 173; Агнешка Крысюк с.: 174; Sody с.: 197; Рафаэль Шиер с.: 243; Кшиштоф Ярош /FORUM с.: 251; Бетани Уайзблад с.: 262; Иренеуш Собещук TVP SA с.: 273; Артур Мечковский с.: 313; Майк Хатсон с.: 338; Аркадиуш Мальчевский с.: 144 (сверху); shutterstock.com с.: 4, 5, 8, 9,39, 50, 51,65,67, 80, 81, 98, 104, 105, 130, 131, 145, 164,165, 186, 187, 232, 233, 252, 253, 292, 314, 315, 344, 345, 346, 347, 348, 362, 363, 367.

Об авторах



ПЁТР ВЕЛЬТРОВСКИЙ — журналист по профессии, философ по образованию, музыкант по призванию. Работает для портала Trojmiasto.pl. В 90-х годах был тесно связан с труймястской альтернативной и металической сценой. Играл с Nergalo-м в группе The Wolverines, был приглашённым музыкантом на нескольких альбомах Behemoth.

КШИШТОФ АЗАРЕВИЧ — переводчик, эссеист, поэт, путешественник, исследователь магической сущности, по образованию — политолог. Основатель и главный редактор Lashtal Press. С 90-х годов является со автором текстов и отвечает за оформление альбомов Behemoth.


Интервью с одним из выдающихся, наиболее противоречивых польских музыкантов, и вместе с тем вдохновляющих фигур шоу-бизнеса. Лидер группы Behemoth раскрывает все карты. Искренне и бескомпромиссно он рассказывает о своём детстве, взрослении, первой любви и музыкальных вдохновениях. Он вспоминает, как зарождались Behemoth, но также рассказывает о бурных романах или серьёзных отношениях.
Собеседники Дарского много времени посвящают взглядам музыканта на вопросы, связанные с религией, церковью, историей, местом человека в обществе и семье. И, конечно, размышлениям об успешно выдержанной борьбе с лейкемией.
Эта книга расскажет о том, что Nergal – не просто скандалист и сценический демон, но, прежде всего, человек разносторонних взглядов, чрезвычайно начитанный, осознающий свою силу и силу своих убеждений. Человек независимый, ценящий свободу превыше всего. Порою чувствительный и романтичный.
ПЁТР ВЕЛЬТРОВСКИЙ – журналист по профессии, философ по образованию, музыкант по призванию. Работает для портала Trojmiasto.pl. В 90-х годах был тесно связан с труймястской альтернативной и металической сценой. Играл с Nergalom в группе The Wolverines, был приглашённым музыкантом на нескольких альбомах Behemoth.
КШИШТОФ АЗАРЕВИЧ – переводчик, эссеист, поэт, путешественник, исследователь магической сущности, по образованию – политолог. Основатель и главный редактор Lashtal Press. С 90-х годов является со автором текстов и отвечает за оформление альбомов Behemoth.
THE FLAMING ARTS
POSSESSION
Published by The Flaming Arts
www.theflamingarts.eu
distributed in CIS countries
by Possession Prod.
www.possession.ru
/1000
behemoth

notes

Примечания

1

ПОРП — Польская объединенная рабочая партия (*польск.* Polska Zjednoczona Partia Robotnicza) — правящая партия в Польской Народной Республике с 1948 по 1989 г.

2

Труймясто *(польск.* Trójmiasto — трёхградье) — агломерация на севере Польши. Состоит из Гданьска, Сопота и Гдыни, а также нескольких маленьких городов и предместий.

3

По окончании школы отличники получают особое свидетельство, с «пояском» в виде польского флага с левой стороны; для этого необходим средний балл 4,75 и отметка по поведению «очень хорошо».

4

Польское объединение профсоюзов, созданное в 1980 г. на судоверфи им. Ленина в Гданьске.

5

Строчка из припева песни *Chcemy być sobą* польской рок-группы Perfect

6

Польская народная песня.

7

Сеть валютных магазинов экспортных товаров в Польской Народной Республике.

8

Оригинал альбома вышел с ошибкой в названии. — *Примеч. ред.*

9

Дешевое плодово-ягодное вино.

от Пого — «ритуальный танец» ранних панков; состоит в подпрыгивании на месте с прямой спиной, ногами и руками, прижатыми к туловищу.

11

Ясная Гора, или Санктуарий Пресвятой Девы Марии Ясногорской, в г. Ченстохове считается величайшей святыней и является главным объектом религиозного паломничества в Польше.

12

Религиозное движение внутри христианства; 1967 — наст. вр.

13

Пасха. — *Англ.*

14

Латинск. sacrum — интеллектуальная привлекательность, profanum — физическая любовь (по Платону, «Пир»).

15

Непобедимый. — Польск.

16

Солнце Непобедимое. — Латинск..

17

Бог плодородия у части западных славян.

18

В славянской мифологии бог-громовержец.

19

Он же Адальберт Пражский, католический святой, особо почитаем в Польше и Венгрии. По происхождению принадлежал к могущественному чешскому княжескому роду. Долгое время жил в Польше, при дворе Болеслаза Храброго, польского князя (992—1025). Весной 997 года отправился проповедовать христианство среди пруссов. Погиб 23 апреля 997 года от рук прусских язычников неподалеку от нынешнего Калининграда.

20

Слава убийцам Войцеха. — Польск.

21

Польский католический священник-францисканец, погибший в Освенциме, добровольно пойдя на смерть ради незнакомого ему человека.

22

Название периода в литературе, искусстве и музыке, приходящегося на 1891–1918 годы, связанного с проникновением модернизма в польскую культуру.

23

Традиционное для польской, литовской, белорусской и русской кухни блюдо из квашеной капусты и мяса.

24

Суп, оригинальное национальное блюдо, входящее в состав польской и белорусской кухни.

25

Вечный двигатель. — *Латинск.*

26

Откровения Иоанна Богослова, глава 13, стих 1.

27

От полного имени Аркадиуш.

28

Певец, представитель Польши на конкурсе песни «Евровидение-2001», один из членов жюри в The Voice of Poland.

Пристань. — *Попьск.*

30

Парковый комплекс недалеко от центра Варшавы.

31

Польский вокалист, композитор, музыкант, лидер группы Czesław Śpiewa.

32

Польский певец, рок-гитарист, поэт, лидер групп Pudelsi и Homo Twist, принимал участие в записи песни Behemoth Lycifer, снялся в клипе.

33

Ветхий завет, Псалтирь, псалом 22, стих 4.

34

Деньги не пахнут. — Латинск.

35

Польское реалити-шоу талантов, премьера которого состоялась в 2011-м.

36

НФЗ (NFZ) является государственным учреждением, финансирующим медицинские услуги со взносов, делаемых лицами, застрахованными в нем.

37

Польская поп-певица, часто в своем творчестве обращается к ретро-мотивам

38

Имеется в виду польская певица и автор песен Kayah.

39

Премия, вручаемая с 1981 года худшим фильмам и актерам.

40

Евангелие от Матфея, глава 7, стих 16.

41

Горы в Польше и на Украине, часть большого «лука» Восточных Карпат, на польской территории которых находится Бещадский национальный заповедник.

42

Станислав Игнатий Виткевич (псевдоним — Виткаций) — польский писатель, художник и философ.

43

Термин Виткация, использованный в эссе «Наркотики».

Цит. биография Томаша Станько Desperado.